ПРЕКРАСНАЯ МАГЕЛОНА

ФОРТУНАТ

ТИЛЬ УЛЕНШПИГЕЛЬ

Annotation

Среди немецких народных книг XV–XVI вв. весьма заметное место занимают книги комического, нередко обличительно-комического характера. Далекие от рыцарского мифа и изысканного куртуазного романа, они вобрали в себя терпкие соки народной смеховой культуры, которая еще в середине века врывалась в сборники насмешливых шванков, наполняя их площадным весельем, шутовским острословием, шумом и гамом. Собственно, таким сборником залихватских шванков и была веселая книжка о Тиле Уленшпигеле и его озорных похождениях, оставившая глубокий след в европейской литературе ряда веков.

Подобно доктору Фаусту, Тиль Уленшпигель не был вымышленной фигурой. Согласно преданию, он жил в Германии в XIV в. Как местную достопримечательность в XVI в. в Мёльне (Шлезвиг) показывали его надгробье с изображением совы и зеркала. Выходец из крестьянской семьи, Тиль был неугомонным бродягой, балагуром, пройдохой, озорным подмастерьем, не склонявшим головы перед власть имущими. Именно таким запомнился он простым людям, любившим рассказывать о его проделках и дерзких шутках. Со временем из этих рассказов сложился сборник веселых шванков, в дальнейшем пополнявшийся анекдотами, заимствованными из различных книжных и устных источников. Тиль Уленшпигель становился легендарной собирательной фигурой, подобно тому как на Востоке такой собирательной фигурой был Ходжа Насреддин.

- Тиль Уленшпигель
  -
  - Рассказ о рождении Тиля Уленшпигеля
  - Вторая история рассказывает о том, как все крестьяне и крестьянки жаловались на Уленшпигеля и твердили, что он негодяй и плут, а он ехал на лошади, сидя верхом позади отца, и втихомолку показывал людям свой зад
  - Третья история рассказывает, как Клаус Уленшпигель уехал из Кнетлингена к реке Заале, откуда родом была его мать, как

умер Клаус и как его сын, тиль, учился ходить по канату
- Четвертая история рассказывает, как Уленшпигель уговорил две сотни парней разуть башмаки и сделал так что из-за этого стар и млад друг дружке вцепились в волосы
- Пятая история рассказывает, как мать Уленшпигеля убеждала его и заставляла учиться какому-либо ремеслу
- Шестая история рассказывает, как Уленшпигель в городе Штрассфурте обманул пекаря на целый мешок с хлебом и отнес хлеб домой, своей матери[10]
- VII История рассказывает, как Уленшпигель вместе с другими подростками ел «пшеничное поленце»,[12] сиречь хлеб из белой муки, и как ему пришлось есть через силу и еще получать побои
- Восьмая история рассказывает, как Уленшпигель сделал такое, что куры, принадлежащие скупому, друг у дружки тянули приманку
- Девятая история рассказывает о том, как Уленшпигель залез в улей, а ночью пришли двое и хотели этот улей украсть и как он сделал, что эти двое подрались, а улей бросили наземь
- Десятая история рассказывает о том, как Уленшпигель сделался пажем и хозяин его учил, если встретится ему трава коноплица, называемая в Саксонии «хенеп», он должен на нее нагадить, а Уленшпигель наложил в горчицу, потому что думал, что «хенеп» и «зенеп» – одно и то же[14]
- XI История рассказывает, как уленшпигель нанялся к священнику и как съел у него жареных кур с вертела
- XII История рассказывает, как Уленшпигель сделался пономарем в деревне Буденштетен и как священник наклал в церкви, благодаря чему Уленшпигель выиграл бочку пива
- XIII История рассказывает, как Уленшпигель на Пасху во время заутрени устроил такое представление, что поп и его ключница подрались с мужиками[19]
- XIV История рассказывает, как Уленшпигель обещал в Магдебурге совершить полет с крыши и как дерзкими речами прогнал прочь зевак[20]
- XV История рассказывает, как Уленшпигель выдал себя за лекаря и лечил доктора, состоящего при епископе

Магдебургском, и одурачил его
- XVI История рассказывает, как Уленшпигель в одной деревне, Пейне,[23] помог больному ребенку сходить на стул, чем заслужил большую благодарность
- XVII История рассказывает, как Уленшпигель за один день и без всяких лекарств вылечил всех больных в госпитале[27]
- XVIII История рассказывает, как уленшпигель покупал хлеб по пословице: «У кого хлеб есть, тому еще прибавится»[31]
- XIX История рассказывает, как Уленшпигель нанялся подмастерьем к пекарю[33] и как он испек мартышек и сов
- XX История рассказывает, как Уленшпигель просеивал муку в свете месяца
- XXI История рассказывает, как Уленшпигель всегда ездил на светлой лошади и неохотно находился там, где были дети
- XXII История рассказывает, как Уленшпигель нанялся к графу Ангальтскому[40] стражем на башню[41] и, когда подошли враги, он не затрубил в рог, а когда их не было, затрубил сигнал тревоги
- XXIII История рассказывает, как Уленшпигель велел подковать свою лошадь золотом, за что заплатить должен был датский король[42]
- XXIV История рассказывает, как Уленшпигель грубой шуткой превзошел шута короля польского
- XXV История рассказывает, как Уленшпигелю было запрещено являться в Люнебургское герцогство и как он распорол брюхо своей лошади и влез туда
- XXVI История рассказывает, как Уленшпигель купил у одного крестьянина немного его земли, насыпал в тачку и сел в нее
- XXVII История рассказывает, как Уленшпигель рисовал ландграфа[49] гессенского и сказал ему, что тот, кто рожден вне законного брака, не может увидеть его картину[50]
- XXVIII История рассказывает, как Уленшпигель в пражском университете, что в Богемии, вел диспут со студентами и одержал над ними верх[55]
- XXIX История рассказывает, как Уленшпигель в Эрфурте учил осла читать по старой псалтири[62]

- XXX История рассказывает, как Уленшпигель в Зангерхаузене, что в земле Тюрингии, стирал женщине мех
- XXXI История рассказывает, как Уленшпигель возил с собой череп, чтобы им морочить людей, и собрал таким образом много пожертвований[64]
- XXXII История рассказывает, как Уленшпигель разбудил нюренбергских стражников и как они погнались за ним через мост и упали в воду
- XXXIII История рассказывает, как Уленшпигель в Бамберге ел за деньги
- XXXIV История рассказывает, как Уленшпигель пришел в Рим и лицезрел папу, который принял его за еретика
- XXXV История рассказывает, как Уленшпигель во Франкфурте-на-Майне обманул на тысячу гульденов евреев и продал им свое дерьмо под видом вещих ягод
- XXXVI История рассказывает, как Уленшпигель в Кведлинбург купил кур и оставил крестьянке в залог ее собственного петуха
- XXXVII История рассказывает, как священник из верхнего Энгельсхейма[77] съел у Уленшпигеля колбасу, от которой ему потом стало худо
- XXXVIII История рассказывает, как Уленшпигель с помощью лживой исповеди уговорил священника из деревни Риссенбрюгге[78] отдать ему лошадь
- XXXIX История рассказывает, как Уленшпигель нанялся к кузнецу и отнес его меха во двор
- 40 История рассказывает, как Уленшпигель одному кузнецу сковал вместе молот и клещи
- 41 История рассказывает, как уленшпигель кузнецу. его жене, работнику и служанке сказал правду
- 42 История[85] рассказывает, как Уленшпигель служил у сапожника и спросил его, на какой фасон ему выкройки гнать, а мастер сказал: «Гони большие и маленькие, как пастух за околицу стадо гонит», а Уленшпигель выкроил быков, коров, телят и козлов и тому подобное, испортив кожу
- 43 История рассказывает, как Уленшпигель налил одному крестьянину супа и сдобрил его вместо масла вонючим

рыбьим жиром, подумав, что для мужика и так сойдет
- 44 История рассказывает, как один башмачник в Брауншвейг нашпиговал салом сапоги Уленшпигелю, за что Уленшпигель выбил у него в горнице оконные стекла
- 45 История рассказывает, как Уленшпигель в Висмаре продал одному сапожнику вместо сала мерзлый навоз
- 46 история рассказывает, как Уленшпигель в Эйнбеке был подмастерьем у пивовара и как вместо хмеля сварил пса по имени «Хмель»
- 47 История рассказывает, как Уленшпигель нанялся к портному и шил под кадкой
- 48 История рассказывает, как Уленшпигель заставил трех подручных портного упасть со скамьи и сказал, что это их ветром сдуло
- 49 История рассказывает, как Уленшпигель написал всем портным в саксонских землях, что обучит их искусству, которое принесет счастье им и их детям
- 50 История рассказывает, как Уленшпигель бил шерсть в церковный праздник из-за того, что суконщик запретил ему отдыхать в понедельник[89]
- 51 История рассказывает, как Уленшпигель нанялся к скорняку и испортил воздух в доме для того, чтобы одна вонь вышибла другую
- 52 История рассказывает, как Уленшпигель спал в меховых шкурах – просушенных и сырых, как ему велел скорняк
- 54 История рассказывает, как Уленшпигель в Лейпциге зашил живую кошку в заячью шкуру и продал ее в мешке скорнякам как живого зайца
- 55 История рассказывает, как Уленшпигель в Брауншвейге у одного дубильщика кипятил кожи, а в огонь подкладывал скамейки и стулья
- 56 История рассказывает, как Уленшпигель в Любеке обманул сидельца, наливавшего вино, которому отдал кувшин с водой вместо кувшина вина[91]
- 57 История рассказывает, как Уленшпигеля в Любеке хотели повесить и как он быстро избавился от этого хитрой выходкой

- 58 История рассказывает, как Уленшпигель заказал Хельмштете большую сумку
- 60 История рассказывает, как Уленшпигель в Эрфурте еще раз обманул мясника на кусок вырезки[92]
- 61 История рассказывает, как Уленшпигель в Дрездене был подмастерьем у столяра и заслужил мало благодарности
- 62 История рассказывает, как Уленшпигель стал мастерить очки и ни в одной стране не мог получить работы
- 63 История рассказывает, как Уленшпигель в Хильдесхейме нанялся к одному купцу поваром и истопником и вел себя там как заядлый озорник
- 64 История рассказывает, как Уленшпигель в Париже стал торговать лошадьми и как один француз вырвал напрочь хвост у его лошади
- 65 История рассказывает, как Уленшпигель в Люнебурге крепко одурачил одного дудочника
- 66 История рассказывает, как старая крестьянка насмеялась над Уленшпигелем, когда он потерял свой кошелек
- 67 История рассказывает, как Уленшпигель обманул в Ульцене одного крестьянина на куске зеленого сукна, уговорив его, что оно синее[101]
- 68 История рассказывает, как Уленшпигель в Ганновере опростался в бане, считая, что это дом очищения
- 69 История рассказывает, как Уленшпигель в Бремене скупил у крестьянок молоко и слил его вместе
- 70 История рассказывает, как Уленшпигель дал двенадцати слепым двенадцать гульденов, и как они думали, что их израсходовали, и как от этого им напоследок не поздоровилось[104]
- 71 История рассказывает, как Уленшпигель в Бремене готовил для своих гостей жаркое, которое никто не стал есть, потому что он прыскал маслом из задницы
- 72 История рассказывает, как Уленшпигель б одном из городов Саксонии сеял камни, а когда его спросили, что он делает, сказал, что сеет плутов
- 73 История рассказывает, как Уленшпигель нанялся к одному цирюльнику и влез к мастеру в дом через окно

- 74 История рассказывает, как Уленшпигеля пригласила в гости женщина, у которой из носа висела сопля
- 75 История рассказывает, как Уленшпигель один съел пшенную кашу, потому что уронил туда возгрю из носа
- 76 История рассказывает, как Уленшпигель опростался в одном доме и пустил ветры через стену, где шла цеховая пирушка, и гости не могли этого выдержать
- 77 История рассказывает, как Уленшпигель в Эйслебене напугал хозяина постоялого двора волком, которого этот хозяин похвалялся поймать
- 78 История рассказывает, как Уленшпигель в кельне наклал хозяину на стол и сказал ему, что если он туда подойдет, то обнаружит все, что Уленшпигель ему оставил
- 79 История рассказывает, как Уленшпигель расплатился с хозяином звоном монет[109]
- 80 История рассказывает, как Уленшпигель покинул Росток[111]
- 81 История рассказывает, как Уленшпигель снял шкуру с собаки и отдал эту шкуру хозяйке в расплату за то, что песик ел вместе с ним
- 82 История рассказывает, как Уленшпигель убедил эту женщину, что Уленшпигеля колесовали
- 83 История рассказывает, как Уленшпигель посадил одну хозяйку голым задом на горячую золу
- 84 История рассказывает, как Уленшпигель у одной хозяйки наклал в постель, а хозяйку убедил, что это сделал поп
- 85 История рассказывает, как один голландец съел яблоко, которое Уленшпигель начинил мухами и испек
- 86 История рассказывает, как Уленшпигель добился того, что одна женщина на бременском рынке перебила все свои горшки
- 87 История рассказывает, как один крестьянин подсадил Уленшпигеля на тележку со сливами, которые вез в Эйнбек[113] на рынок, и как Уленшпигель на эти сливы наклал
- 88 История рассказывает, как Уленшпигель в Мариентале во время обедни считал монахов

- 89 История рассказывает, как Уленшпигель в Мёльне заболел и наложил аптекарю в склянку, и как его доставили в больницу святого духа[116] и он сказал своей матери сладостное слово
- 90 История рассказывает, как Уленшпигель должен был покаяться в грехах и как он покаялся в трех злых проделках, которые он не совершал
- 91 История рассказывает, как Уленшпигель составил свое завещание из-за которого поп замарал руки
- 92 История рассказывает, как Уленшпигель разделил свое имущество на три части и одну часть завещал своим друзьям, другую – магистрату города Мёльна, а третью – тамошнему священнику
- 93 История рассказывает, как Уленшпигель умер и свинья во время заупокойных молитв перевернула носилки, так что Уленшпигель свалился с них
- 94 История рассказывает, как Уленшпигель был погребен и что он хотел, чтобы его хоронили не священники, не миряне, а только монахини-бегинки
- 95 История рассказывает, какая эпитафия Уленшпигелю и надпись высечена в Люнебурге на его могиле[121]
- Приложения
  - Б. И. Пуришев. «Немецкие народные книги»
  - Комментарии

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12

- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49

- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86

- 87
- 88
- 89
- 90
- 91
- 92
- 93
- 94
- 95
- 96
- 97
- 98
- 99
- 100
- 101
- 102
- 103
- 104
- 105
- 106
- 107
- 108
- 109
- 110
- 111
- 112
- 113
- 114
- 115
- 116
- 117
- 118
- 119
- 120
- 121
- 122
- 123

- 124
- 125
- 126
- 127
- 128
- 129
- 130
- 131
- 132
- 133
- 134
- 135
- 136
- 137
- 138
- 139
- 140
- 141
- 142
- 143
- 144
- 145
- 146
- 147
- 148
- 149

Тиль Уленшпигель

В год, считая от рождества Христова тысяча пятисотый, некоторые почтенные лица обратились ко мне с просьбой, чтобы я, N, ради их удовольствия собрал и пересказал все рассказы и истории о том, что некогда творил и выкидывал в немецких и чужих землях хитрый и пронырливый крестьянский сын, уроженец герцогства Брауншвейг, по имени Тиль Уленшпигель.

За такой труд и усердие обещали они мне свою особую благосклонность. Я ответил, что готов для них сделать то, что просят, и того больше, но что я не сумею выполнить такую вещь с толком и разумением и по дружбе прошу меня от этого уволить. А еще, сказал я, многим может причинить огорчение, если написать, что Уленшпигель вытворял в некоторых городах. Но мой ответ они никак не хотели

принять в извинение отказа. Тогда я слабым своим умом почел себя обязанным согласиться и с божьей помощью (без нее ничто не может свершиться) прилежно взялся за дело.

Хочу, чтобы никто не вменил мне в вину, что таковое мое писание кого-то могло огорчить или кого-либо оскорбить. Подобное намерение останется мне совершенно чуждым, единственная же цель – полнить веселостью дух в тяжелые времена, да чтобы читатели и слушатели могли почерпнуть отсюда славные, забавные шутки и веселые побасенки.

А еще скажу, в этом моем худом писании нет никакого искусства или тонкости, ибо я, как ни жаль, не учен латинской грамоте и сам только худой мирянин. А читать мою книжицу сподручнее всего (чтобы не содеять помехи богослужению) в такое время, когда мыши скребутся под лавкой, часы быстро бегут и печеные груши так вкусны с молодым вином.

На сем прошу каждого, кому моя книжица об Уленшпигеле покажется слишком длинной или слишком короткой, улучшить ее, дабы я не заслужил укора. Здесь я кончаю свое предисловие и начинаю

Рассказ о рождении Тиля Уленшпигеля с добавлением некоторых историй о попе Амисе и попе Каленберге[1] Первая история рассказывает о том, как тиль Уленшпигель родился и был в один день трижды крещен, и о том, кто были его крестные родители

Близ леса, который зовется Мёльбе, в земле Саксонии, в селе Кнетлинген[2] родился Уленшпигель. Отца его звали Клаус Уленшпигель, а мать – Анна Вифекен. Когда она разрешилась ребенком, его отправили под Амплевен[3] в деревню крестить и велели назвать Тилем Уленшпигелем.[4] И Тиль фон Утцен, владелец Амплевена, был его крестным отцом. Амплевен – это замок, который лет пятьдесят назад магдебуржцы с помощью жителей другого города разрушили как зловредное разбойничье гнездо.[5] Церковь с деревней находилась в ведении почтенного Арнольда Пфафенмайера, настоятеля монастыря святого Эгидия.[6] Когда Уленшпигеля окрестили и родители хотели доставить дитя обратно в Кнетлинген, крестная мать, которая несла ребенка, поторопилась взойти на мостки, что между Кнетлингеном и Амплевеном, а она в ту пору выпила слишком много пива после крещения дитяти – ведь таков обычай,[7] что ребят после крестин несут в трактир, веселятся и «пропивают» их, а выпивку должен потом оплатить отец ребенка, – вот крестная и шлепнулась в лужу и таким плачевным образом искупала себя и младенца в грязи, что мальчик едва не захлебнулся.

Тут другие женщины помогли крестной матери выбраться с ребенком из лужи и отправились домой в деревню, где вымыли ребенка в лохани, и сделали его опять красивым и чистым.

Вот так Уленшпигель в течение одного дня три раза был крещен: один раз в купели, один раз в луже и один раз в лохани с теплой водой.

Вторая история рассказывает о том, как все крестьяне и крестьянки жаловались на Уленшпигеля и твердили, что он негодяй и плут, а он ехал на лошади, сидя верхом позади отца, и втихомолку показывал людям свой зад

Когда Уленшпигель подрос так, что мог стоять и ходить, он много играл с маленькими детьми, так как был очень непоседлив, резвился, как обезьянка, на подушках или траве, пока ему не минуло три года. Тогда он принялся за всякое озорство, так что соседи в один голос жаловались Клаусу Уленшпигелю, что его сын негодник. Тогда отец пришел к сыну и сказал ему: «Как это так получается, что наши соседи говорят будто ты негодник?». Уленшпигель отвечал: «Милый батюшка, я же никого не трогаю и это могу тебе доказать, хоть сейчас. Иди, сядь на свою лошадь, а я позади тебя сяду, поеду с тобой по улице и буду всю дорогу молчать, а они все равно будут на меня клепать, что им вздумается, вот увидишь!». Отец так и сделал и посадил его себе за спину на лошадь. Тогда Уленшпигель приподнялся, выставил людям напоказ свою задницу вместе с дырочкой и снова уселся на место. Соседи и соседки стали на него указывать пальцами, приговаривая: «Фу, какой подлец!». Тогда Уленшпигель сказал: «Слышь, батюшка, ты хорошо видишь, что я никого не замаю и молчу, а они все-таки твердят, что я подлец». Тогда отец остановил лошадь и посадил Уленшпигеля, своего милого сына, впереди себя. Уленшпигель сидел тихо, только разевал рот, скалил на крестьян зубы и высовывал им язык. А встречные люди сбегались и говорили: «Гляньте, вот так маленький подлец!». Отец тут сказал: «Воистину в несчастный час ты родился: ты сидишь тихо, молчишь, никого не трогаешь, а люди все-таки говорят, что ты подлец».

Третья история рассказывает, как Клаус Уленшпигель уехал из Кнетлингена к реке Заале, откуда родом была его мать, как умер Клаус и как его сын, тиль, учился ходить по канату

После этого отец уехал отсюда вместе с Тилем и переселился всем домом в магдебургскую землю на реке Заале, откуда родом была его мать. Вскоре после этого умер старый Клаус Уленшпигель и осталась вдова одна с сыном. Мать была бедна, Уленшпигель же не хотел учиться никакому ремеслу, а ему уже было шестнадцать лет. Он шатался и научился разным фокусам.

Мать Уленшпигеля жила в доме со двором на реку Заале. Уленшпигель начал учиться ходить по канату, а упражнялся в этом дома на перилах балкона, так как при матери не мог этого делать по-настоящему. Она не хотела терпеть его дурачества, того, что сын станет паясничать на канате, и грозила прибить его за это. Однажды она застала его на канате, взяла большую дубинку и хотела его оттуда согнать. Тогда Уленшпигель сбежал от нее через окно и остался сидеть на крыше, так что мать не могла до него дотянуться.

Так и шло, пока он не стал постарше, и тут он опять стал ходить по канату и протянул его с заднего двора поверху через Заале к дому напротив. Много людей, молодых и старых, заметили канат и то, что Уленшпигель собрался по нему двинуться. Они пришли туда и хотели посмотреть, как он будет ходить, и дивились, что за диковинную игру он затеял или что за чудную забаву собрался начать. И когда Уленшпигель уже был на канате и паясничал как нельзя лучше, мать увидала его, но ничего не могла с ним за это поделать. Тогда она проскользнула украдкой с заднего хода в дом к перилам, за которые был привязан канат, и перерезала его. Тут Уленшпигель, ее сын, к своему большому конфузу, упал в реку и славно выкупался в Заале.

Мужики стали громко смеяться, а мальчишки кричали ему: «Хе-хе, мойся вволю, ты давно просил бани!». Это сильно огорчило

Уленшпигеля. Не купание он принял к сердцу, а насмешки и выкрики деревенских мальчишек и обдумывал, как отомстить им, с ними за все расквитаться. Вот каким образом он искупался как нельзя лучше.

Четвертая история рассказывает, как Уленшпигель уговорил две сотни парней разуть башмаки и сделал так что из-за этого стар и млад друг дружке вцепились в волосы

В скором времени после этого Уленшпигель решил отомстить за стыд и срам, что он претерпел при купании. Он протянул канат через Заале, теперь уже из другого дома, и распустил слух, что снова намерен ходить по канату. Вскоре народ поспешил сюда, пришли стар и млад, и Уленшпигель сказал молодым, чтобы каждый дал ему свой левый башмак, а он им покажет хорошую штуку с башмаками на канате. Молодые да и старики поверили ему, что так оно и будет. Молодые ребята разули башмаки и отдали их Уленшпигелю, а башмаков оказалось почти что десять дюжин – это дважды шестьдесят. Все башмаки с левой ноги достались ему. Уленшпигель нанизал их на шнур и взобрался с ними на канат. И вот, когда он с башмаками был уже на канате, все старики и молодые уставились на него, думая, что сейчас он проделает что-нибудь забавное. Только некоторые из молодых парней были огорчены. Им очень хотелось получить свою обувь обратно. Как только Уленшпигель взобрался на канат и стал по нему передвигаться, он взял и закричал: «А ну, все глядите – каждый ищи свой башмак!..». И с этими словами перерезал шнур пополам и бросил башмаки вниз на землю, так что все они кувырком полетели. Старики и молодые все бросились к ним, один находил свой башмак здесь, другой – там. Один кричит– «Этот башмак мой!», другой говорит: «Ты врешь, это мой!» – и вцепляются друг другу в волосы и начинают тузить друг друга. Один оказывался лежащим внизу, другой – наверху, один лил слезы, другой вопил, меж тем как третий смеялся, и так продолжалось, пока наконец и старики стали раздавать оплеухи и вцепляться в волосы. А Уленшпигель, сидя на канате, смеялся и кричал: «Хе-хе, поищите-ка теперь башмаки за то, что мне намедни пришлось искупаться!». Сказав так, он спрыгнул с каната и убежал, а

их оставил ругаться из-за башмаков. Пришлось ему четыре недели никому на глаза не показываться, так что сидел он дома возле матери и латал башмаки хельмштедским жителям, чему мать Уленшпигеля очень радовалась и думала, что дела у него еще поправятся. Ведь она не знала, что он до того доозорничал, что не смеет выйти из дома.

Пятая история рассказывает, как мать Уленшпигеля убеждала его и заставляла учиться какому-либо ремеслу

Мать Уленшпигеля была рада, что сын ее стал таким смирным, только укоряла его, что он не хочет учиться никакому ремеслу. А он молчал. Мать не переставала его корить, тогда Уленшпигель сказал: «Милая матушка, если к чему-то одному прилепиться, так оно на всю жизнь оскомину набьет». Мать ему ответила: «Я об этом поразмыслю, только вот уже четыре недели, как в нашем доме нет хлеба».

Сын сказал: «Это к моим словам не относится. Однако же бедный человек, кому есть нечего, может вволю поститься по примеру святого Николая?[8] а если у него заведется что-то съестное, так он и ужинает на святого Мартина.[9] Так и мы сделаем».

Шестая история рассказывает, как Уленшпигель в городе Штрассфурте обманул пекаря на целый мешок с хлебом и отнес хлеб домой, своей матери[10]

«Боже милостивый, помоги, – думал Уленшпигель, – как мне мать успокоить, как в дом хлеба добыть?» И пошел он из местечка, где жила его мать, в город Штрассфурт и там приметил лавку богатого пекаря. Вот приходит он к пекарю в дом и спрашивает, не согласится ли тот доставить его хозяину ржаного и белого хлеба на десять шиллингов.[11] И называет имя одного господина из округи, и говорит далее, что его хозяин здесь, в этом же городе, Штрассфурте, и называет постоялый двор, где он якобы остановился. Пусть пекарь пошлет мальчика на постоялый двор, там господин отдаст ему деньги.

Пекарь на это согласился, а Уленшпигель приготовил мешок, в котором была неприметная дыра, и велел отсчитывать хлеб в этот мешок. И пекарь послал с Уленшпигелем мальчика получить деньги.

Как только Уленшпигель отошел от Пекарева дома на расстояние выстрела из арбалета, он взял и вытряс из потайной дыры один белый хлеб прямо в грязь. Тут Уленшпигель поставил мешок на землю и говорит мальчику: «Ах, мне нельзя запачканный хлеб нести хозяину. Беги скорее с ним обратно в пекарню да принеси мне взамен другой. Я тебя здесь подожду». Мальчик побежал и вернулся с другим хлебом. А Уленшпигель тем временем ушел оттуда и пошел в слободу, к дому, где остановилась запряженная повозка из его местечка. На нее он положил свой мешок и пошел рядом. Ступая за повозкой, он и пришел домой к своей матери. Так что, когда пекарев мальчик пришел с другим хлебом, Уленшпигеля с мешком уже и след простыл. Тут мальчик побежал обратно и сказал об этом пекарю. Пекарь бросился бегом на постоялый двор, который назвал ему Уленшпигель, но никого здесь не нашел. Тут только понял пекарь, что его обманули.

Уленшпигель явился домой, принес матери хлеб и сказал ей: «Гляди сюда и ешь, раз у тебя есть, что есть. А когда нечего будет есть, соблюдай пост вместе со святым Николаем».

VII История рассказывает, как Уленшпигель вместе с другими подростками ел «пшеничное поленце», [12] сиречь хлеб из белой муки, и как ему пришлось есть через силу и еще получать побои

В местечке, где жил Уленшпигель с матерью, был такой обычай: если какой-то хозяин зарежет свинью, то соседские дети приходят к нему в дом и едят там колбасный суп или похлебку, или, как еще называют, «пшеничное поленце». В этой местности в том же самом местечке жил один крестьянин. Он был очень скуп на еду, но не мог отказать ребятам в «пшеничном поленце» и придумал, как сделать, чтоб его угощение пришлось им не по вкусу. Он взял миску с молочной сывороткой и нарезал туда вдоволь черствых хлебных корок. Когда пришли дети – мальчики и девочки, и Уленшпигель был с ними, – хозяин впустил их, запер дверь и налил супа или «пшеничного поленца», а хлебного крошева в нем было больше, чем дети могли съесть. И если кто-нибудь был уже сыт и шел из-за стола, то помянутый хозяин появлялся со здоровым кнутом и хлестал его по ляжкам, так что всем им приходилось есть через силу. Хозяин хорошо знал про Уленшпигеля и его проделки и не спускал с него глаз, и если щелкал кнутом кого-нибудь другого по заду, то Уленшпигеля бил еще крепче. И так поступал он, пока они все корки «пшеничного поленца» не съели. И это пошло им на пользу, как собаке травы наесться.[13] Никто из них больше не хотел идти в дом к скупому хозяину, чтобы там поесть «пшеничного поленца» или колбасного супа.

Восьмая история рассказывает, как Уленшпигель сделал такое, что куры, принадлежащие скупому, друг у дружки тянули приманку

На другой день, как только этот крестьянин вышел со двора, он встретил Уленшпигеля и спросил его: «Милый Уленшпигель, когда же ты опять придешь ко мне на „пшеничное поленце"?». На это Уленшпигель ответил: «Когда твои куры начнут за приманкой тянуться, за кусочком хлеба по четыре несушки». Хозяин сказал: «Ну, тогда ты не скоро пожалуешь ко мне на угощение». Уленшпигель на это сказал: «А что если я приду раньше, чем ты приготовишь жирный колбасный суп?». Уленшпигель пошел прочь и долго раздумывал. Когда куры скупого крестьянина вышли на улицу поклевать корм, Уленшпигель приготовил 20 или более нитей, скрепил их попарно в середине и привязал к каждому концу кусочек хлеба. Потом взял все это, положил на дорогу, нитки прикрыл, а хлеб оставил лежать на виду. И вот куры стали клевать там и сям и глотать приманку вместе с концом нити, но не могли проглотить, гак как за другой конец тянула другая курица, так что каждая из кур тащила кусок у другой из горла и не могла ни проглотить приманку, ни выпустить большого куска. Так и стояли более двухсот кур друг против друга и, задыхаясь, тянули приманку.

Девятая история рассказывает о том, как Уленшпигель залез в улей, а ночью пришли двое и хотели этот улей украсть и как он сделал, что эти двое подрались, а улей бросили наземь

Однажды случилось, что Уленшпигель вместе с матерью отправился в одно село на освящение церкви. Уленшпигель там выпил, захмелел и ушел поискать местечко, где мог бы спокойно выспаться и никто бы ему не мешал. За домом во дворе он наткнулся на множество ульев, одни стояли, другие валялись пустые. Уленшпигель залез в один из пустых ульев, какой лежал поближе, и думал здесь соснуть немного, да и проспал от полудня до полночи. А мать его решила, что он ушел домой, раз она его больше нигде не видела.

И вот в эту самую ночь пришли два вора и хотели украсть улей. Один вор и говорит другому: «Я всегда слышал, что самый тяжелый улей – самый лучший». И тут они стали поднимать ульи один за другим, пока не дошли до того, в котором лежал Уленшпигель. Этот улей был самым тяжелым. Тут они сказали; «Этот – лучший улей», подняли его на плечи и понесли оттуда. В это время Уленшпигель проснулся и услышал, о чем они разговаривали. А было уже так темно, что один едва видел другого. Тут Уленшпигель выглянул из улья, хвать переднего за волосы и сильно дернул. Передний рассердился на своего дружка, подумал, что это он его дернул, и стал его ругать. Задний сказал: «Померещилось тебе, что ли, или ты спишь на ходу? Как я могу тебя дергать за волосы? Я улей двумя руками еле тащу». Уленшпигель засмеялся и подумал, что игра хорошо начинается, подождал, покуда они прошли еще один акр, и тогда крепко дернул заднего носильщика за волосы, так, что тот скрючился. Задний обозлился еще пуще. Он сказал: «Я тащу улей, так что у меня шея подламывается, а ты говоришь, что я тебя за волосы дергаю, а сам дернул меня так, что у меня черепушка затрещала». Передний сказал: «Все ты врешь. Как только у тебя язык повернулся! Как мне тебя за

волосы тянуть, когда я еле дорогу вижу? А что ты меня за волосы дернул, это уж я точно знаю». Так, ссорясь и перебраниваясь, шли они с ульем вперед. Вскоре после того, как ссора их совсем разгорелась, Уленшпигель так дернул за волосы переднего, что он ушибся головой об улей и разъярился настолько, что бросил улей и стал в потемках дубасить другого кулаками по голове. А сообщник его тоже оставил улей и вцепился переднему в волосы. При этом они оба зашатались и грохнулись наземь. Они выпустили друг друга из рук, и ни один не знал, где остался другой. Оба они заблудились в темноте, а улей оставили лежать.

Уленшпигель тут высунулся из улья и увидел, что было еще темно, юркнул обратно и остался лежать, пока не наступил ясный день. Тут он вылез из своего убежища и не мог понять, где он очутился. Он пошел по какой-то дороге, пришел к замку и нанялся туда служить пажем.

Десятая история рассказывает о том, как Уленшпигель сделался пажем и хозяин его учил, если встретится ему трава коноплица, называемая в Саксонии «хенеп», он должен на нее нагадить, а Уленшпигель наложил в горчицу, потому что думал, что «хенеп» и «зенеп» – одно и то же[14]

Вскоре после этого Уленшпигель пришел в замок к одному дворянину и выдал себя за пажа. И вот пришлось ему вместе со своим господином ехать полем, а у дороги росла конопля. В саксонских землях, куда пришел Уленшпигель, ее зовут «хенеп». И тут хозяин говорит Уленшпигелю, который вез за ним его копье: «Видишь ты эту траву, что здесь растет? Она зовется „хенеп“». Уленшпигель говорит: «Да, я ее хорошо вижу». Тогда хозяин говорит: «Где бы ты ее ни увидел, н…и на нее, потому что этой травой вяжут разбойников и удавки для них из нее делают.[15] И тех, кто на рыцарской службе кормится от седла,[16] тоже вяжут этой дрянью, вот этой травой». Уленшпигель сказал: «Слушаюсь, я охотно так поступлю».

Вельможа, сиречь благородный господин, разъезжал вместе с Уленшпигелем по многим местам, заставлял грабить, красть, отнимать чужое» как было в его обычаях. Однажды случилось, что они остались дома и вели себя мирно. Когда пришло время обедать, Уленшпигель пошел на кухню. Тут повар говорит ему: «Спустись-ка, малый, в погреб, там стоит глиняный горшок или кашник, в нем зенеп (так на саксонском наречии зовется горчица), принеси мне его сюда». Уленшпигель говорит: «Хорошо». А сам еще в жизни ни разу горчицу, или «зенеп», не видел. И вот когда он нашел в погребе горшок с горчицей, то стал раздумывать: «Что же такое повар хочет с этим

сделать? Я думаю, он хочет меня связать». И дальше решил так: «Мой господин ведь так мне велел: где бы я эту траву ни встретил, я должен на нее н…ь» – и присел над горшком, опростался в него дополна, перемешал все и принес повару, А тому и в голову не пришло то, что случилось. Второпях наложил он в миску горчицу и отправил ее к столу. Благородный господин и его гости зачерпнули горчицы, а она страсть как дурно пахнет. Послали за поваром, спрашивают, что за горчицу он приготовил. Повар тоже попробовал горчицы, выплюнул и говорит: «Пахнет, так, будто кто-то сюда н…л». Уленшпигель тут засмеялся. Хозяин ему говорит: «Ты что смеешься ехидно? Видишь, что мы в рот взять не можем, что тут накладено. Если не веришь, так иди сюда, сам попробуй эту горчицу». Уленшпигель тогда сказал: «Я ее не стану есть. Вы разве забыли, что мне сами наказали в поле, у дороги: где бы я эту траву ни увидел, я должен н…ть на нее, из нее для разбойников веревки вьют, чтобы их вешать? Когда мне повар велел идти в погреб и «зенеп» принести, я туда и наклал по вашему же приказу». Хозяин ему сказал: «Плут проклятый, плохо тебе за это придется! Трава, которую я тебе показывал, называется «хенеп» или коноплица, а то, что повар велел принести, называется «зенеп», сиречь горчица. Ты это сделал из злого озорства». И тут он взял палку и хотел побить Уленшпигеля, но слуга был проворен, убежал от него и скрылся из замка и никогда больше не возвращался.

XI История рассказывает, как уленшпигель нанялся к священнику и как съел у него жареных кур с вертела

В брауншвейгских землях, в окрестностях Магдебурга есть деревня под названием Буденштетен. Пришел сюда Уленшпигель и зашел в дом к попу. Поп нанял его в работники. Только поп не знал Уленшпигеля и пообещал, что житье у слуги будет хорошее, есть и пить он будет все лучшее, то же, что сам поп и его ключница. И вся работа его будет ему в полдела. Уленшпигель говорит: «Ладно, быть по этому уговору». Он увидел, что у ключницы только один глаз. Тут ключница взяла сразу двух кур, разделала их, насадила на вертел, чтобы изжарить, и велела Уленшпигелю подсесть к огню и жарить их. Уленшпигель был услужлив, и принялся кур поворачивать, и, когда они уже почти поджарились, подумал: «Сказал ведь поп, когда меня нанимал, что я буду есть и пить, как он сам и его ключница, а случись, что меня обойдут этими курами, тогда значит поп своему слову не хозяин, и я не отведаю курятины. Нет, я хочу так умудриться, чтоб его слово нерушимо осталось!».

Снял он одну курицу с вертела и съел ее без хлеба. Когда настало время трапезы, пришла попова ключница к огню (она была кривая) и хотела кур полить жиром. Тут видит она, что на вертеле одна курица, и говорит Уленшпигелю: «Кур-то было ведь две, куда же одна девалась?». Уленшпигель говорит: «Госпожа, если вы откроете ваш второй глаз, так увидите обеих кур».

Так как у ключницы не было другого глаза, ее это очень задело, она обозлилась на Уленшпигеля, и побежала к попу, и рассказала ему, как его прекрасный слуга посмеялся над ее кривым глазом и что она двух кур на вертел насадила, а когда пришла посмотреть, как он их жарит, так там только одна курица оказалась.

Поп пошел на кухню к огню и говорит Уленшпигелю: «Что же ты над моей ключницей издеваешься? Я вижу только одну курицу на вертеле, а их две было». Уленшпигель говорит: «Да, их было две». Поп говорит: «Куда другая делась?» Уленшпигель говорит: «Вот она,

насажена. Откройте оба глаза, как раз увидите. Здесь она, на вертеле торчит. Я это ключнице вашей сказал, только она рассердилась». Засмеялся поп и говорит: «Этого моя служанка не может, два глаза открыть, у ней-то ведь только один глаз». Уленшпигель говорит: «Сударь, это не я, это вы сказали». Поп говорит: «Что верно, то верно, да только одна курица исчезла». Уленшпигель говорит: «Ну да, одна исчезла, а другая еще здесь торчит. Ту я съел. Когда вы давеча сказали, что я должен так же хорошо есть и пить, как ваша служанка, обидно мне стало, что вам придется солгать. Ведь куриц вы сами съели бы, а мне от них ничего бы не осталось. Вот я и съел одну, дабы вы слову своему не изменили». Поп остался этим ответом доволен и сказал: «Мой милый слуга, что с воза упало, то пропало, но только впредь делай все по желанию моей ключницы, чтобы она с радостью это видела».

Уленшпигель ответил: «Да, господин, как вы прикажете». С той поры, что ни прикажет ключница Уленшпигелю, он все сделает наполовину. Должен он ведро воды принести, так принесет его до половины наполненным. Должен две вязанки дров для очага принести, так принесет одну. Должен быку две охапки сена задать, так даст одну, должен меру вина принести, принесет полмеры. И такое он делал на все лады так, что ключница заметила, что это он ей наперекор делает,

но не хотела ему сказать, а пожаловалась попу. Поп и говорит Уленшпигелю: «Милый слуга, моя служанка жалуется на тебя. Я же тебя просил все делать так, чтобы она на это радовалась». Уленшпигель говорит: «Да, сударь, я все делал не иначе как вы приказывали. Вы мне сказали, что моя работа у вас мне в полдела станет. Вот ваша служанка рада бы двумя глазами глядеть, да смотрит только одним, вполовину видит. А я работу вполовину делаю».

Стал поп смеяться, а ключница рассердилась и говорит: «Сударь, коли вы паразита, плута этого дольше в слугах держать будете, так надо будет мне уйти». Так и пришлось попу против своего желания отпустить Уленшпигеля, но он помог Уленшпигелю наняться на службу в деревню. Так как причетник, сиречь пономарь, из этой деревни недавно скончался, а крестьяне не могли обходиться без пономаря, то поп договорился с мужиками нанять Уленшпигеля.[17]

XII История рассказывает, как Уленшпигель сделался пономарем в деревне Буденштетен и как священник наклал в церкви, благодаря чему Уленшпигель выиграл бочку пива

Когда Уленшпигель стал пономарем, он должен был громко петь, когда это следует причетнику. Это когда поп служит в церкви вместе с дьячком.

Однажды поп надевал облачение, стоя перед алтарем, и собирался служить обедню, а Уленшпигель стоял сзади попа и поправлял на нем стихарь.[18] Поп как фукнет, да так громко, что через церковную стену слышно было. Уленшпигель тут говорит: «Сударь, вы что? Верно жертвуете это господу вместо благовоний здесь, перед алтарем?». Поп говорит: «Ты что об этом спрашиваешь? Ведь церковь моя и власть тут моя. Так что могу и наложить посреди церкви». Уленшпигель говорит: «Давайте с вами поспорим на бочку пива, что вы этого не сделаете». – «Ладно, – говорит поп, – согласен». Они побились об заклад и поп сказал: «Ты что не веришь, что у меня смелости хватит?». Он отворотился, наложил большую кучу тут же в церкви и говорит: «Глянь сюда, причетник, я выиграл у тебя бочку пива». Уленшпигель говорит: «Нет, сударь, давайте сперва проверим, точно ли в середине церкви накладено, как вы намедни сказали». Уленшпигель смерил и получилось, что до середины церкви еще много недоставало. Таким образом Уленшпигель выиграл бочку пива. Ключница тут опять разгневалась и сказала: «Вы не хотите избавиться от плута слуги, пока он вас не ввергнет в такой позор, что беда».

XIII История рассказывает, как Уленшпигель на Пасху во время заутрени устроил такое представление, что поп и его ключница подрались с мужиками[19]

Когда приближалась пасха, поп сказал причетнику Уленшпигелю, что здесь такой обычай: крестьяне на пасху устраивают пасхальное действо о том, как наш господь восстал из гроба. И Уленшпигель должен крестьянам в этом помочь. Подобает, чтоб пономарь тут всем заправлял и все устроил. Тогда Уленшпигель подумал: «Как тут с мужиками показать приход Марий?». И сказал священику: «Здесь ведь нет ни одного мужика, который был бы учен. Вы должны нам ссудить вашу служанку, она хорошо умеет писать и читать». Священник сказал: «Да, да, возьми всех, кто может тебе тут помочь. Моя служанка и прежде в этом участвовала». Ключнице это пришлось по душе, и она захотела представить ангела у гроба, так как знала стих наизусть.

Тогда Уленшпигель подыскал двух крестьян, с ним втроем они должны были стать тремя Мариями. Уленшпигель научил одного крестьянина латинским стихам, которые надо сказать. А священник – тот был наш господь бог, который должен восстать из гроба.

Когда Уленшпигель с мужиками явились ко гробу, наряженные Мариями, ключница, будто ангел у гроба, возгласила стих по латыни: «Quern queritis?» – «Кого вы ищете здесь?». Мужик, который был первой Марией, отвечал, как его научил Уленшпигель: «Мы ищем старую одноглазую попову шлюху». Когда ключница услышала, как насмехаются над ней и ее кривым глазом, она озлобилась на Уленшпигеля, прянула от гроба и думала кинуться с кулаками ему в лицо, но ошиблась и стукнула одного мужика так, что у него глаз вспух. Второй мужик увидел это и ударил ключницу по голове, отчего у нее крылья отвалились. Когда священник это увидел, он выпустил

прапор из рук и пришел на помощь ключнице, вцепился в волосы одному крестьянину, и они схватились перед гробом.

Когда остальные крестьяне это увидели, они сбежались все сюда, подняли великий крик. Поп вместе с ключницей лежали внизу поверженные и мужики – две Марии – тоже, так что другим крестьянам пришлось их растаскивать. Но Уленшпигель в этом деле был начеку и вовремя убрался оттуда. Он убежал из церкви и пошел вон из деревни. Назад он больше не вернулся. Бог знает, где они нашли нового причетника.

XIV История рассказывает, как Уленшпигель обещал в Магдебурге совершить полет с крыши и как дерзкими речами прогнал прочь зевак[20]

Вскоре после того, как Уленшпигель был пономарем, пришел он в Магдебург и стал выделывать разные штуки, и этим-то имя Уленшпигеля стало известно, и о нем много могли порассказать. Тогда знатные горожане стали подстрекать его сделать что-нибудь удивительное, а он ответил, что согласен и полетит с балкона ратуши.

Крик поднялся в городе. Стар и млад собрались на рыночной площади, чтобы взглянуть на это. И вот Уленшпигель влез на балкон ратуши и стал размахивать руками и вести себя так, будто он собирается лететь. Горожане стояли, выпучив глаза и разинув рты, и ждали, что Уленшпигель полетит. А он засмеялся и сказал: «Я думал,

нет глупее меня на белом свете, теперь я вижу, что здесь чуть ли не весь город одни дураки. И скажи мне все, что вы полетите, я бы вам не поверил, а вы мне, дураку, поверили. Как же я могу летать? Я же не гусь и не птица, у меня нет крыльев, а ведь никто не может лететь без крыльев. И теперь вы хорошо видите, что это выдумки». И Уленшпигель убежал с балкона. Одни бранились, другие смеялись и говорили: «Уленшпигель плут, но все-таки он сказал правду».

XV История рассказывает, как Уленшпигель выдал себя за лекаря и лечил доктора, состоящего при епископе Магдебургском, и одурачил его

Жил в Магдебурге епископ, по имени Бруно, граф Кверфуртский.[21] Он слышал рассказы об Уленшпигеле и велел позвать его в Гройенштейн,[22] Епископу очень понравились проделки Уленшпигеля и он дал ему платье и денег. И слугам пришелся он по душе. Они устраивали с ним много забав.

А при епископе состоял один доктор, он мнил себя очень ученым и мудрым, за что придворные его недолюбливали. Этот доктор отличался тем, что не терпел возле себя дураков. Вот и говорит он епископу и его советникам: «При знатном дворе надо держать мудрых людей, а не дураков. На это есть много оснований». Рыцари и придворные отвечали, что мнение доктора неправильно: кто не хочет слушать глупости, пусть уйдет, его ведь не принуждают. Доктор на это отвечал: «Дурак с дураками, а мудрец с мудрецами. Если князья будут держать при себе мудрых людей, так у них всегда будет мудрость перед глазами, а коли они держат при себе дураков, так и научатся дурости». Тут некоторые сказали: «А кто эти мудрецы, что считают себя очень умными? Среди них немало найдется таких, кого дурак одурачит. Господам и князьям подобает, чтобы разные люди при их дворах находились. Ведь с дураками князья себя тешат разными причудами. А там, где бывают господа, охотно бывают и шуты».

Приходят после этого придворные к Уленшпигелю, и начинают с ним договариваться, и просят, чтобы он придумал хитрость, дабы доктор получил воздаяние за свою мудрость. Они ему в этом помогут и епископ тоже. Услыхав это, Уленшпигель сказал: «Хорошо. Если вы, вельможи и рыцари, готовы мне в этом помочь, то доктор получит по заслугам». На этом они согласились.

И вот Уленшпигель уехал на четыре недели из замка и, странствуя в чистом поле, обдумывал, как ему поступить с доктором. Вскоре он это придумал и вновь возвратился в Гройенштейн, перерядился и выдал себя за врача, так как доктор, состоящий при епископе, часто бывал нездоров и много лечился. Рыцари сказали ученому доктору, что к ним прибыл доктор медицины. Ученый доктор не знал Уленшпигеля. Он пошел к нему в гостиницу и после недолгих слов взял Уленшпигеля с собой в замок. И вот начинают они разговаривать, и доктор говорит лекарю, что если он поможет ему вылечиться, то получит щедрую плату. Уленшпигель ответил ему в таких словах, как это принято у медиков, и предложил доктору провести с ним ночь в одной постели. Так он якобы лучше поймет, отчего недужит больной. «Я хочу вам кое-что дать перед сном, от чего вы пропотеете, а пот покажет, что у вас за болезнь», – сказал Уленшпигель. Доктор выслушал все и поверил ему. Он улегся вместе с Уленшпигелем в постель, решив, что все, что ему сказал Уленшпигель, не иначе как чистая правда. А Уленшпигель дал доктору сильное слабительное средство, и доктор думал, что его от этого пот прошибет, он не знал, что это сильное слабительное. Уленшпигель же взял выдолбленный камень, вложил в него кучку своего кала и положил камень вместе с дерьмом на доски кровати между доктором и стеной. Доктор лежал ближе к стене, а Уленшпигель – с краю кровати.

Так доктор лежал, и, как только повернулся к стене, ударила ему в нос вонь от дерьма, которым был начинен выдолбленный камень, и он был вынужден повернуться к Уленшпигелю. Но как только доктор к нему повернулся, Уленшпигель пустил шептуна, так что сразу завоняло. Доктор вновь повернулся к стене – снова вонью несет от камня. И так шутил Уленшпигель с доктором чуть не полночи. А тут еще стало действовать слабительное – быстро, сильно, без удержу, так что доктор весь обмарался и вонял ужасно.

Тогда Уленшпигель сказал доктору: «Почтенный доктор, как долго же воняет ваша испарина! Как вы себя чувствуете, так сильно потея? Ведь страсть как воняет». Доктор лежал и думал: «Мне это приятно нюхать». А ему между тем стало так приятно от этого запаха, что он едва мог говорить. Уленшпигель сказал: «Полежите тихо, я пойду достану огня, посмотреть какой у вас вид». Между тем, поднимаясь,

Уленшпигель тоже наложил в постель и сказал: «Увы, мне стало плохо, это я от вас заразился».

Доктор лежал и так занедужил, что мог с трудом повернуть голову. Он благодарил бога, что лекарь от него удалился, – теперь он хоть немного глотнул воздуха, ибо, когда он ночью хотел встать с постели, Уленшпигель его удерживал, не давая ему подняться, и говорил, что доктор должен сперва хорошо пропотеть. И вот теперь Уленшпигель встал, вышел из комнаты и убежал совсем. Между тем наступил день, и доктор увидел у стенки выдолбленный камень, полный дерьма, а доктор был так слаб, что испачкал лицо в нечистотах.

Тут рыцари и придворные увидели доктора и пожелали ему доброго утра. Доктор говорил слабым голосом и не мог им вразумительно ответить. Он прилег в зале на скамье, где была подушка. Тогда придворные позвали сюда епископа и спросили доктора, что за притча у него получилась с врачом. Доктор ответил: «Негодяй меня оседлал. Я думал, что это доктор наук целебных, а это доктор дел непотребных». И он рассказал им все, что с ним тут происходило. Епископ и его свита стали сильно смеяться и сказали: «Все случилось согласно вашим словам. Вы говорили, что не надо водиться с дураками, ибо мудрый становится глупым с глупцами. Однако вы видите, что кое-кто с помощью дурня может набраться ума. Ибо ваш врач был на самом деле Уленшпигель, которого вы не знали и поверили ему и который вас обманул. Мы же, кто принимал его дурачества, хорошо его знали, но не хотели вас предостеречь, после того как вы хотели быть умнее всех (и именно поэтому). Как бы ни был умен человек, он должен знать и глупцов, если бы на свете не было дураков, как бы мы могли отличать мудрецов?».

Доктор на это только молчал и больше уж никогда не жаловался.

XVI История рассказывает, как Уленшпигель в одной деревне, Пейне, [23] помог больному ребенку сходить на стул, чем заслужил большую благодарность

Так это случилось однажды в Хильдесхейме. Явился туда как-то Уленшпигель и пришел на постоялый двор. Хозяин его в то время отсутствовал. Уленшпигеля здесь хорошо знали. Случилось, что в ту пору у хозяйки был болен ребенок. Вот Уленшпигель и спрашивает, чем он недомогает, что у него за болезнь. Хозяйка говорит: «Ребенок не может сходить на стул. Сходил. бы он за большим, ему бы полегчало». Уленшпигель говорит: «Ему можно помочь». Тогда женщина говорит, что, если он поможет, она ему что угодно заплатит. Уленшпигель говорит, что он за это ничего не возьмет, для него это нехитрое искусство, подождите немножко, все скоро получится.

У хозяйки было какое-то дело на заднем дворе, и она туда ушла. Тем временем Уленшпигель наложил у стены большую кучу, поставил над пей детский стульчик и посадил на него ребенка.

Вот хозяйка приходит со двора, видит ребенка на стульчике и спрашивает: «Ах, кто это сделал?». Уленшпигель отвечает: «Это я сделал. Вы сказали, что ребенок не может сходить на стул, я его посадил». Тут она удостоверилась, что под стулом накладено, и говорит: «Гляньте-ка, вот что ему нутро распирало! Вечно буду вам благодарна за то, что вы помогли дитяти».

Уленшпигель говорит: «Этого снадобья я могу много понаделать с божьей помощью». Хозяйка стала его умильно просить, чтобы он и ее обучил своему искусству, а за это она даст ему, что только он пожелает.

Уленшпигель ответил, что как только он закончит свою поездку, то снова сюда вернется и тогда ее этому обучит. Тут он оседлал своего коня и поехал в Розенталь,[24] и вернулся обратно, и снова поехал в Пейн, и хотел через него ехать на Цель. Тут стояли одетые в тряпье

рыцарские бастарды из замка,[25] сни спросили Уленшпигеля, какой дорогой он сюда ехал. Уленшпигель видел, что они не больно тепло одеты, и сказал: «Я еду из Колдинга – Холодинга».[26]

Они сказали: «Слушай-ка, раз ты едешь из Холодинга, что велела передать нам зима?».

Уленшпигель сказал: «Она ничего передать не велела. Она с вами сама еще поговорит». И поехал дальше, оставив маленьких оборвышей стоять.

XVII История рассказывает, как Уленшпигель за один день и без всяких лекарств вылечил всех больных в госпитале[27]

Однажды пришел Уленшпигель в Нюренберг и прибил на дверях церкви и ратуши большие объявления, в которых выдал себя за искусного лекаря, врачующего все болезни. А там в новом госпитале было много больных. Там также хранилось высокочтимое святое копье Христово[28] и другие реликвии. Смотритель госпиталя желал бы избавиться от большей части болящих, рад был бы вернуть им здоровье. И вот он отправился к врачу Уленшпигелю и спрашивает, может ли он помочь больным, как гласят его объявления. За это ему хорошо заплатят. Уленшпигель ответил, что поставит его больных на ноги, если только смотритель обещает выложить двести гульденов[29] и отдать их Уленшпигелю. Смотритель пообещал ему эти деньги, если он поможет больным. Уленшпигель еще договорился, что если он не вылечит больных, то смотритель не должен платить ни пфеннига.[30] Смотрителю госпиталя это так понравилось, что он дал Уленшпигелю за это двадцать гульденов. И вот Уленшпигель отправился в госпиталь, взяв с собой двух служителей, и спросил каждого больного, чем он страдает. А в конце, прежде чем оставить больного, говорил: «То, что я тебе открою, ты должен сохранить в тайне и ни с кем не делиться». И заставлял их в этом поклясться. Больные клятвенно обещали ему это. После чего Уленшпигель говорил каждому в отдельности: «Я должен помочь вам, больным, выздороветь и поставить вас на ноги. Но для этого мне надо сжечь одного из вас в порошок и дать выпить другим. А чтобы проверить вас всех, я встану вместе со смотрителем в дверях госпиталя и громким голосом крикну: „Кто не болен, уходи прочь отсюда!". Ты уж этого не прозевай, ведь последний заплатит собой за всю вашу компанию». Так говорил он потихоньку каждому, и каждый намотал это себе на ус.

В назначенный день все, кто хромал, кто на костылях, заторопились – никто не хотел оказаться последним. Как только Уленшпигель закричал, все пустились бежать, даже те, кто уже десять лет не вставал с постели. Когда госпиталь опустел, Уленшпигель потребовал вознаграждение и сказал, что должен поскорее отправиться в другое место. Смотритель госпиталя с большой благодарностью отдал ему деньги, и Уленшпигель уехал оттуда. Но через три дня все больные вернулись, жалуясь на свои хвори. Тогда смотритель госпиталя спросил: «Как это так? Я же привел сюда большого ученого, который вам помог, так что вы все сами отсюда убрались». Тут они рассказали смотрителю, чем Уленшпигель им пригрозил. Кто из них последним замешкается и последним выйдет из двери в назначенный день, когда он их позовет, того он потом сожжет в порошок. Тут смотритель смекнул, что все это было обманом. Но Уленшпигеля след простыл, и смотритель не мог до него добраться. Таким образом, больные снова остались в госпитале, как и прежде, а деньги были потеряны.

XVIII История рассказывает, как уленшпигель покупал хлеб по пословице: «У кого хлеб есть, тому еще прибавится»[31]

Честность кормит человека. После того как Уленшпигель таким родом одурачил доктора,[32] он пришел в Хальберштадт и стал прогуливаться по рынку. Он видел, что настала суровая, холодная зима, и подумал: «Зима сурова, еще и ветер жесток. Ты часто слышал: у кого есть хлеб, тому еще прибавится». И Уленшпигель купил на два шиллинга хлеба, взял стол, встал перед соборной церковью и стал торговать и паясничал до тех пор, пока прибежала собака, схватила со стола один хлеб и убежала с ним в церковный двор. Уленшпигель погнался за собакой, а тем временем пришла свинья с десятью поросятами, опрокинула стол, каждый из них взял в пасть по хлебу и пустился с ним прочь.

Уленшпигель тут рассмеялся и сказал: «Теперь я хорошо вижу, что слова лгут, когда говорят, у кого есть хлеб, тому еще прибавится. У меня был хлеб, и он отнялся». И сказал еще: «О Хальберштадт, о Хальберштадт, ты лучший край для поросят. Твои пиво с закуской вкусны, зато кошелек, чтобы деньги держать, сделан из свиной кожи». С этим отправился он снова в Брауншвейг.

XIX История рассказывает, как Уленшпигель нанялся подмастерьем к пекарю[33] и как он испек мартышек и сов

Уленшпигель снова пришел в Брауншвейг на пекарское подворье. Один пекарь, живший там, позвал его к себе в дом и спросил, что он за работник. Уленшпигель сказал: «Я подручный хлебопека». А пекарь ему сказал: «Хочешь у меня служить? У меня как раз нет подручного?». Уленшпигель говорит: «Хочу».

Когда он пробыл у пекаря два дня, пекарь велел ему с вечера печь одному. Сам он, дескать, не может ему помогать до следующего утра. Уленшпигель говорит: «Ладно. Что же я должен печь?». А пекарь был насмешливый человек. Он рассердился и сказал в насмешку: «Ты пекарский подмастерье, а спрашиваешь, что тебе печь. Пеки, что принято: мартышек и сов». С этим и ушел спать. А Уленшпигель пошел в пекарню и налепил из теста одних мартышек и сов. Полную пекарню напек их. Утром мастер встал и собрался идти помогать. Но, придя в пекарню, не увидел там ни булок, ни калачей, а одних только мартышек и сов. Мастер разгневался и сказал: «Чтоб тебя целый год лихорадка трясла! Что ты испек?!». Уленшпигель говорит: «То, что вы мне велели, мартышек и сов».[34] Хозяин говорит: «Что же мне теперь с этой глупостью делать? Такой хлеб мне в жизни не нужен, за него мне денег не выручить». Ухватил он Уленшпигеля за горло и говорит: «Заплати мне за тесто». А Уленшпигель ему в ответ: «Ладно, раз я должен вам за тесто уплатить, пусть тогда товар, что из него испечен, мой будет». Хозяин говорит: «Что толковать о таком товаре! Совы да мартышки не гожи в моей лавке». Итак, уплатил Уленшпигель хозяину за тесто, сложил выпеченных сов и мартышек в корзину, и ушел с ними из дома на пекарском подворье под вывеской с изображением дикаря,[35] и думал про себя: «Ты часто слышал, что стоит только принести такую диковинку в Брауншвейг, как за нее сразу дают деньги». А было это как раз канун дня св. Николая.[36] Вот на другой

день Уленшпигель и встал со своим товаром перед церковью, и продал всех мартышек и сов, и выручил много больше денег, чем отдал хозяину за тесто. Пекарь об этом узнал и огорчился. Он побежал к церкви св. Николая,[37] чтобы стребовать с Уленшпигеля выпеченные зверушки в уплату за дрова и харчи, но Уленшпигеля и след простыл вместе с деньгами, и пекарь мог только глядеть в ту сторону.

XX История рассказывает, как Уленшпигель просеивал муку в свете месяца

Уленшпигель странствовал по разным местам и пришел в Ульцен, деревню.[38] Здесь он снова заделался подмастерьем у пекаря. Когда он уже находился у мастера в доме, мастер намерился печь и Уленшпигель должен был ночью просеять муку,[39] чтобы к раннему утру все было готово. Уленшпигель говорит: «Мастер, вы должны дать мне огня, чтобы я мог видеть, как сеять». Пекарь ему отвечает: «Не дам тебе огня. Я своим работникам в эту пору никогда огня не давал. Они просеивали муку в свете месяца. Так и ты должен делать». Уленшпигель говорит: «Ну, раз они муку так просеивали, то и я, как они, сделаю».

Мастер ушел и хотел часок-другой поспать. Тем временем Уленшпигель взял сито, выставил его за окно, где светил месяц, и давай сеять муку во двор. Когда хозяин проснулся и захотел печь, Уленшпигель еще стоял и сеял. Тут пекарь увидел, что Уленшпигель сыплет муку во двор, который весь белел от муки. Мастер тут и говорит: «Какого черта ты тут делаешь? Разве мука уж даром дается, что ты ее в грязь сыплешь?» Уленшпигель отвечает: «А разве вы не приказывали мне сеять в свете месяца, без огня? Я так и делаю». Хлебопек ему говорит: «Я приказывал, чтобы ты сеял при свете месяца», Уленшпигель опять говорит: «Вот прекрасно, мастер! Вы должны быть довольны, я так и сделал: и в свете месяца, и при свете месяца. Потеря не велика, не больше пригоршни. Я ее сейчас подберу. Это муке ни капли не повредит». Мастер говорит: «Пока ты будешь муку подбирать, я не смогу тесто ставить, а потом уж будет поздно печь». Уленшпигель говорит: «Хозяин, у меня есть хороший совет: мы выпечем хлеб так скоро, как наш сосед. У него тесто в бадье стоит. Хотите получить, так я мигом тесто достану, а нашу муку вместо него поставим». Мастер рассердился и говорит: «Черта ты добудешь! Иди к виселице, притащи мне вора оттуда». «Хорошо», – сказал Уленшпигель и отправился к виселице. Под ней лежал скелет вора,

сорвавшийся вниз. Уленшпигель взвалил его на спину, принес в дом и сказал: «Вот, я принес то, что под виселицей лежало. Зачем только оно вам понадобилось? Я не знаю, от чего оно помогает». Пекарь ему сказал: «А больше ты ничего не принес?». Уленшпигель ответил: «Там больше ничего не было». Пекарь был разгневан и сказал со зла: «Ты господ судей обокрал и их виселицу ограбил. Я на тебя бургомистру нажалуюсь, вот увидишь». И мастер пошел из дому на рынок, а Уленшпигель пошел за ним, причем мастер так торопился, что не оглянулся ни разу и даже не знал, что Уленшпигель идет сзади.

Вот стоит голова городской или бургомистр на рынке, а пекарь подходит к нему и начинает жаловаться. Но Уленшпигель был расторопным: как только мастер стал жаловаться, Уленшпигель встал вплотную к нему и вытаращил глаза. Когда пекарь увидел Уленшпигеля, он так взбесился, что у него из головы вылетело, на что он хотел жаловаться, и он сказал Уленшпигелю со злостью: «Что тебе надо?». Тот ответил: «Ничего не надо. Только вы обещали, что я увижу, как вы на меня бургомистру пожалуетесь. Раз мне надо видеть, так надо глаза пошире раскрыть, чтобы увидеть». Хлебопек ему сказал: «Иди с моих глаз! Ты плут». Уленшпигель ответил: «Так меня часто звали. Сидел бы я у вас в глазах, так мне с них пришлось бы сквозь ноздри лезть, коли вы бы глаза закрыли». Бургомистр услышал, что все это глупости, пошел от спорщиков и оставил обоих стоять. Когда Уленшпигель это увидел, обернулся он к мастеру и сказал: «Хозяин, когда же мы печь-то будем? Солнце уже закатилось». И убежал прочь, так и оставив пекаря стоять на рынке.

XXI История рассказывает, как Уленшпигель всегда ездил на светлой лошади и неохотно находился там, где были дети

Уленшпигель всегда любил бывать в обществе и всю жизнь избегал трех вещей: во-первых, никогда не ездил на лошади серой (никому не служил правдой и верой), а седлал соловую или гнедую (по кличке «Обману» и «Надую»). Во-вторых, он не хотел оставаться там, где были дети, потому что о них больше пеклись, чем о нем. В-третьих, он неохотно останавливался на постоялом дворе, если хозяином там был какой-нибудь старый и щедрый человек, потому что старый щедрый хозяин обыкновенно оказывался простофилей и не жалел своего добра. Для Уленшпигеля там не находилось компании и денег, чтобы поживиться.

Каждое утро просил он в молитве, уберечь его от здоровой пищи, и от большого счастья, и от крепкого питья. Ибо здоровой пищей обычно называют всякую зелень. Также чурался он пищи, которую продают аптекари, ибо, как бы здорова она ни была, все же это знак болезни.

Большим счастьем было бы, если б камень упал с крыши или балка с дома сорвалась. Можно было бы сказать: «Если бы я стоял внизу, меня бы этот камень или балка насмерть пришибли, что было бы для меня большим счастьем». От такого счастья он и хотел уберечься.

Крепкое питье – это вода. Ведь вода своей силой приводит в движение мельничные колеса, и немало славных парней испили в ней свою смерть!

XXII История рассказывает, как Уленшпигель нанялся к графу Ангальтскому[40] стражем на башню[41] и, когда подошли враги, он не затрубил в рог, а когда их не было, затрубил сигнал тревоги

В скором времени после этого Уленшпигель пришел к графу Ангальтскому и нанялся к нему служить стражем на башню. У графа было много врагов, и в ту пору он держал в городке и в замке множество рейтаров и придворных слуг, их надо было каждый день кормить, поэтому Уленшпигеля забыли на его сторожевой башне и не послали ему еды. В тот день случилось так, что враги появились перед городом и графским замком, захватили коров и всех их угнали. А Уленшпигель лежал на своей башне и глазел в окно, но не поднял тревоги криком или трубя в рог.

Когда шум набега донесся до графа, он со своими людьми поспешил в погоню, и некоторые заметили, что Уленшпигель лежит на окне в башне и смеется. Граф окликнул его: «Почему это ты лежишь на окне и ведешь себя так тихо?». Уленшпигель ответил сверху: «Я натощак ни кричать, ни плясать не люблю». А граф ему скова: «Ты что же, не хочешь чтобы враги твой рожок услыхали?». А Уленшпигель в ответ: «Не к чему мне трубить, врагов рожком созывать, их и так на лугу много. Правда, некоторые вместе с коровами отсюда ушли, но, если я всех сюда созову, они вас насмерть перебьют. Бот славно-то будет!..».

Граф поспешил за врагами и сошелся с ними в схватке. Через некоторое время граф воротился довольный, он отбил у неприятеля гурт скота. Его люди принялись жарить и парить, а Уленшпигеля опять забыли накормить. Тут стал он раздумывать на своей башне, как ему получить толику от их добычи, и дождался, когда пришел час обеда. Тут он стал кричать и трубить: «Враги, враги!». Граф впопыхах

выскочил из-за стола, уставленного кушаньями, надел доспехи и помчался со своими людьми к воротам и в поле. Уленшпигель тем временем проворно и резво сбежал с башни, пришел к графскому столу, схватил жареное и пареное и все, что ему приглянулось, и снова отправился на башню.

Когда рейтары и пешие люди прибыли на место, они не застали там никаких врагов и стали говорить: «Страж на башне эту штуку из озорства выкинул» – и двинулись домой, к воротам. А граф закричал наверх Уленшпигелю: «Ты что ли рехнулся, с ума сошел?». Уленшпигель сказал: «У меня злых намерений не было». Граф спросил: «Ты зачем трубил: „Враги, враги", когда их тут не было в помине?». Уленшпигель ему отвечал: «Раз их не было, значит надо было мне их созвать, хотя бы нескольких».

Граф сказал: «Видно шельму по повадке. Когда враги здесь, ты не хочешь трубить, а когда их здесь нет, ты о них возвещаешь. Это, можно считать, чистая измена». И граф сместил его и нанял другого стража, а Уленшпигель отныне должен был следовать за графом в походы на своих двоих, как пеший стрелок. Последнее его донельзя огорчило, он охотно ушел бы оттуда, однако не мог надеяться, что его великодушно отпустят.

Когда они выступали против неприятеля, Уленшпигель всегда выходил из ворот последним, а когда, навоевавшись, возвращались домой, он первый спешил в ворота.

Граф стал спрашивать, как это надо понимать, что в поход на врага он идет последним, а домой стремится всегда попасть первым. Уленшпигель отвечал: «Не во гнев вам будь сказано, когда вы с вашей свитой за столом закусывали, я томился на своей башне от голода и от этого совсем обессилел. Если я должен теперь первым идти на врага, так мне надо поспешить и сберечь время, чтобы первым усесться за стол и последним уйти от стола и таким образом снова набраться сил. Вот тогда-то я первым пойду на врага и последним уйду от него». «Я слышал, – сказал граф, – что ты собираешься вести себя так ровно столько, сколько времени ты сидел на башне». Уленшпигель сказал на это: «Людей охотно лишают того, на что каждый имеет право». Граф сказал: «Ты больше не будешь служить у меня» – и отпустил его, чему Уленшпигель обрадовался, так как ему не очень-то нравилось все время воевать с врагами.

XXIII История рассказывает, как Уленшпигель велел подковать свою лошадь золотом, за что заплатить должен был датский король[42]

Уленшпигель был таким хорошим придворным, что слух о его достоинствах дошел до многих князей и господ и о нем многое могли порассказать. Это нравилось господам и князьям. Они давали ему одежду, коня, деньги и пищу.

Уленшпигель явился к датскому королю[43] и очень ему полюбился. Король попросил, чтобы Уленшпигель сделал что-нибудь необыкновенное, а за это король велит подковать его лошадь наилучшими подковами. Уленшпигель спросил короля, может ли он верить его словам. Король сказал: «Да, если Уленшпигель все сделает, согласно его желанию». Тогда Уленшпигель поехал верхом к золотых дел мастеру и велел подковать ему лошадь золотыми подковами и серебряными гвоздями, после того пошел к королю и сказал, чтобы тот оплатил ему ковку. Король сказал: «Хорошо» – и велел своему писцу, чтобы он выдал Уленшпигелю деньги. Писец думал, что надо платить простому кузнецу, а Уленшпигель привел его к золотых дел мастеру, а этот мастер запросил сто датских марок. Столько платить королевский писец не захотел и ушел и доложил об этом королю. Король велел позвать Уленшпигеля и сказал ему: «Уленшпигель, что за драгоценные подковы ты своей лошади сделал? Если я всех моих лошадей буду так подковывать, мне придется все земли продать вместе с подданными. У меня в уме не было, что ты велишь подковать лошадь золотом».

Уленшпигель сказал: «Милостивый король, вы сказали, что это должны быть самолучшие подковы, и я сделал, как вы сказали». Король сказал: «Ты мой любимый придворный. Ты все делаешь, как я приказываю». И король рассмеялся и заплатил сто марок. Тогда Уленшпигель пошел и велел сбить прочь золотые подковы, отправился к кузнецу и велел подковать свою лошадь железом. А потом

Уленшпигель оставался при дворе датского короля, пока тот не скончался.

XXIV История рассказывает, как Уленшпигель грубой шуткой превзошел шута короля польского

Во времена благородного князя Казимира,[44] короля польского, состоял при нем один шут. Он знал много удивительных историй и разных фокусов и умел хорошо играть на скрипке.

И вот Уленшпигель тоже пришел в Польшу к королю, а король уже был наслышан об Уленшпигеле и принял его как желанного гостя: ему давно хотелось взглянуть на Уленшпигеля и услышать от него о его похождениях. Между тем и к своему шпильману[45] король был очень привязан.

Вот сошлись вместе Уленшпигель и королевский шут. Так это вышло, как в пословице говорится: два дурака в одном доме ничего хорошего не высидят.

Королевский шут не хотел терпеть присутствия Уленшпигеля, а Уленшпигель не хотел позволить себя выставить. Заметил это король и велел позвать их к себе в зал.

«Ну вот, – сказал он, – кто из вас выкинет самую диковинную глупость, какую другой не сможет повторить, тому я пожалую новое платье и дам в награду двадцать гульденов. И это должно состояться сейчас же».

И вот они вдвоем стали дурачиться и друг друга передразнивать, гримасничать и болтать всякую чепуху, вытворять все, что только, соревнуясь, сумели придумать.

Все, что ни делал королевский шут, Уленшпигель за ним повторял, а все, что ни делал Уленшпигель, повторял за ним шут. Король и все его рыцарство над этим смеялись и повидали много диковинного. Уленшпигель же думал: «Двадцать гульденов и новое платье – это было бы кстати. За эту цену я сделаю то, что мне совсем не хочется, и посмотрю, какого мнения будет король, если он беспристрастно решит, кто из нас стоит награды».

И вот Уленшпигель вышел на середину зала, оголил зад и наложил кучу, взял ложку и разделил кучу точно пополам, а потом

позвал своего соперника и сказал: «Дурак, иди сюда и подражай моему безобразию, как я стану подражать твоему». Тут он взял ложку, подцепил половину дерьма и съел его. Подав ложку королевскому шуту, он сказал: «Гляди сюда, если ты съешь другую половину, а потом, как я, наложишь кучу, разделишь ее пополам, тогда я тоже ее после тебя доем».

Королевский шут сказал: «Нет, чур, не это! Пусть в этом дьявол тебе подражает, и пусть я буду до конца моих дней ходить голым, а есть твоего или своего дерьма я не стану!».

Так Уленшпигель достиг первенства в озорстве, и король дал ему новое платье и двадцать гульденов. На этом Уленшпигель уехал от короля, увозя с собой его похвалу.

XXV История рассказывает, как Уленшпигелю было запрещено являться в Люнебургское герцогство и как он распорол брюхо своей лошади и влез туда

В земле Люнебург, городе Целе, Уленшпигель вовсю безобразничал. Герцог Люнебургский запретил ему въезд в страну и распорядился, если Уленшпигеля тут опять обнаружат, схватить и повесить. Но и после этого Уленшпигель ничуть не избегал Люнебурга, и, если его путь пролегал через эту землю, озорник шел или ехал совсем не колеблясь.

Случилось однажды, когда он держал путь через Люнебург, что навстречу ехал герцог. Когда Уленшпигель разглядел, что это был герцог, он подумал: «Если здесь герцог и ты обратишься в бегство, то рейтары догонят тебя на своих конях и сбросят с лошади. Тут подоспеет разгневанный герцог и тебя повесят на дереве». И вот наскоро придумал он выход: сошел с лошади, распорол ей брюхо, выкинул внутренности и сам туда встал обеими ногами.

Когда герцог со своими рейтарами подъехал к тому месту, где Уленшпигель стоял в лошадином брюхе, слуги сказали: «Поглядите, господин, здесь стоит Уленшпигель, он залез в лошадиную шкуру». Герцог подъехал к нему и сказал: «Это ты? Что ты делаешь в этом остове? Ты что, не знаешь, что я тебе въезд в свою страну запретил и, если тебя тут застигну, прикажу повесить на дереве?». Тогда Уленшпигель сказал: «Милостивейший государь и князь, я надеюсь, что вы пощадите мне жизнь. Я же не сделал ничего дурного, за что стоило бы вешать».

Герцог сказал ему: «Поди сюда и докажи мне, что ты не виновен, да объясни, что это ты придумал, зачем ты в лошадиной шкуре стоишь?».

Уленшпигель вышел вперед и отвечал: «Милосердный и высокородный князь, я опасаюсь вашей немилости и страх как боюсь

за себя, но я всю жизнь слышал, что каждый может вкушать мир среди собственных четырех столбов».[46] Герцог рассмеялся и сказал: «Так ты что же, собираешься из моей страны убраться?». Уленшпигель ответил: «Милостивейший государь, это как ваша княжеская милость хочет». Герцог поскакал от него со словами: «Оставайся там, где ты есть». Тут Уленшпигель проворно выпрыгнул из лошадиного остова и сказал, обращаясь к своей мертвой лошади: «Спасибо тебе, лошадка, ты помогла мне и спасла мне жизнь, вернув впридачу милость государя. Отныне покойся здесь. Тебя сожрет воронье – это лучше, чем если б склевали меня».

И он отправился в путь на своих двоих.

XXVI История рассказывает, как Уленшпигель купил у одного крестьянина немного его земли, насыпал в тачку и сел в нее

После этого Уленшпигель снова явился в Люнебургскую землю, пошел в одну деревню близ Целя и стал ждать, когда герцог снова поедет в Цель. Тут увидел он крестьянина, пашущего поле. Уленшпигель к этому времени уже приобрел новую лошадь и двуколку. Он подъехал к крестьянину и спросил, чье это поле он обрабатывает. Крестьянин сказал: «Это мое поле, я его получил по наследству». Тогда Уленшпигель спросил, сколько ему заплатить за полную повозку земли с этого поля. Крестьянин ответил: «За это я возьму шиллинг[47]». Уленшпигель дал ему пфенниг серебром и набрал полную повозку земли с поля, забрался на нее и покатил прямо к Цельскому замку, что на реке Эллер.

Как только герцог выехал верхом, он увидел Уленшпигеля, сидящего в своей двуколке по плечи в земле.

Герцог сказал: «Уленшпигель, я тебе запретил появляться на моих землях под страхом повешения, если я тут тебя найду». Уленшпигель ответил: «Милостивый государь, я не на вашей земле, я на своей земле сижу.[48] Я купил ее за серебряный пфенниг. Я купил ее у крестьянина, который сказал мне, что это его наследственный надел».

Герцог сказал: «Уезжай со своей землей с моей земли и больше не возвращайся, не то я велю тебя вместе с лошадью и повозкой повесить».

Когда Уленшпигель вылез из повозки, прыгнул на лошадь и поскакал из Люнебурга, а повозку оставил стоять перед замком. Там у моста и сейчас еще лежит Уленшпигелева земля.

XXVII История рассказывает, как Уленшпигель рисовал ландграфа[49] гессенского и сказал ему, что тот, кто рожден вне законного брака, не может увидеть его картину[50]

Удивительные вещи вытворял Уленшпигель в Гессене. Когда он, странствуя, исходил всю Саксонскую землю вдоль и поперек, то так прославился своим озорством, что уже не мог там безопасно находиться. Тогда он подался в Гессенские края и пришел в Марбург, ко двору ландграфа. Государь спросил, что он умеет. Уленшпигель и сказал так: «Милостивейший государь, я служитель искусства». Ландграф обрадовался, так как думал, что перед ним искусник, знаток алхимии, чему сам ландграф отдавал много труда, и спросил Уленшпигеля, не алхимик[51] ли он.

Уленшпигель сказал: «Нет, милостивейший государь, я живописец, равного которому не найдется ни в какой из многих стран, ибо моя работа превосходит все остальные».

Ландграф сказал: «Покажи нам что-нибудь». Уленшпигель ему ответил: «Повинуюсь, милостивейший государь». У него было несколько картин, купленных во Фландрии. Он вытащил их из своего мешка и показал графу. Они ему так понравились, что граф сказал: «Любезный мастер, что вы возьмете за то, чтобы расписать наш зал картинами, изображающими родословную маркграфов Гессенских и как они породнились с королями Венгрии[52] и другими князьями и господами и что еще дальше происходило. Пусть это будет самая дорогая живопись».

Уленшпигель ответил: «Милостивейший государь, то, что ваша милость мне заказывает, будет стоить добрых четыреста гульденов». Маркграф сказал: «Мастер, вы только сделайте нам это получше, а за ценой мы не постоим».

Уленшпигель согласился взять заказ, но только с тем, чтобы ландграф выдал ему сто гульденов на покупку красок и наем подмастерьев. Когда же Уленшпигель с тремя подручными собрался приступить к делу, он поставил графу условие: никто, пока он работает, не должен входить в зал, кроме его помощников, дабы не чинить помех искусству. И это граф ему обещал.

А Уленшпигель сговорился со своими подмастерьями, чтобы они молчали и все предоставили делать ему. Им не придется работать, но свое жалование они получат сполна. Их самый большой труд будет игра в шахматы. Подмастерья поняли, что они, палец о палец не ударив, получат вознаграждение. Так прошла неделя, другая, и тут граф пожелал узнать, что поделывает мастер со своими товарищами и получится ли роспись настолько же хороша, как виденные им образцы. И он сказал Уленшпигелю: «Ах, любезный мастер, нам очень хотелось бы видеть вашу работу, мы желаем пройти с вами в зал и взглянуть на ваши картины». Уленшпигель сказал: «Повинуюсь, милостивейший государь. Но сначала я хочу вашей милости сказать: тот, кто с вами пойдет посмотреть на картины, не сможет увидеть мою живопись, если он не рожден честь по чести в законном браке».

Ландграф сказал: «Мастер, вот это было бы здорово!». И вот они пошли в зал. А там на стене, которую надо было расписать,

Уленшпигель растянул длинное полотно. Он немного отдернул эту завесу и, указывая белой палочкой на стену, заговорил так: «Взгляните, милостивейший государь, вот этот муж – первый ландграф Гессенский из римского рода Колонна. Он взял себе в супруги и государыни герцогиню Баварскую, дочь кроткого Юстиниана, который потом стал императором. Взгляните, милостивейший государь: от него родился Адольф, Адольф родил Вильгельма Черного, Вильгельм родил Людовика Благочестивого и так далее, вплоть до вашей княжеской милости.[53] Я уверен, что никто не может охаять мою работу, так искусно она исполнена и так хороши ее краски!».

Но ландграф ничего не видел, кроме белой стены, и сказал про себя: «Пусть я шлюхин сын буду, а так-таки ничего не вижу, кроме белой стены». Однако он сказал (приличия ради): «Любезный мастер, нам все это очень понравилось, но у нас нет достаточно познаний, чтобы оценивать это», – и вышел из зала.

Как только хитрый ландграф пришел к своей супруге, она его спросила: «Ах, государь, что же рисует ваш свободный художник? Ведь вы это видели. Как понравилась вам его работа? Я плохо верю в него, он похож на плута».

Государь сказал: «Милая супруга, мне его работа изрядно понравилась, он делает ее на совесть».

«Милостивейший государь, – сказала она, – нельзя ли и нам поглядеть?» – «Можно, если мастер не против».

Тогда она велела позвать Уленшпигеля и пожелала тоже осмотреть его картины. Уленшпигель сказал ей точно так же, как государю: незаконнорожденный не может увидеть его работу. И вот графиня пошла в зал с восьмью фрейлинами и своей шутихой. Уленшпигель опять отодвинул полотно и объяснил госпоже родословную ландграфов, указывая на стенке кусок за куском. Но графиня с ее девицами как воды в рот набрали – никто не хвалил и не хулил картину. Каждой из них горько было, что она незаконнорожденная по вине отца или матери.

Под конец дурочка встала и сказала: «Милый мастер, пусть меня хоть всю жизнь кличут шлюхиной дочерью, я не вижу картин».

Уленшпигель тут подумал: «Плохо для меня будет, коли дураки начнут правду говорить, тогда мне действительно придется скитаться». И он поднял шутиху на смех.

Между тем графиня пошла из зала и вернулась к супругу. А он спросил, как ей понравились картины. Она отвечала ему и сказала так: «Милостивейший государь, мне понравилось все, так же, как и вашей милости. А вот нашей дурке не понравилось. Она говорит, что не видит никакой картины. Также и фрейлины обеспокоены, нет ли тут мошенничества».

Это задело государя за живое, он начал думать, не обманут ли он, однако велел передать Уленшпигелю, чтобы тот поторопился с заказом: весь двор желает посмотреть его работу. Государь собирался таким образом узнать, кто из его рыцарей рожден в законном браке, а кто незаконнорожденный – последние должны были лишиться наследственных ленов.[54]

Тогда Уленшпигель пошел к своим подмастерьям, рассчитал их, и потребовал у казначея еще сто гульденов, и получил их, и ушел оттуда.

На другой день маркграф осведомился о своем художнике, но тот исчез. Тогда государь пошел в зал со своей свитой, попытать, не увидит ли кто-то из них что-либо нарисованное, но никто йе мог сказать, что он что-нибудь видит. И так как они все молчали, граф сказал: «Ну, теперь мы ясно видим, что мы обмануты. Мысль об Уленшпигеле никогда меня не заботила, однако он взял да и пришел к нам. Потерю двухсот гульденов мы, конечно, переживем, но он был и останется плутом, так пусть избегает нашего княжества».

Таким образом, Уленшпигель покинул Марбург и с тех пор больше уж не хотел заниматься художеством.

XXVIII История рассказывает, как Уленшпигель в пражском университете, что в Богемии, вел диспут со студентами и одержал над ними верх[55]

Из Марбурга Уленшпигель отправился в Прагу, что в Богемии. В то время там жили еще добрые христиане и ересь англичанина Виклифа еще не была распространена в Богемии Иоганном Гусом.[56]

Уленшпигель стал выдавать себя там за великого мастера разрешать важные вопросы, которые другие ученые не могли истолковать или разъяснить. Это он велел написать на листах и прибил их на дверях церкви и коллегии,[57] что раздосадовало ректора. Коллегиаты,[58] доктора и магистры оказались в трудном положении. Они собирались и держали совет, как им задать Уленшпигелю такие Questiones,[59] чтобы он не мог их Solvieren.[60] И вот, если бы Уленшпигель был побежден, они могли бы отнестись к нему снисходительно и только пристыдили бы хвастуна.

И было между ними обсуждено и договорено, конкордировано и ординировано, что вопросы должен задавать ректор. Они пригласили Уленшпигеля через своего педеля явиться на следующий день и ответить перед всем университетом на Questiones или вопросы, которые педель[61] передал ему в письменном виде. Так Уленшпигель будет испытан и докажет, что знает толк в своем деле. В противном случае он вовсе не будет допущен к состязанию.

Уленшпигель ответил посланцу следующее: «Скажи своим господам, что я так и поступлю и уповаю еще постоять за себя как достойный муж, что мне всегда удавалось».

На следующий день собрались все доктора и ученые. Тем временем явился и Уленшпигель и привел с собой хозяина гостиницы, несколько других бюргеров и несколько дюжих подмастерьев на случай, если студенты нападут на него.

И когда Уленшпигель явился в ученое собрание, ему велели взойти на кафедру и отвечать на вопросы, которые были ему предложены. И первый вопрос, который задал ректор и Уленшпигель должен был разрешить и с очевидностью доказать, был следующий: сколько бочек воды в море? Если он не сумеет разрешить эту задачу и ответить на вопрос, они осудят и ославят его как невежду и оскорбителя науки.

На этот вопрос Уленшпигель проворно ответил: «Достопочтенный господин ректор, прикажите остановиться другим водам, которые со всех концов текут в море. Тогда я измерю, докажу и скажу всю правду об этом, что нетрудно сделать». Ректору было невозможно остановить реки, и он взял обратно свой вопрос и позволил противнику не мерить воду в море.

Ректор стоял устыженный и предложил другой вопрос и сказал: «Ответь мне, сколько дней прошло со времен Адама и до сего дня». Уленшпигель ответил коротко: «Всего семь дней. А когда они кончились, начались другие семь. И так до скончания мира».

Ректор сказал ему: «Отвечай мне быстро на третий вопрос: где середина земли?».

– «Вот она, тут. Это место как раз на середине мира. Велите для верности измерить веревкой, если я ошибся хоть на соломинку, значит, я не прав».

Ректор, прежде чем мерить, освободил Уленшпигеля от этого вопроса и в сильном гневе задал Уленшпигелю четвертый вопрос и сказал: «Как далеко от земли до неба?».

Уленшпигель сказал: «Совсем близко. Когда говорят или кричат на небе, здесь, внизу, хорошо слышно. Заберитесь наверх, а я тут внизу покличу негромко, это вы должны будете слышать, а если не услышите, тогда я ошибся».

Ректор был побежден и задал пятый вопрос: «Как велико небо?»- Уленшпигель ответил проворно и скоро: «В нем 1000 сажень ширины и 1000 локтей высоты, в этом я не ошибусь. Если вы не хотите мне верить, уберите с неба солнце и луну и все звезды, перемерьте хорошенько, тогда вы увидите, что я прав, хотя вам это не очень понравится».

Что им оставалось сказать? Уленшпигель был хитрее их всех, в этом все должны были отдать ему справедливость. Но он не долго промешкал в Праге. Когда Уленшпигель победил ученых своей хитростью, он испугался, чтобы не напоили его чем-нибудь, дабы он осрамился. Поэтому хитрец снял с себя ученую мантию и пустился в дорогу и пришел в Эрфурт.

XXIX История рассказывает, как Уленшпигель в Эрфурте учил осла читать по старой псалтири[62]

Уленшпигель торопился в Эрфурт после выходки, учиненной им в Праге, так как опасался, что студенты пустятся за ним в погоню. Когда же он пришел в Эрфурт, где тоже находится большой и прославленный университет, он там тоже прибил свои объявления. Университетские коллегиаты были много наслышаны о его хитростях и стали держать совет, какую бы загадать ему загадку, чтобы их дела не обернулись тем же, что у жителей Праги, где все окончилось их позорным поражением.

И вот они порешили, что надо отдать в ученье Уленшпигелю осла, ибо в Эрфурте было много ослов, молодых и старых. Коллегиаты послали за Уленшпигелем и сказали ему: «Магистр, вы вывесили ученые объявления, что вы беретесь любое создание в короткое время научить читать и писать. Ну вот господа университетские профессора перед вами и хотят отдать вам в учение молодого осла. Беретесь ли вы его обучать?».

Он сказал: «Берусь, но для этого надобно время, так как осел бессловесное и неразумное создание». В конце концов профессора столковались с Уленшпигелем о сроке в двадцать лет. Уленшпигель рассудил: «Нас трое. Если ректор умрет, то я буду свободен от своих обязательств. Если я умру, кто посмеет меня упрекать? Если же умрет мой ученик, я опять-таки свободен». И он взял осла к себе на выучку. За 500 старых грошей и в счет этого ему выдали несколько денег.

Итак, Уленшпигель принял осла и отправился с ним в башню на постоялом дворе, где в то время был чудаковатый хозяин. Уленшпигель нанял для своего ученика отдельную конюшню, взял старую псалтирь и положил ее в ясли, а между отдельными листами насыпал овсяные зерна. Осел почуял овес и стал мордой листать страницы, отыскивая зерно, а когда больше не нашел, то закричал: «иа-иа…»

Когда Уленшпигель это увидел, он пошел к ректору и сказал: «Господин ректор, когда вам желательно видеть, что умеет мой ученик?». Ректор ему сказал: «Любезный магистр, он что же, воспринимает учение?». Уленшпигель ответил: «Он необыкновенно туп по своим задаткам, и *для* меня будет нелегко его обучить. Но я большим трудом и упорством достиг того, что он уже знает и может назвать некоторые буквы, особенно некоторые гласные. Если вы отправитесь со мной, то сможете это увидеть и услышать». Между тем прилежный ученик в этот день постился до трех часов пополудни. Когда Уленшпигель явился к нему вместе с ректором и несколькими магистрами, он положил перед своим учеником новую книгу. Когда осел нашел ее в яслях, он стал поворачивать ее страницы, ища овес. Когда же ничего не нашел, то стал кричать громким голосом: «иа-иа…».

Уленшпигель тут сказал: «Видите, дорогой сударь, две гласные И и А он уже знает, надеюсь, в дальнейшем дело у нас пойдет».

В скором времени после этого ректор скончался. Тогда Уленшпигель расстался со своим учеником, предоставив ему жить, как предуказывала его природа.

Уленшпигель с полученными деньгами подался в другие края, размыслив так: «Пришлось бы пролить много пота, чтобы всех эрфуртских ослов научить уму-разуму».

Ему это мало улыбалось, и он все оставил как оно есть.

XXX История рассказывает, как Уленшпигель в Зангерхаузене, что в земле Тюрингии, стирал женщине мех

Уленшпигель пришел в Тюрингскую землю, в деревню Нигештеттен,[63] и попросился на ночлег. Хозяйка вышла к нему и спросила, что он за работник. Уленшпигель отвечал: «Я не работаю у какого-нибудь ремесленника, а занимаюсь тем, что говорю правду». Хозяйка сказала: «Ну, правде я охотно дам приют. Я к тем людям сердечно расположена, которые правду в глаза говорят».

А Уленшпигель на нее взглянул да и увидел, что хозяйка косит глазами, и сказал так-то: «Косоглазка, косоглазка, где мне сесть можно и куда мне посох и котомку сложить?». Хозяйка ему говорит: «Ах, чтоб тебе пусто было, за всю жизнь меня никто не корил, что я косая». Уленшпигель ей в ответ: «Хозяюшка, милая, раз я всегда должен правду выкладывать, так и об этом мне нельзя промолчать». Хозяйка тогда успокоилась и посмеялась над его словами.

Перед тем как лечь спать, Уленшпигель разговорился с хозяйкой и в разговоре упомянул, что умеет стирать старый мех. Хозяйка этому обрадовалась и попросила, чтобы он взялся за это дело: она скажет соседям чтобы все они принесли какой у кого есть мех. Уленшпигель согласился. Женщина собрала соседей и все они принесли мех, какой у них дома был. Уленшпигель сказал: «Надо еще молока для стирки». Женщинам очень хотелось обновить мех, и они принесли из дома молока.

Уленшпигель поставил на огонь три котла, налил туда молоко, опустил в него мех, стал варить, кипятить. Когда все насквозь молоком пропиталось, он сказал женщинам: «Теперь надо вам по дрова идти, молодую липу срубить и кору ободрать. Пока вы вернетесь, я мех из котлов вытащу, он уже достаточно отмок, теперь остается его отстирать, для этого мне и нужны дрова».

Женщины охотно пошли за дровами, а их детишки сбежались к Уленшпигелю, взялись за руки, запрыгали и запели: «Вот так новый славный мех, вот так новый славный мех!..». А Уленшпигель

посмеивался и говорил: «Ждите, ждите, дети, мех еще не готов». И вот, когда все женщины были в лесу, Уленшпигель подбросил еще больше дров в огонь и оставил мех вариться в котле, а сам ушел из деревни, хотя должен был вернуться и выстирать мех.

Вот женщины пришли с липовыми поленьями и не застали Уленшпигеля. Они догадались, что он скрылся. Одна за другой пытались они вытащить свой мех из котла, но все шкурки до того перепрели, что расползлись. Оставили женщины мех в котле, думая, что мастер, быть может, еще вернется и выстирает его. А он благодарил бога за то, что удачно оттуда убрался.

XXXI История рассказывает, как Уленшпигель возил с собой череп, чтобы им морочить людей, и собрал таким образом много пожертвований[64]

Уленшпигель стал всюду известен своим озорством, и там, где он один раз побывал, не очень-то желали опять его видеть. Поэтому случалось, что он нарочно переодевался и его не узнавали. Шло к тому, что он уже не мог ожидать, что прокормит себя бездельничая, тем не менее с юных лет сохранял веселое расположение духа и добывал достаточно денег всевозможными плутовскими проделками. Когда же его надувательство стало известно во всех странах и доходы его упали, он придумал как сделать, дабы, палец о палец не ударив, приобрести богатство: он решил выдать себя за странствующего продавца реликвий и, разъезжая по стране, вразнос торговать святым товаром.

Уленшпигель переоделся священником, взял где-то череп, велел оправить его в серебро и явился в Померанию, где священники больше занимались пьянством, чем проповедовали. Если в каком-то селе совершалось освящение церкви, или свадьба, или бывало иное собрание местных жителей, Уленшпигель отправлялся туда, к их пастырю, и заявлял, что хочет прочесть проповедь и показать мужикам свои реликвии, с тем чтобы мужики дали себя маленько постричь, а пожертвования, которые к нему потекут, он поделит исполу со священником. Неученые попы были очень довольны, лишь бы выручить деньги. Когда большинство прихожан собиралось в церкви, Уленшпигель поднимался на кафедру проповедника и рассказывал кое-что из Ветхого Завета, перетасовывал Новый Завет с Новым ковчегом[65] и золотым ведерком, в котором находилась манна небесная, говоря при этом, что то были величайшие святыни. Также рассказывал Уленшпигель про голову святого Брандана,[66] который

воистину был святым человеком и голову которого Уленшпигель возит с собой.

Уленшпигель еще говорил, что ему велено собирать пожертвования на построение новой церкви, но только незапятнанными деньгами, ибо ни за что в жизни он не возьмет пожертвований от женщины, свершившей прелюбодеяние. И если подобные женщины тут присутствуют, пусть остаются на месте, ибо, если они станут мне что-то жертвовать, а сами повинны в грехе прелюбодеяния, так я не приму их пожертвования и им придется стоять предо мной посрамленными. По этому вы сможете судить о них.

И он давал людям целовать череп, который, возможно, был черепом какого-нибудь кузнеца, – Уленшпигель подобрал его во дворе одной церкви. После этого он раздавал крестьянам и крестьянкам свое благословение, спускался с кафедры и становился перед алтарем. А священник начинал петь и звонить з колокольчик.

Тут дурные жены вместе с добродетельными шли к алтарю со своей лептой и так теснили друг дружку, что начинали задыхаться. И те, кому другие кричали поносные слова, у кого было рыльце в пушку, те стремились первыми внести свою лепту. Уленшпигель брал деньги у дурных и у добродетельных женщин, не брезгуя никем. А глупые женщины так твердо верили в его нелепую плутовскую басню, что думали: если какая-то женщина осталась на месте, значит, она не добродетельна. Если у женщины не было денег, она жертвовала золотое или серебряное кольцо, и каждая следила за другой, внесла ли она свой вклад. А та, что внесла свою лепту, воображала, что этим она защитила свою честь и развеяла злые слова, что в нее метили. Иные жертвовали два или три раза, так, чтобы народ это видел и перестал кричать поношения.

Уленшпигель же получал самые богатые пожертвования, о каких прежде и не слыхали. Когда он брал деньги, то всем, кто ему жертвовал, под страхом церковного наказания запрещал мошенничать. Они, говорил он. должны быть совершенно чисты, а кто возьмет грех на душу, так Уленшпигель не примет от него лепты. И везде женщины оставались довольны. Куда ни приходил Уленшпигель, всюду он читал проповеди и от этого богател, а люди считали его набожном проповедником, ведь свое плутовство он умел хорошо скрывать.

XXXII История рассказывает, как Уленшпигель разбудил нюренбергских стражников и как они погнались за ним через мост и упали в воду

Уленшпигель был горазд на всякие плутовские проделки. После того как его шальная голова далеко его завела и он постоянно обманывал людей, Уленшпигель пришел в Нюренберг, где хотел потратить деньги, вырученные с помощью реликвий. Когда он пробыл некоторое время в городе и хорошо узнал все тамошние порядки, он никак не мог отстать от своей натуры: обязательно надо было ему выкинуть какую-нибудь озорную шутку. И вот он приметил, что нюренбергские стражники спали, не снимая лат, в большом ларе, устроенном внизу ратуши. Уленшпигель изучил в Нюренберге все ходы и выходы. Особенно он присмотрелся к мосту между Свиным рынком[67] и домишком, мимо которого было небезопасно ходить в позднюю пору, так как многих ладных служанок туда уже затащили, когда они шли раздобыть вина.

И вот Уленшпигель с обычным плутовством дождался, пока люди легли спать и настала полная тишина. Тогда он выломал из помянутого мостика три доски, бросил их в речку, называемую Пегниц, и, став перед ратушей, начал сыпать проклятьями и колотить старым ножом по булыжнику, так что искры посыпались. Когда стражники это услыхали, они вскочили на ноги и побежали за ним. А когда Уленшпигель услышал, что они за ним гонятся, он побежал в сторону Свиного рынка, а они за ним по пятам Так, с трудом убегая от них, добежал он до того места, откуда выбросил доски и как мог перескочил через мост. И когда очутился на другой стороне, он закричал громким голосом: «О-го-го! Где вы там, злодеи трусливые?». Лишь только стражники это услыхали, они кинулись, ни о чем не думая, прямо за ним, и каждый хотел только поспеть первым. Тут они попадали один за другим в Пегниц. А щель в мосту была такой узкой, что каждый себе зубы разбил. Уленшпигель им кричал: «О-го-го! Вы

за мной больше не бежите? Так побегайте еще утречком. Вы зачем торопитесь? В эту баню и засветло не опоздали бы. Можно было бы вполовину так не спешить и все же в срок в эту купель поспеть».

А тем временем у одного стражника – нога пополам, у другого – рука, третий себе продырявил голову, так что никто отсюда без увечья не вышел.

А Уленшпигель, как только довел до конца свою каверзу, в Нюренберге больше не остался, а подался в другое место, потому что ему не хотелось, чтобы все его проделки раскрылись, а его самого из-за них покалечили. Ведь могло статься, что нюренбержцы не захотели бы счесть все это шуткой.

XXXIII История рассказывает, как Уленшпигель в Бамберге ел за деньги

Однажды Уленшпигель плутовством заработал деньги в городе Бамберге. когда он туда пришел из Нюренберга. Он был голоден и зашел в харчевню к одной хозяйке – веселой хозяйке, которую называли «госпожа королева».

«Добро пожаловать», – сказала она ему, потому что по платью увидела, что это был не обычный гость. Когда настало время обедать, хозяйка спросила, как ему желательно – есть за общим столом то, что все едят, либо заказывать блюда по выбору, за отдельную плату?

Уленшпигель ответил, что он бедный подмастерье и просит ему дать что-нибудь поесть ради бога. Хозяйка сказала: «Друг, мне ведь булочник и мясник со своих прилавков ничего не дают даром, мне приходится деньги платить, потому-то и я должна еду подавать за деньги». Уленшпигель тогда сказал: «Ах, сударыня, и мне не в убыток есть за деньги. За сколько же я буду здесь есть и пить?».

Женщина сказала: «За господским столом – за двадцать четыре пфеннига, рангом ниже – за восемнадцать, а вместе с моими слугами – за двенадцать пфеннигов».

Уленшпигель на это отвечал: «Чем дороже, тем для меня лучше» – и сел за господский стол и поел досыта. И вот, когда Уленшпигель вдоволь наелся и напился, он сказал хозяйке, чтобы она с ним рассчиталась, ему-де пора в путь-дорогу, чтобы не слишком тут поистратиться. «Милый гость, – сказала женщина, – дайте мне в уплату за обед двадцать четыре пфеннига и ступайте себе с богом».

«Нет, – говорит Уленшпигель, – это вы мне должны двадцать четыре пфеннига, как вы сами сказали. Ведь вами говорено, что за *этим* столом едят за двадцать четыре пфеннига. Я это так и понял и ел, чтобы деньги заработать, а это было мне нелегко. Я так жевал, что меня пот прошиб. Ради спасения своей жизни я и то больше съесть бы не мог. Вот и дайте мне то, что я заработал в поте лица своего».

«Друг, – сказала хозяйка, – все верно: вы тут съели за троих, а вот это за это платить я должна, ни в какие ворота не лезет. Ну да что с воза упало, то пропало, обеда не вернешь, идите себе с тем, что

съедено. А вот денег я вам не дам. Это как отрезано, да и от вас денег я не против.

Только ко мне сюда больше не показывайтесь. И то сказать, если бы мне случилось один только год гостей так кормить, а денег от них выручить, как от вас, то мне бы пришлось все имущество спустить и по миру идти».

Уленшпигель простился с хозяйкой, и она поминала его лихом.

XXXIV История рассказывает, как Уленшпигель пришел в Рим и лицезрел папу, который принял его за еретика

Уленшпигель прославился своими каверзными проделками. Когда он уже испробовал всевозможные каверзы, ему вспомнилась старая поговорка «В Рим пойдешь – станешь богу угодником, а обратно вернешься – опять греховодником». Вот он и отправился в Рим и там дал волю своему озорству. Он пришел к одной хозяйке на подворье. Та увидела, что он пригожий малый, и спрашивает, откуда он. Уленшпигель сказал, что он из Саксонии – восточный, стало быть, житель[68] – и явился в Рим, чтобы с папой поговорить.

Женщина ему сказала: «Друг, папу вы вполне можете увидеть, но чтобы с папой поговорить, это уж я не знаю. Я здесь родилась и выросла, принадлежу к хорошему роду, а еще никогда с ним слова не сказала. Как вы надеетесь это так быстро устроить? Я дала бы охотно сто дукатов,[69] чтобы с папой поговорить».

Уленшпигель на это сказал: «Милая хозяйка, если я найду способ вас к папе привести так, что вы с ним сможете поговорить, вы дадите мне сто дукатов?».

Хозяйка поспешила ответить и честью поклялась, что отдаст ему сто дукатов, если Уленшпигель это сделает. Однако женщина думала, что для него невозможно сделать такое, ибо хорошо понимала, как много труда и старания тут надо затратить. Уленшпигель сказал: «Милая хозяйка, если только это совершится, я потребую свои сто дукатов». Она сказала «Да», но сама подумала: «Ты пока что еще не стоишь перед папой».

Уленшпигель стал выжидать, ибо каждые четыре недели папа должен был служить обедню в капелле, которая называлась Иерусалим Святого Иоанна разбойного. И вот, когда папа служил обедню, Уленшпигель пробрался в капеллу как можно ближе к папе и, когда папа стал служить Canon missae,[70] повернулся спиной к святым дарам, и это заметили кардиналы. Когда же папа возгласил над чашей благословение, Уленшпигель опять отворотился.

Когда служба окончилась, кардиналы сказали папе, что вот какой замечательный малый в церкви находится, он алтарю показал спину, когда папа служил.

Папа сказал: «Надо спросить, почему он так сделал, ибо это затрагивает святую церковь. Не надо наказывать неверующего, это было бы против господа. Если человек так поступил, сокрушаться надобно, что он плохой христианин и пребывает в неверии». И папа приказал привести к нему этого человека.

Они пришли к Уленшпигелю и сказали, что он должен явиться к папе Уленшпигель пошел и предстал перед папой. Папа спросил, что он за человек. Уленшпигель отвечал, что он добрый христианин. Папа спросил, какую веру он исповедует. Уленшпигель отвечал, что он исповедует ту же веру, что его хозяйка, и назвал ее по имени, которое было им хорошо известно.

Тут папа приказал, чтобы женщина к нему явилась, и спросил у нее, какую веру она исповедует. Женщина отвечала, что она исповедует христианскую веру, ту, которую велит святая христианская церковь, и никакую другую. Уленшпигель стоял тут же. Он поклонился торжественно и сказал: «Всемилостивейший отец, ты, раб всех рабов, [71] эту веру и я исповедую. Я – добрый христианин».

Папа спросил: «Зачем ты повернулся спиной к алтарю во время „Canon missae"?». Уленшпигель ответил: «Святейший отец, я несчастный великий грешник. Грехи меня так отягощают, что я недостоин глядеть на святые дары, пока не исповедуюсь».

Таким ответом папа остался доволен, отпустил Уленшпигеля и пошел к себе во дворец.

А Уленшпигель отправился к себе на подворье и напомнил хозяйке об обещанных ста дукатах. Их пришлось хозяйке заплатить. А Уленшпигель каким был, таким и остался. Путешествие в Рим ненамного его исправило.

XXXV История рассказывает, как Уленшпигель во Франкфурте-на-Майне обманул на тысячу гульденов евреев и продал им свое дерьмо под видом вещих ягод

Никому не стоит огорчаться, если надуют плутоватого еврея. Когда Уленшпигель вернулся из Рима, он поехал во Франкфурт на Майне, а там как раз была ярмарка. Уленшпигель стал туда-сюда расхаживать, смотреть, кто какой товар выставил на продажу. Тут увидел он молодого дюжего мужчину в хорошем платье, в руках у него был маленький коробок с мускусом[72] из Александрии, за который он спрашивал необыкновенно высокую цену. Уленшпигель подумал про себя: «Я такой же крепкий и ленивый плутяга, который работать не любит. Разве не– мог бы я так же легко добыть себе хлеб, как вот этот? Мне бы оно кстати пришлось».

Всю следующую ночь он лежал без сна, обдумывал и рассчитывал, чем ему добыть пропитание. А в это время блоха возьми и укуси его в задницу. Стал он это место скрести, да и выскреб из зада несколько катышков. «Вот, – подумал он, – маленькие рыбешки, чуть поболее блошки: это ко мне в руки мускус идет».

Как только поднялся он утром, купил серой и красной тафты, завернул в нее свои катышки, достал скамеечку, прикупил побольше пряностей и вышел со своим товаром к римлянам.[73]

Много людей подходили к нему и рассматривали его необычный товар и спрашивали, что за удивительной вещью он торгует, потому что и в самом деле то был редкостный товарец для купца: завернут он был в узелок, как мускус, и пахнул странно.

Но Уленшпигель никому не давал точного ответа о своей торговле, пока не подошли к нему три богатых еврея и не спросили, что он продает. Он им ответил, что продает вещие ягоды. Гот, кто

однажды возьмет их в рот, а потом засунет в нос, с этого же часа скажет всю правду о будущем.

Тогда евреи пошли к себе и некоторое время совещались. Под конец один старик еврей говорит: «Мы могли бы отныне верно предсказать, когда наш мессия[74] должен прийти, это для нас, евреев, было бы немалым утешением». И тут решили они, что надо им этот товар всем сообща купить, сколько бы это ни стоило.

Так, условившись, пошли они вновь к Уленшпигелю и говорят: «Господин купец, скажите нам сразу, сколько стоят вещие ягоды». Уленшпигель стал быстро соображать и подумал так: «Воистину, раз у меня есть товар, господь посылает мне покупателей» – и сказал: «Отдаю каждую ягоду за сто флоринов.[75] Если столько платить не хотите (вы, собаки), так уходите, а это дерьмо пусть тут и стоит»…

За этот ответ они не рассердились на Уленшпигеля и хотели взять его товар. Заплатили ему быстрехонько деньги, взяли одну ягоду и пошли наконец домой. И тут принялись они бить в било, созывать в синагогу всех единоверцев. Когда собрались все, стар и млад, поднялся старейший раввин, по имени Альфа, и рассказал, как они по воле божьей получили вещую ягоду. Ее должен один из них взять в рот, и тогда он возвестит им о приходе мессии, отчего на них всех снизойдет утешение и благодать Итак, все они должны готовиться к этому с постом и молитвой. А через три дня пусть Исаак с низким поклоном возьмет в рот ягоду.

Все так и было сделано. Когда Исаак взял это в рот, Моисей его спрашивает: «Милый Исаак, ну, каково оно на вкус?» – «Слуга господен, нас всех дурак обманул! Это ничто иное, как человечье дерьмо!» Тут все они стали нюхать вещую ягоду, пока не уразумели, на каком она растет дереве. А Уленшпигель улизнул оттуда и славно кутил, покуда хватило еврейских денег.

XXXVI История рассказывает, как Уленшпигель в Кведлинбург купил кур и оставил крестьянке в залог ее собственного петуха

Конечно, в старину люди не были такими мошенниками, как теперь, особенно деревенские. Однажды в базарный день Уленшпигель пришел в Кведлинбург. Тратить мог он не очень-то много: как деньги к нему пришли, так и ушли, и он раздумывал, как снова начать сорить деньгами. Сидела на рынке одна деревенская женщина, она вынесла на продажу целую корзину отборных кур и одного петуха. Уленшпигель спросил, сколько стоит пара кур. Она отвечала: «За пару два гроша со Стефаном».[76] Уленшпигель сказал: «А дешевле не будет?». Женщина ответила: «Нет». Тогда Уленшпигель поднял корзину вместе с курами и пошел к городским воротам. Женщина побежала за ним и спрашивает: «Покупатель, как это понимать? Вы что же, платить мне за кур не хотите?», Уленшпигель сказал: «С удовольствием. Я – секретарь аббатиссы». «Я не об этом спрашиваю, – сказала крестьянка, – если ты хочешь взять кур, тогда плати за них. Я ни с аббатом, ни с аббатиссой никакого дела иметь не хочу. Отец учил меня, чтобы я никогда не продавала и в долг не давала тем, перед кем должна кланяться или шапку ломать, и ничего не покупала у них. Поэтому плати за кур. Слышишь ты?».

Уленшпигель сказал: «Сударыня, ведь вот вы какая маловерка! Плохо пришлось бы странствующим монахам, ежели все торговцы стали бы такими. Однако, чтобы вам совершенно увериться в моей честности, возьмите в залог петуха, пока я вам корзину и деньги принесу».

Добрая женщина подумала, что теперь она обеспечена и взяла своего собственного петуха в залог. Но она обманулась, ибо Уленшпигель был таков и с курами, и с деньгами. С торговкой случилось то же, что с теми людьми, которые о каждой мелочи в своем деле пекутся, а случается так, что сами же первые обмишулятся. Так и

ушел Уленшпигель оттуда и оставил крестьянку гневаться на петуха, которого она в наказание за потерянных кур и прикончила.

XXXVII История рассказывает, как священник из верхнего Энгельсхейма[77] съел у Уленшпигеля колбасу, от которой ему потом стало худо

Уленшпигель был в Хильдесхейме и купил там в мясной лавке славную кровяную колбасу. А из Хильдесхейма пошел в Энгельсхейм, там он водил знакомство со священником. А это было в воскресенье утром. Когда Уленшпигель туда пришел, священник служил раннюю обедню, потому что хотел вовремя поесть.

Уленшпигель зашел в дом к священнику и попросил ключницу зажарить ему кровяную колбасу. Та согласилась. Тогда Уленшпигель пошел в церковь. Ранняя обедня уже кончилась, а позднюю начал уже другой пастырь. Уленшпигель остался ее послушать.

Тем временем первый священник пришел домой и говорит служанке: «Не приготовили ли вы чего-нибудь, чтобы я мог немного закусить?». Ключница говорит: «Я ничего еще не готовила, кроме кровяной колбасы, что принес Уленшпигель. Он ее будет есть, когда вернется из церкви». Священник говорит: «Давай ее сюда, я хочу съесть кусочек». Служанка подала ему колбасу. Священнику она так понравилась, что он ее целиком и сожрал, а потом говорит сам себе: «Господи благослови, как мне это вкусно показалось, хорошая колбаса была!». А потом говорит служанке: «Дай Уленшпигелю поесть капусты со шпиком, такому, как он, эта пища куда больше подойдет».

Когда обедня закончилась, Уленшпигель вернулся на двор к священнику и хотел поесть своей колбасы. «Добро пожаловать», – встретил его поп и поблагодарил за колбасу, сказал, до чего она ему понравилась, а Уленшпигелю предложил капусты со шпиком.

Уленшпигель промолчал и съел то, что было наварено, а в понедельник пошел прочь оттуда. Священник же сказал ему на дорогу: «Слышь, когда ты в другой раз к нам придешь, принеси с собой две

колбасы: одну для себя, а другую для меня. Что ты за них заплатишь, я тебе возвращу. Мы с тобой так хорошо наедимся, что у нас сало по сусалам потечет, все губы измажет».

Уленшпигель ответил: «Да, сударь, так оно и будет. Я про вас и про колбасу не забуду», и он снова отправился в Хильдесхейм.

В ту пору случилось, что на живодерню везли издохшую свинью, а это совпало с замыслом Уленшпигеля. Он попросил живодера, чтобы тот приготовил ему за деньги из этой падали две кровяных колбасы, и заплатил живодеру несколько серебряных пфеннигов.

Живодер согласился и сделал ему две красивых колбасы. Уленшпигель их взял, отварил до половины готовности, как это полагается, и в следующее воскресенье снова отправился в Энгельсхейм. А получилось так, что его знакомый священник опять служил раннюю обедню. Уленшпигель пришел к нему во двор, принес колбасу ключнице и попросил, чтобы она изжарила колбасы на завтрак: одна из колбас предназначена попу, а другая ему, Уленшпигелю. Служанка поставила колбасу на огонь и стала жарить.

Когда обедня кончилась, священник заметил в толпе Уленшпигеля, а потом пошел из церкви домой и сказал ключнице: «Уленшпигель здесь. Он принес колбасу?» Служанка отвечала: «Целых две самых лучших колбасы, какие мне доводилось видеть. Они обе скоро поджарятся». Тут ключница пошла, сняла одну колбасу с огня, и ей самой так колбасы захотелось, что слюнки потекли. Уселись они вдвоем со священником и стали так жадно поедать колбасу, что рты запачкали. Один посторонний видел и слышал, как поп сказал служанке: «Ах, милая служанка, гляди-ка, у тебя весь рот в пене». А служанка ему отвечает: «Ах, милый сударь, и у вас тоже».

Как раз в это время пришел Уленшпигель из церкви. Священник ему говорит: «Глянь, что ты за колбасу принес: мы с моей ключницей рты замарали».

Уленшпигель тут засмеялся. «Храни вас бог, – сказал он, – все идет, как вы хотели, как вы мне намедни сказали: я должен две колбасы принести. Вы еще прибавили, что будете ее есть так, что рот запачкаете. Я это пачкотней не считаю, пока плеваться не начнете, но предвижу, что скоро заплюетесь. Колбаса эта сделана из дохлой свиньи. Вот почему мне пришлось ее мясо дочиста с мылом помыть, от этого у вас пена на губах».

Услышав такое, служанка начала кулаками махать и через стол плевать, так же и священник. Он закричал: «Вон из моего дома, негодяй!» – и взялся за палку, хотел Уленшпигеля бить. А тот сказал: «Это благочестивому человеку не к лицу. Вы же велели мне принести колбасу и обе штуки съели, а теперь хотите меня бить. Оплатите мне их сначала, я уже не говорю о той, что вы съели в прошлый раз».

Священник осерчал, чуть не взбесился и говорит: «Сам ешь свою гнилую колбасу, которую ты из падали сделал, а ко мне в дом больше ее не носи». Уленшпигель сказал: «Я же ее вам насильно в рот не пихал. Я тоже ее есть не люблю и не желаю, а вот ту, что я первый раз принес, ту я люблю, а вы ее съели, за что я вам был не слишком-то благодарен. Если вы ту хорошую колбасу сожрали, так съешьте на закуску и плохую». И еще прибавил: «Приятного сна!».

XXXVIII История рассказывает, как Уленшпигель с помощью лживой исповеди уговорил священника из деревни Риссенбрюгге[78] отдать ему лошадь

В своем злокозненном озорстве Уленшпигель нимало не растерялся, когда в деревне Риссенбрюгге[1] пришлось ему иметь дело с Асенбургским[79] судом. А было так: в этой деревне тоже жил один священник, он держал весьма красивую ключницу и еще была у него красивая, маленькая, резвая лошадка. И ту и другую священник очень любил – столько же лошадь, как и служанку.

В те времена герцог Брауншвейгский бывал в Риссенбрюгге и через третьих лиц передал священнику, чтобы тот уступил ему лошадь. Герцог обещался вознаградить его так, что священник останется доволен. Но священник каждый раз отвечал князю отказом. Он-де не хочет лишаться лошади и еще, что князь не сможет отнять ее насильно, так как риссенбрюггский суд подчинен Брауншвейгскому городскому совету.[80]

Уленшпигель был наслышан об этом деле и в нем хорошо разобрался. Он сказал князю: «Милостивейший государь, что вы мне пожалуете, если я это дело улажу и добуду вам лошадь у риссенбрюггского попа?» – «Если ты это сделаешь, – сказал герцог, – я отдам тебе вот это платье, которое на мне», – а это был красный камзол из верблюжьей шерсти, затканный жемчугом.

Уленшпигель намотал это себе на ус и поехал из Вольфенбюттеля в деревню Риссенбрюгге, в дом к пастырю. В его доме Уленшпигеля хорошо знали, так как он с давних пор нередко навещал священника и был у него желанным гостем. В этот раз, пробыв здесь три дня, Уленшпигель притворился, что заболел, начал громко стонать и слег. Поп и его ключница очень этим огорчились, не знали, что им делать и как тут быть. Под конец Уленшпигелю стало так плохо, что хозяин

стал его просить и уговаривать исповедаться и причаститься святых даров. Уленшпигель же охотно к этому склонился. Тогда поп хотел сам исповедать больного и вопросить самым строгим образом о его прегрешениях и сказал: пусть Уленшпигель позаботится о своей душе, дабы господь простил ему грехи, ибо Уленшпигель в своей жизни чинил много злых шалостей. Уленшпигель же отвечал священнику расслабленным голосом, что не знает за собой никакой вины, кроме одной, в которой, однако, не осмеливается перед ним покаяться. Пусть пришлют к нему другого попа, он ему откроет свой грех, ибо если Уленшпигель исповедуется в нем этому священнику, то опасается прогневать пастыря.

Когда священник это услышал, то решил, что тут что-то важное скрывается, и захотел узнать в чем собака зарыта. Он сказал: «Уленшпигель, путь далек, я не смогу так быстро привести сюда другого попа. Ежели ты в это время умрешь, так мы оба перед богом виновны будем, что ты из-за этого опоздал покаяться. Открой мне свой грех – верно, он не так уж тяжел, – я отпущу тебе его. Что из того, если я разозлюсь? Я ведь должен хранить тайну исповеди».

Уленшпигель сказал: «Ну тогда я согласен исповедаться перед вами Мой грех не так уж велик. Мне только жаль, что вы осердитесь, потому что он вас огорчит».

Тогда священник еще больше раззадорился узнать, в чем тут дело, и сказал: ежели Уленшпигель что-либо украл у него или чем-то ему навредил или что там еще могло быть, пусть исповедуется ему, а пастырь отпустит его прегрешение и не станет на него сердиться.

«Ах, милый сударь, – сказал Уленшпигель, – я знаю, что вы на меня за это осердитесь, но я чувствую и опасаюсь, что скоро должен буду покинуть этот мир, Я должен вам все рассказать, дай бог, чтобы вы не прогневались. Милый сударь, я спал с вашей служанкой». Поп спросил, сколько раз это случалось. Уленшпигель сказал. «Всего только пять раз». А поп про себя решил: «Надо ей в отместку за это пять горячих отвесить», и отпустил поскорее Уленшпигелю грехи, и пошел к себе в горницу, позвал служанку и спросил, спала ли она с Уленшпигелем.

Ключница отвечала: «Нет, это ложь». Поп сказал: «Он ведь мне это на исповеди сказал, я ему верю». Она опять говорит: «Нет», а поп твердит: «Да», да как взял палку и побил ее до синяков.

Уленшпигель, лежа в кровати, смеялся и думал про себя: «Ну, игра хорошо началась, мне везет». Так провалялся он в постели весь день, а ночью набрался сил, утром встал с постели и говорит, что ему полегчало. Надо ему теперь отправляться в другую землю, пусть хозяин сочтет, много ли Уленшпигель ему задолжал за это время. Поп стал считать вместе с Уленшпигелем и был при этом так рассеян, что мысли его мешались, – взял деньги и не видел, что взял, был доволен, что гость решил от него убраться, точно так же и ключница, которой по милости Уленшпигеля достались побои.

Вот Уленшпигель собрался и хотел идти. «Сударь, – сказал он, – вам придется вспомнить, что вы тайну исповеди разгласили. Я пойду в Хальберштадт к епископу и донесу об этом». Тут поп позабыл всю свою досаду, когда услышал, что Уленшпигель хочет на него беду накликать, и стал всячески его убеждать, чтобы Уленшпигель молчал, – это все, мол. в запальчивости получилось, – обещал дать двадцать гульденов, только чтоб Уленшпигель не доносил на него. Уленшпигель отвечал: «Нет, я и за сто гульденов молчать не стану. Я пойду и доложу об этом, как оно и подобает». Тогда поп со слезами на глазах стал уговаривать девушку чтобы ока спросила у гостя, что он хочет, поп все ему отдаст без отказа.

В конце концов Уленшпигель сказал: если поп отдаст ему лошадь, он согласен молчать и не доносить, а ничего другого взамен лошади он не возьмет.

Поп очень любил свою лошадь. Он лучше бы все свои наличные Уленшпигелю отдал, только не лошадь. Однако пришлось, скрепя сердце, расстаться с лошадкой – беда заставила. А Уленшпигель поскакал на поповой лошадке к Вольфенбюттелю.

Когда он подъехал к плотине, герцог стоял на подъемном мосту и видел, что Уленшпигель едет к нему на лошади. Князь снял с себя расшитый камзол, обещанный Уленшпигелю, встал так, чтобы Уленшпигель его хорошо видел, и сказал: «Взгляни сюда, мой милый Уленшпигель, вот камзол, который я тебе обещал». Уленшпигель спешился и сказал: «Милостивейший государь, вот ваша лошадь».

Герцог его поблагодарил, и Уленшпигель должен был рассказать, как он заполучил у попа лошадь. Князь посмеялся и сделался весел и дал Уленшпигелю впридачу к камзолу другую лошадь.

А священник тужил о своей лошади и потому частенько колотил ключницу так сильно, что она под конец сбежала от него. Так у попа не осталось ни служанки, ни лошади.

XXXIX История рассказывает, как Уленшпигель нанялся к кузнецу и отнес его меха во двор

Уленшпигель пришел в Росток, что в земле Мекленбург, и нанялся работником к кузнецу. У этого кузнеца была поговорка – когда работник должен был раздувать меха, он говорил: «Хо-хо, поспешай с мехами!». Однажды Уленшпигель стоял и раздувал меха. Тут кузнец сказал ему грубо: «Хо-хо, поспешай за мной с мехами!» – с этими словами вышел во двор и там хотел помочиться, а Уленшпигель взвалил один из кузнечных мехов на плечи, поспешил за мастером и сказал: «Мастер, вот я притащил один мех, куда его деть? Сейчас пойду и другой принесу». Мастер оглянулся и говорит: «Милый мой, я совсем не то думал. Иди-ка, да положи его снова на место». Уленшпигель это исполнил и отнес мех на место. А мастер задумался, как отомстить Уленшпигелю за это, и порешил, что все последующие пять дней он будет вставать в полночь, будить работников и заставлять их работать.[81] Так он и сделал: в полночь поднял работников и послал их в кузницу работать. Сотоварищ Уленшпигеля ему и говорит: «Что это наш хозяин вздумал нас так рано будить? Раньше это у него в заводе не было».

Уленшпигель ему ответил: «Если хочешь, я его об этом спрошу». Работник сказал: «Давай спрашивай». Тогда Уленшпигель спросил: «Милый мастер, как это случилось, что вы нас так рано будите? Ведь на дворе еще полночь». А мастер ему в ответ: «Такой у меня обычай, что мои работники первые восемь дней должны спать лишь полночи». [82]

Уленшпигель смолчал, и его товарищ тоже не стал возражать.

На следующую ночь хозяин опять разбудил их. Товарищ Уленшпигеля пошел работать, а Уленшпигель взял свою постель и привязал ее себе за спину.

Когда железо докрасна раскалилось, он вскочил со своей лежанки, прибежал к наковальне и стал так молотить, что искры посыпались и в постель полетели. Кузнец ему сказал: «Гляди-ка, что ты делаешь!

Рехнулся ты, что ли? Почему постель не оставил там, где ей быть надлежит?». Уленшпигель ему сказал: «Мастер, не гневайтесь, у меня такой обычай, что я полночи лежу на постели, а другую половину она на мне лежит».

Мастер осерчал и сказал, чтобы он отнес постель откуда взял, а потом уже совершенно разгневанный велел Уленшпигелю: «Давай уходи из моего дома, хоть через крышу, негодник отъявленный!».

Уленшпигель ему сказал: «Слушаюсь», пошел к лежанке, сложил постель, откуда он ее взял, потом приставил лестницу, поднялся по ней на чердак, пробил в потолке дыру и вылез на крышу. После этого он втащил лестницу туда же, спустил ее на улицу и сам по ней слез на землю и был таков. Кузнец услышал, как вверху загрохотало, поспешил вместе со вторым подмастерьем к лежанке и тут увидел, что Уленшпигель крышу разломал и оттуда наружу вылез.

Хозяин стал еще злее, схватил кол и побежал за Уленшпигелем из дому, а подмастерье схватил хозяина и стал ему говорить: «Мастер, не надо так, дайте вам сказать… Уленшпигель ведь сделал не иначе как вы ему сказали. Вы велели, чтобы он из вашего дома убрался хоть через крышу, – он это сделал, как видите». Кузнец дал себя уговорить. А что ему оставалось еще делать? Уленшпигель ушел, а мастеру пришлось позвать кровельщика чинить крышу и на том успокоиться. Его подмастерье так сказал: «С таким компаньоном немного выиграешь. Кто Уленшпигеля не знает, пусть хоть разок поимеет с ним дело, вперед его хорошо знать будет».

40 История рассказывает, как Уленшпигель одному кузнецу сковал вместе молот и клещи

Дело было зимой, когда Уленшпигель ушел от кузнеца. Зима стояла холодная, и мороз был жестокий, к тому же все вздорожало, так что много подмастерьев оказались без работы. У Уленшпигеля не оставалось денег на расходы. Он все скитался, пока не пришел в одну деревню. Там тоже жил кузнец, он взял его себе в подмастерья. Уленшпигелю не очень-то хотелось оставаться в работниках у кузнеца, но голод и зима принудили его к этому. Он думал: «Терпи то, что можешь терпеть. До тех пор пока снег не растает, пока снова не будешь ступать по рыхлой земле, делай то, что кузнец велит».

Кузнец неохотно брал его к себе из-за того, что была дороговизна. Тогда Уленшпигель стал просить кузнеца, чтобы тот дал ему работу, а он будет делать все, что хозяин захочет, и есть будет, что дадут. А кузнец был скупой человек и подумал так: «Возьму его на испытание на 8 дней,[83] не объест он меня за это время».

На утро стали они в кузнице работать, и кузнец все понукал Уленшпигеля поспешать управляться с молотом и мехами до самого обеда, когда уже полдень настал. А у кузнеца во дворе было отхожее место. И когда они собирались к столу, взял кузнец и повел Уленшпигеля во двор к отхожему месту и здесь говорит ему: «Гляди-ка, ты сказал, что будешь есть все, что я дам тебе за работу. Вот этого никто есть не желает. Съешь все это». И пошел кузнец домой, и стал там обедать, а Уленшпигеля оставил у выгребной ямы. Уленшпигель же молчал и думал: «Это ты через край хватил. Видно, многим людям пришлось такое от тебя терпеть. Но за все воздастся тебе полной мерой. Чем же мне кузнецу отплатить? А за это отплатить надо, хотя бы зима была вдвое суровей».

В одиночку проработал Уленшпигель до самого вечера. Лишь тогда кузнец дал ему кое-что поесть, так как он целый день пропостился. Но в мозгу у работника засело то, что кузнец сказал ему у отхожего места. Когда же Уленшпигель собрался идти ко сну, кузнец

ему говорит: «Утром встанешь, пусть служанка тебе меха раздует, а ты начни ковать все, что ни есть. Еще гвоздей для подков нарежешь, покуда я встану».

Уленшпигель отправился спать, а когда поднялся, решил отплатить хозяину, хотя бы пришлось ему потом по колено в снегу скитаться.

Развел он жаркий огонь, взял клещи, опустил в ковш и сварил вместе, да еще два молота, да железный вертел впридачу, да засов. И взял чугун, где лежали подковные гвозди, высыпал их, обрезал у них шляпки и ссе шляпки вместе сковал, и все стерженьки вместе. А когда услышал, что кузнец встал, взял свой фартук и пошел прочь.

Кузнец приходит в кузницу и видит, что у гвоздей шляпки поотрублены, а молот, клещи и другие инструменты вместе. сварены. Тут кузнец разъярился и стал служанку кликать: куда работник девался? Служанка говорит: «Он из дверей вышел». Кузнец говорит: «Он ушел как мошенник. Знал бы я, где он есть, я бы его догнал и хорошую затрещину влепил». Служанка говорит: «Когда он вышел, он на двери что-то начертил, и рисунок этот выглядит как сова». Ибо Уленшпигель имел такое обыкновение: когда он что-нибудь вытворял там, где его не знали, он брал уголь или мел и рисовал сову и зеркало и писал сверху «Hic fuit»,[84] И это изобразил Уленшпигель тоже у кузнеца на двери.

Как только кузнец поутру вышел из дома, он нашел все, как сказала ему девушка. Так как кузнец не умел прочесть надпись, он пошел к священнику и попросил, чтобы тот с ним пошел и прочел на его дверях, что написано. Священник пошел с кузнецом к его двери и увидел рисунок и надпись. Тут он сказал кузнецу: «Это означает, что здесь побывал Уленшпигель». Священник об Уленшпигеле много слышал, что он за молодец, и побранил кузнеца, почему он не дал знать, что можно увидать Уленшпигеля. Кузнец разозлился на священника и сказал: «Как это я мог дать знать, о чем сам не мог знать? Он в моем доме побывал – это видно по моим инструментам, да раз уж он не вернется, мне с этого небольшая выгода». Взял кузнец метелку, стер все, что на двери было. «Не хочу, – говорит, – иметь на своей двери дурацкий герб!» Священник ушел, а кузнец так и остался ждать. Только Уленшпигель так и не вернулся.

41 История рассказывает, как уленшпигель кузнецу. его жене, работнику и служанке сказал правду

Уленшпигель прибыл в Висмар в праздничный день. Тут он увидел опрятную женщину, что стояла со служанкой перед кузницей. Это была Кузнецова жена. Уленшпигель остановился поблизости на ночлег. Ночью он обломал все четыре подковы с копыт своего коня и на другой день привел его к кузнецу. Как только он туда явился, все догадались, что это и есть Уленшпигель. Хозяйка со служанкой вышли на крыльцо, поглядеть на его выходки. А Уленшпигель спросил кузнеца, не подкует ли он ему лошадь. Кузнец согласился и был доволен, что может поговорить с Уленшпигелем.

Тут они стали беседовать, и кузнец сказал, что, если Уленшпигель скажет ему правду, которая взаправду будет истинной правдой, тогда он даст ему для лошади подкову. Уленшпигель сказал: «Если ты хочешь ковать без помех, нужны тебе угли, железо и мех». Кузнец сказал: «Вот это поистине правда!» – и дал ему подкову. Работник подковал ее и тут же, у столба, где подковывали лошадей, сказал Уленшпигелю, что, если он и про него сумеет сказать правдивое слово, тогда он тоже Уленшпигелю даст подкову. Уленшпигель согласился и сказал: «Все подмастерья кузнеца весь день корпят в поте лица, чтоб дело сделать до конца». Работник сказал: «Это верно» – и дал ему подкову.

Когда хозяйка со служанкой это увидели, протиснулись поближе, чтобы и им с Уленшпигелем поговорить, и сказали, что если он и им скажет правду, то и они дадут ему по подкове. Уленшпигель согласился и сказал хозяйке: «Когда хозяйка у ворот весь день глазеет на народ, немного у нее забот». Хозяйка сказала: «Клянусь, это так!». И дала ему подкову. Тут он сказал служанке: «Девчонка, когда будешь есть, остерегайся говядины, тогда не надо будет тебе ковырять в зубах и живот не заболит». Служанка сказала: «Э, спаси меня господь, вот это так истинная правда!» – и тоже дала ему подкову. Так Уленшпигель поехал прочь и конь его был славно подкован.

42 История[85] рассказывает, как Уленшпигель служил у сапожника и спросил его, на какой фасон ему выкройки гнать, а мастер сказал: «Гони большие и маленькие, как пастух за околицу стадо гонит», а Уленшпигель выкроил быков, коров, телят и козлов и тому подобное, испортив кожу

Вскоре после этого Уленшпигель нанялся к сапожнику. А сапожник больше любил слоняться по рынку, чем работать, и велел Уленшпигелю самому кроить кожу. Уленшпигель спросил: «А какие вам штуковины выкроить?».

Сапожник сказал: «Крои большие и маленькие, как пастух из деревни стадо гонит». «Хорошо», – говорит Уленшпигель. Сапожник ушел, а Уленшпигель стал кожу кроить и сделал свиней, быков, коров, овец, коз и козлов и всякую другую животину.

Под вечер пришел мастер домой, захотел посмотреть, что его работник сделал, и увидел, какие звери были из кожи скроены. Хозяин разгневался и говорит: «Ты что наделал? Ты зачем это кожу изрезал, без толку ее испортил?». Уленшпигель ему в ответ: «Милый мастер, я все сделал по вашему желанию».

Мастер сказал: «Врешь ты, я этого не хотел, чтобы ты кожу испортил, я тебе этого не приказывал». Уленшпигель сказал: «Мастер, зачем вам сердиться? Вы сказали, чтобы я выкройки гнал большие и маленькие, как пастух свое стадо за околицу гонит, – я так и сделал, это каждому видно».

Мастер тогда сказал: «Я не то думал. Я вот что хотел сказать: надо выкроить маленькие башмаки и большие и потом шить те и другие по

очереди».

Уленшпигель сказал: «Если бы вы мне это приказали, я бы с радостью так и сделал, и впредь охотно так сделаю».

На том хозяин с Уленшпигелем помирились и хозяин простил ему изрезанные кожи, поелику Уленшпигель ему обещался все делать по его желанию, как хозяин ему прикажет. После этого хозяин раскроил кожу на подошвы, положил перед Уленшпигелем и сказал: «Слушай хорошенько: тут и маленькие башмаки, и большие. Ты их шей вперемежку». – «Хорошо», – говорит Уленшпигель, и начал шить. А мастер подождал уходить из дома: он хотел последить за Уленшпигелем и посмотреть, что тот делать станет, ибо он уже смекнул, что слуга будет выполнять, как ему на словах сказано, только не так, как ему хозяином велено.

Уленшпигель взял маленькую выкройку и большую, да и сшил их вместе. Мастер только было хотел идти послоняться. Тут его зло взяло, когда он увидел, что Уленшпигель берет маленькую и большую выкройки и сшивает их вперемежку. Мастер сказал: «Ты мой верный слуга: все делаешь, как я тебе приказываю».

А Уленшпигель ему в ответ: «Кто делает, как ему велят, не схватит затрещины, как это с неслухами случается».

Мастер дальше говорит: «Да, мой милый слуга. Дело в том, что словами я так и сказал, а в мыслях имел совсем другое. Я хотел, чтобы ты сперва сшил пару маленьких сапожков, а потом пару больших. Ты же все. делаешь, как тебе сказано, да не как тебе в самом деле приказано». И сильно рассерженный хозяин забрал у него раскроенную кожу и сказал, на этот раз стараясь быть осмотрительней: «Гляди сюда. Вот тебе другая кожа. Крои все сапоги по одной колодке, вот по этой». Больше хозяин не стал раздумывать, так как ему надо было идти в другое место. Он пошел по своим делам, и отсутствовал почти целый час, и тут наконец вспомнил, что приказал своему слуге кроить сапоги по одной колодке. Мастер оставил все свои дела и опрометью бросился к дому. Уленшпигель тем временем взял кожу и всю ее раскроил по одной только левой колодке. Когда мастер пришел, он увидел, что Уленшпигель все сапоги выкроил на одну левую ногу, и сказал ему: «Как это у тебя не хватает правого сапога в каждой паре?». Уленшпигель ему ответил: «Ну если вам так хочется, я это живо сделаю, выкрою в пару к левым сапогам еще правые».

Мастер сказал: «Куда лучше кроить левые сапоги впридачу к правым, чем правые после левых. Ты взял для раскроя только одну колодку, так парная к ней зря что ли сделана?». Уленшпигель сказал: «Простите, мастер, вы ведь сами мне толковали, чтобы я кроил все сапоги по одной этой колодке».

Мастер сказал: «Я тебе столько толковал да растолковывал, что мне теперь осталось с тобой только на виселицу идти». И затем сказал, что Уленшпигель должен ему оплатить кожу, которую испортил. Уленшпигель сказал: «Скорняк сможет вам ее растянуть пошире». И с этими словами поднялся с места, вышел за дверь, добавив про себя: «Пусть я сюда больше не вернусь, все же я здесь разок побывал». И пошел оттудова прочь.

43 История рассказывает, как Уленшпигель налил одному крестьянину супа и сдобрил его вместо масла вонючим рыбьим жиром, подумав, что для мужика и так сойдет

Много озорства учинял Уленшпигель над сапожниками, и не в одном только этом месте, а в различных городах. Когда он покончил с рассказанной проделкой, то пришел в Штаден и нанялся там к одному сапожнику. В первый день, когда он начал работать, хозяин его отправился на рынок и купил там воз дров, пообещав крестьянину не только дать денег, но еще накормить супом. Он привел этого крестьянина домой, а тут никого не оказалось из домашних – жена и служанка ушли со двора. Один Уленшпигель сидел и шил сапоги.

Хозяину понадобилось снова идти на рынок, он и приказал Уленшпигелю взять, что найдется, и приготовить крестьянину суп, а все припасы для этого оставлены на кухне в шкафу.

Уленшпигель сказал: «Хорошо». Крестьянин сбросил с воза дрова и пошел в дом, а Уленшпигель нарезал ломтями хлеб, положил в кастрюлю, но нигде в шкафу не нашел жира. Тогда он взял банку с вонючим рыбьим жиром и налил его в суп. Крестьянин стал есть и чует, что суп воняет, но так как был сильно голоден, то съел все. В это время сапожник явился домой и спрашивает крестьянина, по вкусу ли ему пришелся суп. Крестьянин говорит, что суп ему показался всем хорош, а еще показалось, что суп попахивает ну точь-в-точь, как новые сапоги, смазанные ворванью, и с этими словами мужик пошел прочь из дому.

Сапожник тут стал смеяться и спрашивает Уленшпигеля, что такого он налил крестьянину в суп. «Вы мне сказали, – отвечал Уленшпигель, – чтобы я взял для супа, что в доме найдется. Так вот, я не мог найти никакого жира, кроме рыбьего, шарил, шарил в кухонном шкафу, а жира нигде нет. Вот я и взял, что под рукой было».

«Вот и ладно, – сказал сапожник, – для мужика и так сойдет».

44 История рассказывает, как один башмачник в Брауншвейг нашпиговал салом сапоги Уленшпигелю, за что Уленшпигель выбил у него в горнице оконные стекла

Жил в Брауншвейге на Угольном рынке один башмачник, он звался Кристофером. Уленшпигель пошел к нему отдать сапоги, чтобы их смазали жиром. Когда он пришел к башмачнику, то так ему сказал: «Мастер, мои сапоги просят жира. Можете вы их нашпиговать, чтобы мне к понедельнику получить?». Мастер сказал: «Да».

Уленшпигель на этом ушел, ни о чем не помышляя. А когда он удалился, сапожников подмастерье и говорит: «Мастер, это Уленшпигель, он над каждым озорует. Если бы вы ему велели то, что он вам велел, так он бы все сделал, да ничего не выполнил».

Мастер сказал: «А что он мне давеча велел?». Слуга ему в ответ: «Он велел вам сапоги *нашпиговать*, а имел в уме *смазать жиром*. Так вот: я бы их не мазал, я бы их нашпиговал салом, как жаркое шпигуют».

Мастер сказал: «Так и сделаю, как он нам велел». И взял сало, нарезал его кусочками и нашпиговал сапоги шпиговальной иглой, как жаркое.

В понедельник приходит Уленшпигель и спрашивает, готовы ли его сапоги. А мастер повесил их на стену. Он показал на них Уленшпигелю и сказал: «Вот они висят». Уленшпигель увидел, как его сапоги нашпигованы, засмеялся и сказал: «Вот толковый мастер! Вы все сделали так, как я сказал. Сколько я вам за работу должен?».

Мастер сказал: «Старый грош». Уленшпигель дал ему старый грош, взял свои нашпигованные сапоги и пошел из дома. Мастер с подмастерьем, смеясь, глядели ему вслед и рассуждали между собой, каково ему пришлось, когда они его же выходки собезьянничали.

Тем временем Уленшпигель саданул с размаха головой и плечом в оконное стекло, а так как комната находилась на первом этаже, он и

вылетел на улицу, а оттуда спросил башмачника: «Мастер, это что за сало, которым вы мои сапоги нашпиговали? Никак свиное? Так оно от свиньи или от борова?». Мастер с подмастерьем рты раскрыли от удивления, узрев, что это Уленшпигель лежит в окне, высадив головой и плечами добрую половину стекол, так что они в горницу посыпались. Мастер осерчал и сказал: «Если ты, разбойник, не прекратишь бесчинствовать, я тебя поленом по голове тресну».

Уленшпигель сказал: «Милый мастер, не гневайтесь, мне больно хочется знать, что это за сало было, которым вы мои башмаки нашпиговали, от свиньи или от борова». Мастер из себя вышел и сказал, чтобы Уленшпигель не смел бить стекло, которое еще уцелело. «Ну если вы не хотите мне сказать, что это было за сало, – сказал Уленшпигель, – придется идти и спросить у других». И с этими словами он выпрыгнул вон из окна.

Тогда мастер обратил свой гнев на работника и сказал ему: «Это ты дал мне совет, так теперь посоветуй, как сделать стекла опять целыми». Слуга промолчал. Опечаленный хозяин сказал: «Кто же кого тут переобезьянничал? Я всегда слышал, что, если кто-нибудь с мошенником свяжется, должен поскорее с ним порвать и прочь выпроводить. Если бы я так поступил, мои стекла целы бы остались». Пришлось работнику уйти от мастера, потому что башмачник хотел, чтобы подмастерье оплатил ему разбитые стекла, – ведь это он дал совет нашпиговать Уленшпигелевы сапоги салом.

45 История рассказывает, как Уленшпигель в Висмаре продал одному сапожнику вместо сала мерзлый навоз

Как-то раз в Висмаре, раскраивая кожу, Уленшпигель нанес большой убыток одному сапожнику. Он испортил много товара, так что добрый человек был глубоко огорчен. Уленшпигель узнал об этом и, когда опять пришел в Висмар, сказал тому самому сапожнику, которому навредил, что если помянутый мастер даст ему немного кожи и сала, что Уленшпигель поможет ему заключить выгодную торговую сделку, так что пострадавший с лихвой вернет свой убыток.

Сапожник на это сказал: «Тебе обойдется все дешево, а вот меня ты совсем разорил своей проделкой. Если теперь ты с барышом окажешься, обещай и со мной поделиться». На том они и расстались.

А было это в зимнюю пору, когда парашники нужники чистят. Уленшпигель пошел к ним и пообещал заплатить наличными, если они наполнят ему двенадцать бочек той самой материей, которую обыкновенно они сплавляли в воду. Парашники набили ему бочки только на четыре пальца не доверху и оставили стоять, пока оно накрепко не замерзло.

Тогда Уленшпигель забрал бочки, шесть из них залил до краев салом и плотно закрыл, а шесть бочек залил жиром, на котором жарят съестное, и тоже все плотно закупорил, а потом велел отвезти бочки на постоялый двор «У золотой звезды», где он проживал, а сам послал нарочного за сапожником. Когда последний явился, они открыли крышку с бочек, содержимое которых сапожнику очень понравилось. Оба ударили по рукам на том, что сапожник заплатит за весь товар Уленшпигелю 24 гульдена – 12 гульденов наличными, а остальные через год.

Уленшпигель взял деньги и поскорее убрался оттуда, так как боялся за то, чем все это кончится.

Сапожник забрал свой товар и был так доволен, будто ему возвратили долг или возместили убыток. Он позвал помощников, так как собрался на следующий день смазывать кожу жиром. Подмастерья

явились гуртом, потому как думали здесь набить угощением утробу, и с громкой песней, по своему обычаю, взялись за работу.

Как только они прикатили бочки к огню и те начали отогреваться, их содержимое обрело свой естественный запах. Тут один из работников сказал другому: «Сдается мне, что ты наклал в штаны». Мастер же сказал: «Кто-то из вас влез ногой в дерьмо. Оботрите башмаки, а то страх как дурно пахнет». Все осмотрели свои башмаки, но ничего не нашли и принялись выливать сало в котел и мазать им кожу. Чем глубже забирались они в бочку, тем отвратительнее воняло. В конце концов они разобрались, в чем тут дело, и оставили работу.

Мастер вместе с подмастерьями бросился искать Уленшпигеля, чтобы взять его под арест за причиненный урон, только Уленшпигель уже ушел с полученными деньгами и должен был прийти через год за оставшимися двенадцатью гульденами.

Так вот и пришлось сапожнику отвезти свои бочки в овраг, куда зарывали всякую падаль, и терпеть во второй раз убыток.

46 история рассказывает, как Уленшпигель в Эйнбеке был подмастерьем у пивовара и как вместо хмеля сварил пса по имени «Хмель»

Уленшпигель опять прилежно взялся за работу. В один прекрасный день, когда его проделка со сливами, которые он обгадил в Эйнбеке, уже позабылась,[86] он снова пришел в этот город и нанялся на работу к пивовару.[87] Случилось так, что его хозяин собрался идти на свадьбу и приказал Уленшпигелю, чтобы тот вдвоем со служанкой пока варил пиво, как сможет. На следующий день хозяин придет ему помогать. Уленшпигель же должен быть прежде всего прилежным и хорошо сварить хмель, чтобы пиво от этого крепче стало и его можно было продать.

Уленшпигель сказал: «Так и сделаю», мол, все выполнит как надо. На этом хозяин со своей хозяйкой ушли из дома, а Уленшпигель стал прилежно варить пиво, и служанка его наставляла, так как смыслила в этом больше, чем он. Когда подошло время варить хмель, служанка сказала: «Ах, голубчик, хмель, верно, ты и сам сваришь? Позволь мне на часок уйти, посмотреть, как танцуют». Уленшпигель сказал: «Иди», а сам подумал: «Если девушка уйдет со двора, можно будет озорничать, как захочется. Итак, какую штуку нам этому пивовару выкинуть?»…А у пивовара был большой пес по кличке «Хмель». Как только вода закипела, Уленшпигель схватил пса и бросил в котел и оставил вариться до тех пор, пока вся шерсть и кожа с него не слезли и мясо с костей не отстало.

Тем временем служанка решила, что хмель уже верно сварился и ей пора возвращаться. Она пошла домой, чтобы. помочь Уленшпигелю. «Взгляни, милый братец, – сказала она ему, – хмель уж верно готов, хватит варить-то». Когда они процедили пиво сквозь грохот и стали вычерпывать гущу, служанка сказала: «Да положил ли ты хмелю? У меня ничегошеньки в черпак не ловится». Уленшпигель ответил: «Найдешь его на дне». Служанка пошарила по дну и выудила

черпаком скелет и тут громко закричала: «Спаси меня господь, ты что туда бросил? Пусть твое пиво палач лакает!».

Уленшпигель сказал: «Что мне хозяин велел, то и бросил. Всего-навсего Хмеля, нашего пса». В это время пришел хозяин, изрядно выпивши, и спрашивает: «Вы что делаете, милые ребятушки, весело ли вам?». Служанка ответила: «Сама не знаю, какого дьявола мы делаем. Я ушла на полчасика на танцы посмотреть и велела нашему новому работнику за это время как следует хмель поварить. Так он взял и нашего пса Хмеля в котле разварил. Вот, можете его ребрами полюбоваться!».

Уленшпигель сказал: «Да, господин, вы мне так приказали. Разве ж это не сущее наказание: я делаю все, как мне велят, а нигде не могу заслужить благодарности. Любой другой пивовар был бы доволен, если бы его слуги вполовину выполняли его приказания».

На этом Уленшпигель откланялся и ушел оттуда, не снискав благодарности.

47 История рассказывает, как Уленшпигель нанялся к портному и шил под кадкой

Когда Уленшпигель пришел в Берлин, он нанялся там подмастерьем к портному. Однажды он сидел в мастерской, а хозяин ему сказал: «Парень, хочешь шить, так шей хорошо, шей так, чтобы шва не видно было». Уленшпигель сказал: «Хорошо», взял иглу и платье и со всем этим забрался под кадку и стал шить, держа шитье на коленях.

Портной поднялся с места, увидал это и сказал: «Ты что это делаешь? Вот нашел, чудной, верстак!». Уленшпигель ответил: «Мастер, вы сказали, я должен шить так, чтобы шва не видно было, – здесь его никто не увидит». Портной на это сказал: «Нет, милый мой слуга, ты это брось, больше не шей так-то. Шей так, чтобы людям видно было».

Так прошел день-другой, и вот однажды вечером портной устал, захотелось ему на боковую. А у него лежал еще серый крестьянский кафтан, наполовину недошитый. Он бросил кафтан Уленшпигелю и сказал: «Гляди сюда: доделай мне серого волка[88] как следует, а потом тоже ложись в постель».

Уленшпигель ему сказал: «Ладно, идите себе, я его сейчас как надо доделаю». Мастер пошел ко сну, ни о чем не думая, а Уленшпигель взял серый кафтан, разрезал его, сделал из кусков голову, как у волка, потом туловище и лапы и соединил все вместе стежками, так что вышло похоже на волка, а потом тоже пошел в постель.

Утром мастер встал, разбудил Уленшпигеля и увидел этого волка, что стоял в горнице. Портной удивился, но хорошо разобрал, что это чучело. В это время туда явился Уленшпигель, и портной его спрашивает: «Какого черта ты тут сделал?». Уленшпигель ему в ответ: «Волка, как вы мне велели». – «Я не такого волка имел в виду, а всего только серый крестьянский кафтан, я его „серым волком" назвал». Уленшпигель сказал: «Милый мастер, я же этого не знал. Если бы я

знал, что у вас на уме, я лучше бы кафтан сшил, чем волка». Мастер этим утешился, раз уж оно так случилось.

В один прекрасный день после этого мастер к вечеру утомился и захотелось ему лечь спать пораньше, только ему подумалось, что для работника слишком рано еще в постель идти. Лежал у него кафтан почти сшитый, только еще без рукавов. Портной взял кафтан, бросил его вместе с непришитыми рукавами Уленшпигелю и сказал: «Вот, прикинь-ка рукава к кафтану, а потом и в постель». Уленшпигель сказал в ответ: «Слушаюсь». Мастер пошел спать, а Уленшпигель повесил кафтан на гвоздь, зажег две свечи, поставил их справа и слева от кафтана, взял рукав и кинул его в кафтан. Потом перешел на другую сторону и другой рукав оттуда кинул. Когда свечи догорели, зажег он две новые свечи и кидал рукава з кафтан до самого утра.

Утром мастер встал с постели и пошел в мастерскую. Уленшпигель даже не обернулся на мастера и продолжал кидать рукава. Портной остановился, увидел это и говорит: «Что еще за фокусы ты тут, черт побери, вытворяешь?». Уленшпигель отвечал серьезно: «Это никакие не фокусы. Я всю ночь напролет стоял и бросал эти окаянные рукава на кафтан, только они пристать к нему никак не хотят. Было бы лучше, если б вы мне приказали ночью спать, ибо то, что вы мне приказали, это, знаете ли, потерянный труд!». Портной сказал: «Я что ли виноват? Почем я знал, что ты так мои слова истолкуешь? Я ведь совсем не то думал. Я хотел, чтобы ты рукава к кафтану пришил».

Уленшпигель тогда сказал: «Будь за это дьявол в ответе! У вас что, такой обычай, одно говорить, а другое думать? Как это у вас одно с другим клеится? Если бы я знал, что именно вы думаете, я бы живо рукава пришил и сам бы часок-другой поспал. А теперь вы можете день сидеть и шить, я хочу пойти лечь и соснуть».

Мастер сказал: «Нет, я тебя не для спанья нанимал», и они стали между собой ссориться, и мастер в сердцах упрекнул Уленшпигеля свечами, – мол, он должен оплатить свечи, которые израсходовал.

Тут Уленшпигель собрал свои вещи и отправился в дорогу.

48 История рассказывает, как Уленшпигель заставил трех подручных портного упасть со скамьи и сказал, что это их ветром сдуло

Целых две недели жил Уленшпигель в Бранденбурге на подворье возле рынка, а близко от него жил один портной. Он держал трех подмастерьев. Все трое сидели рядышком на скамье и шили. Когда Уленшпигель проходил мимо, они смеялись над ним или бросали в него лоскутки. Уленшпигель молчал и выжидал своего часа.

В один прекрасный день рынок был полон народа. Как раз накануне ночью Уленшпигель распилил чурбаки, на которых держалась скамья, но оставил чурбаки так и стоять под окнами на брусчатке.

Утром подмастерья положили доску на опоры, уселись на нее и стали шить. Но вот свинопас затрубил в рожок, чтобы каждый выгонял своих свиней на выпас, тут и портновские свиньи вышли со двора, и остановились под окнами, и стали чесаться о чурбаки, на которых лежала доска, а опоры от этого чуханья перевернулись, и три подмастерья кубарем скатились на мостовую. Уленшпигель следил за ними, и когда они упали, начал громко кричать: «Гляньте, гляньте, трех работников ветром сдуло!». Он кричал это так громко, что на весь рынок слышно было, а люди сбегались сюда и смеялись и насмешничали, а подмастерья стыдились, не зная, каким образом они попадали со скамьи. Только под конец обнаружили, что опоры-то были распилены, и догадались, что это им Уленшпигель подстроил.

Они подставили новые чурбаки и больше над ним уже не смеялись.

49 История рассказывает, как Уленшпигель написал всем портным в саксонских землях, что обучит их искусству, которое принесет счастье им и их детям

Уленшпигель объявил, что он созывает совет и съезд всех портных из вендских городов и земли Саксонии, а также из Гольштинии, Померании, из Штеттина и Мекленбурга. А еще из Любека, Гамбурга, Штральзунда, Висмара.

В своем письме Уленшпигель сулил им большую выгоду и просил явиться к нему – он будет в городе Ростоке. Он обучит их искусству, которое принесет им и их детям счастье на вечные времена, пока стоит мир.

Портные в городах, местечках и деревнях стали писать друг другу, что они думают на этот счет. Все они написали, что прибудут в этот город в одно время и там соберутся, и каждый из них желал узнать от другого, что это Уленшпигель хочет им рассказать или какому такому искусству обучить, о чем он так решительно их оповестил. И все они в одно время собрались в Ростоке, согласно своему обещанию, так что многие тамошние жители диву давались, что это портные здесь намерены делать.

Когда Уленшпигель услышал, что портные последовали его приглашению, он выждал, покуда они собрались все вместе. А портные обратились к Уленшпигелю и сказали, что вот они собрались и явились в Росток. согласно его письменному приглашению, в котором сказано, что он берется научить их искусству, какое принесет счастье им и их детям на все времена, пока свет стоит, и что они просят его споспешествовать им в этом, открыть и передать это искусство, а они отблагодарят его подарком.

Уленшпигель сказал: «Хорошо, соберитесь все вместе на лугу, чтобы каждый из вас мог это от меня услышать».

Оки все собрались на открытом месте, а Уленшпигель влез под самую крышу одного дома, выглянул из окна и сказал: «Почтенные мужи портняжного цеха, вы должны понять и усвоить, что если у вас имеются нитки, ножницы и аршин и еще игла и наперсток, то этих инструментов вполне достаточно для портняжного ремесла. *Для* вас не составит труда все это заполучить, что само собой разумеется, коли вы хотите заниматься этим делом. Но вот какое искусство вы переймете от меня и будете потом меня вспоминать: когда вы вдеваете нитку в иголку, не забудьте на другом конце завязать узелок, тогда нитка не выскользнет из ушка, – в противном случае вы впустую будете делать стежки».

Портные тут взглянули друг на друга и говорят: «Эту науку мы все и прежде хорошо знали и все присказки, что ты нам сказал». И спросили его, нет ли у него в запасе еще что-либо им сказать. Никто не хотел бы ездить на десять или двенадцать миль и посылать друг другу гонцов единственно ради его выдумок. Такое искусство, как он сказал, портным давно известно, уже более тысячи лет.

Уленшпигель на это ответил и сказал: «Тут нет никого, кто помнит, что было тысячу лет назад». И еще сказал: если им это не по нраву и им не за что его благодарить, то пусть и не благодарят. Каждый волен идти туда, откуда пришел. Портные развевались на него – те, кто пришли издалека, – хотели бы до него добраться, да не могли. Вот и разошлись в разные стороны. Одни из них были злы и бранились, совсем из себя выходили из-за того, что впустую проделали долгий путь, только ноги натрудили, а те, кто здесь со своими семьями жили, смеялись и насмешничали над другими, что те позволили так себя одурачить, и говорили, что тут они сами виноваты, зачем поверили городскому шуту и дураку и послушали его. Ведь они хорошо знали, что Уленшпигель за птица.

50 История рассказывает, как Уленшпигель бил шерсть в церковный праздник из-за того, что суконщик запретил ему отдыхать в понедельник[89]

Когда Уленшпигель пришел в Стендаль,[90] он нанялся служить к одному суконщику. В воскресенье мастер сказал ему: «Милый друг, вы, подмастерья, любите праздновать понедельник, но тех, кому нравится это правило, мне не нравится держать на работе. Подмастерье должен полную неделю работать».

Уленшпигель сказал: «Разумеется, мастер. Мне это больше всего по душе». И вот Уленшпигель встал наутро и стал бить шерсть, и во вторник также, и это суконщику очень понравилось. А на среду пришелся апостольский день, который им надо было праздновать. Уленшпигель притворился, будто он не знает, что это святой день, и стал трепать и бить шерсть так, что на всю улицу было слышно. Тогда мастер вылез из постели и говорит ему: «Прекрати, сегодня – святой день, нам весь день работать не полагается».

Уленшпигель сказал: «Милый мастер, вы же в воскресенье мне не сказали, что будет праздник, а сказали, что я должен полную неделю работать». Суконщик сказал: «Милый слуга, я совсем не то думал. Ты перестань шерсть бить-то. Что ты можешь за день заработать, я тебе сейчас же отдам».

Уленшпигель обрадовался этому и целый день отдыхал, а вечером сел вместе с хозяином ужинать. Тут суконщик ему сказал: «Ты хорошо бьешь шерсть, только надо ее бить немного повыше». Уленшпигель говорит: «Хорошо». Поднялся он рано утром, укрепил шерстобитный смычок вверху под стропилами, приставил туда лестницу и влез на нее. Потом устроил так, чтобы колотушка донизу ходила, до самой загородки, и поднимала шерсть из загородки до самого чердака. Уленшпигель бил так крепко, что шерсть вылетала и выше крыши

летела. Суконщик, еще лежа в постели, по стуку услышал, что работник неладно делает, поднялся и пошел посмотреть. Уленшпигель ему сказал: «Мастер, как вы думаете, теперь достаточно высоко?».

Мастер ответил: «Право, если бы ты влез на крышу, так еще выше поднялся б. Раз уж ты так бить вознамерился, на крыше было бы сподручнее, чем на лестнице стоять».

С этими словами мастер вышел из дому и направился в церковь. А Уленшпигель подождал, что скажет хозяин, потом взял смычок, поднялся на крышу и стал там бить шерсть. Мастер увидел это с улицы, вернулся поспешно и сказал: «Какого черта ты делаешь? Брось сейчас же! Разве бьют шерсть на крыше?». Уленшпигель сказал: «Что вы там говорите? Вы же сами сказали, что на крыше было бы лучше, чем на лестнице, потому как там еще выше балок». Суконщик сказал: «Хочешь шерсть бить, так бей, а хочешь дурака валять, так валяй – слезай с крыши и на… в загородке». С этим суконщик пошел в дом, а потом во двор, а Уленшпигель слез наконец с крыши и пошел посидеть в мастерскую, а там взял и наложил в загородке большую кучу. Суконщик пришел со двора, увидел, что Уленшпигель облегчился в загородке, и сказал: «Чтоб тебе никогда счастья не видеть! Ты как негодяй поступаешь». Уленшпигель сказал: «Мастер, я делаю только то, что вы мне приказывали. Вы сказали, чтобы я слез с крыши и наложил в загородке. За что же вы сердитесь? Я сделал, как вы мне велели».

Суконщик сказал: «Ты без приказа мне на голову нагадил. Возьми свое дерьмо, отнеси туда, где ему не обрадуются»… На это Уленшпигель сказал: «Слушаюсь». Положил дерьмо на камень и отнес в горницу, где обедают.

Суконщик тогда сказал: «Вынеси вон, мне его тут не надо!». Уленшпигель ему отвечает: «Я так и знал, что вы ему не обрадуетесь и никто ему тут не обрадуется. Да ведь я сделал так, как вы мне сказали». Тут суконщик из себя вышел, побежал в клеть за поленом, хотел запустить его Уленшпигелю в голову. Уленшпигель собрался уходить, говорит: «Нигде я не могу заслужить благодарность». Суконщик тем временем руку протянул, хотел полено взять, да все пальцы в навозе выпачкал. Стал он тут рукой трясти, побежал к колодцу, чтоб вымыть, а Уленшпигель тем временем совсем оттуда убрался.

51 История рассказывает, как Уленшпигель нанялся к скорняку и испортил воздух в доме для того, чтобы одна вонь вышибла другую

Однажды Уленшпигель пришел в Ашерслебен. Было этой зимой – время дороговизны и нужды, – и он подумал: «Что бы такое предпринять, чтобы как-нибудь перезимовать?». В работниках в городе никто не нуждался. Но там жил один скорняк, который принял бы в работники странствующего подмастерья, знающего его ремесло. И Уленшпигель подумал: «Что делать? На улице зима, к тому же все дорого. Надо перетерпеть сколько можешь, пока минует зимняя пора». И Уленшпигель нанялся к скорняку работником. Когда он, непривычный к этому запаху, сел за рабочий стол и начал шить мех, то сказал: «Тьфу, тьфу! Ты бел как мел и воняешь как дерьмо!». Скорняк сказал: «Тебе этот запах не по нутру, а пришел сюда сидеть. То, что это воняет, естественно, это от шерсти, которая у овцы на шкуре растет». Уленшпигель промолчал и подумал: «Клин клином вышибают» – и выпустил такой кислый дух, что мастер и его жена заткнули носы. Скорняк сказал: «Ты что делаешь? Если тебе охота дурной ветер выпустить, выйди из дому во двор и проветрись там, сколько тебе угодно». Уленшпигель говорит: «Для человека это куда естественнее и здоровее, чем вонь от овчины». Скорняк сказал: «Здорово не здорово, а хочешь проветриться, отправляйся на двор». Уленшпигель говорит: «Мастер, это напрасный труд. Эти ветры не любят холода, так как все время пребывают в тепле. Проверьте это и выпустите одного. Из тепла, откуда он вышел, он опять ударит вам в нос».

Скорняк молчал, он хорошо понял, что навязал себе на шею плута, и решил, что недолго будет его держать. Уленшпигель все сидел и шил, перхал, откашливался и сплевывал волосы изо рта. Скорняк наблюдал за ним и молчал до вечера, когда они стали ужинать. Тут мастер сказал Уленшпигелю: «Милый слуга, я хорошо вижу, что у тебя к этой работе душа не лежит. Думается мне, что ты и не настоящий

скорняцкий подмастерье. Это я заметил по тому, как ты себя ведешь. Может, ты недавно при этом деле, не привык к нему. Если бы ты среди таких кож проспал хотя бы четыре ночи, ты бы не морщил кос; и если бы не расспрашивал столько, тебе бы не было противно. Поэтому, мой дорогой, раз тебе не хочется оставаться здесь, так завтра можешь идти. Твоя лошадь ждет». Уленшпигель сказал: «Дорогой мастер, вы правильно сказали. Я недавно занимаюсь этим ремеслом. Но если только вы разрешите мне, чтоб я четыре ночи переспал в мастерской, чтоб я привык, тогда сами увидите, что я смогу сделать». Скорняк этому обрадовался, так как Уленшпигель умел хорошо шить и он ему нужен был.

52 История рассказывает, как Уленшпигель спал в меховых шкурах – просушенных и сырых, как ему велел скорняк

Скорняк довольный пошел со своей женой почивать. А Уленшпигель снял приготовленные шкурки с вешала. Он взял сухие, уже дубленые шкурки, взял сырые и все вместе отнес на чердак, залез в середину кучи и заснул до утра. Тут мастер встал и видит, что шкурки с вешала куда-то делись. Он бросился на чердак и хотел спросить Уленшпигеля, не знает ли он, где шкурки. Уленшпигеля он не нашел там. Но увидел, что шкурки сухие и сырые лежат вперемешку. Скорняк был крайне огорчен и плачущим голосом стал звать служанку и жену. От его крика Уленшпигель проснулся, высунулся из-под шкурок и сказал: «Милый мастер, что с вами случилось, что вы так громко зовете?». Скорняк удивился, не понимая, что там такое в ворохе меха и шкур, и спросил: «Где ты?». Уленшпигель сказал: «Я здесь». Мастер сказал: «Чтоб тебе в жизни счастья не видать. Это ты поснимал меха с вешала, сухие шкурки и мокрые от извести вместе свалил и все их погубил? Что за сумасбродство?». Уленшпигель сказал: «Мастер, как же вы за это сердитесь, когда я на шкурах всего одну ночь пролежал? Знать, вы еще больше разозлились бы, если бы я тут четыре ночи проспал, как вы давеча сказали, поскольку я к этой работе не привык». Скорняк сказал: «Ты врешь, негодяй! Я тебе не приказывал, чтобы ты носил на чердак готовые шкуры и сырые и в них спал!». И стал искать дубинку, чтобы его побить. Тем временем Уленшпигель стал спускаться с лестницы и хотел выбежать к дверям. Тут появились перед лестницей жена скорняка и служанка и пытались его задержать. Но он закричал с жаром: «Дайте мне идти за врачом, мой мастер упал и сломал себе ногу». Они пропустили его и побежали вверх по лестнице, а мастер в погоне за Уленшпигелем бежал вниз, споткнулся и сбил с ног жену и служанку, так что все трое полегли кучей малой. Уленшпигель оставил их и скрылся за дверью.

53 История рассказывает, как Уленшпигель в Берлине сшил одному скорняку волков вместо волчьих шуб

Хитрый народ эти швабы, и в тех местах, куда они первыми приходят за заработком и не находят его, другой человек совсем пропадает. Все же некоторые из них более привержены к пивному кувшину и попойке, чем к своей работе, по этой причине их мастерские часто пустуют.

Одно время жил в Берлине скорняк, уроженец Швабии. Он был искусен в своем ремесле, сметлив, к тому же богат и держал хорошую мастерскую, так как по роду своего ремесла общался с князьями, рыцарством, многими славными людьми и бюргерами. Случилось так, что государь этой земли решил устроить зимой большое празднество с турниром и охотой и разослал письменные приглашения своим рыцарям и другим господам. Поскольку никто из них не хотел отстать от других, то к праздничному дню заказали у названного мастера много волчьих шуб. Уленшпигель, узнав об этом, явился к нему и попросил дать ему работу. А мастер, который в это время нуждался в подручных, обрадовался его приходу и спросил, умеет ли он среди прочего хорошо шить «волка». Уленшпигель ответил, что да, в Саксонии его считают не последним в этом деле. Скорняк сказал: «Милый работник, ты пришел как раз во время, поступай ко мне, о плате мы легко сговоримся». Уленшпигель сказал: «Да, мастер, я считаю вас очень честным, а насчет меня вы сами убедитесь, когда увидите мою работу. Я только не работаю на глазах у других подмастерьев, я должен оставаться один, тогда я все делаю, как мне хочется и без стеснения».

Согласно такому желанию, хозяин отвел Уленшпигелю отдельную горницу, положил перед ним много волчьих шкур, уже выдубленных и готовых в раскрой, дал ему размеры отдельных шуб, больших и маленьких. И бот Уленшпигель принялся за работу, стал волчьи шкуры кроить, и сделал из них сплошь чучела волков, и набил их сеном, и сделал им ноги из палок, как будто они живые. Когда он все шкуры разрезал и смастерил из них волков, то сказал: «Мастер, волки готовы, есть еще какая-нибудь работа?». Мастер сказал: «Да, мой работник, ты шей их еще, сколько сможешь». И с этими словами он вошел в горницу, а здесь на полу лежали волки, большие и маленькие. Мастер увидел их и сказал: «Это что такое? Чтоб тебя лихорадка трясла! Какой огромный убыток ты мне причинил! Я велю, чтоб тебя схватили и наказали». Уленшпигель сказал: «Мастер, это и есть моя плата? А ведь я все сделал, как вы мне сказали. Ведь вы велели мне шить волка. Если бы вы сказали: „Сделай мне волчьи шубы", я бы их сделал. А если бы я знал, что за труд даже благодарности не заслужу, я бы не стал так усердствовать».

Так расстался Уленшпигель с Берлином, не оставив нигде о себе доброй славы, и направился в Лейпциг.

54 История рассказывает, как Уленшпигель в Лейпциге зашил живую кошку в заячью шкуру и продал ее в мешке скорнякам как живого зайца

Уленшпигель умел быстро придумать озорную штуку, как он хорошо доказал скорнякам в Лейпциге вечером на масленицу, когда скорняки собрались устроить празднество, иначе сказать, пирушку. *Для* этой цели им хотелось купить дичь. Уленшпигель узнал об этом и подумал: «В Берлине скорняк ничего не заплатил мне за работу, так пусть заплатят эти», – он пошел на свое подворье. Там у его хозяина была красивая толстая кошка. Уленшпигель спрятал ее к себе за пазуху и попросил повара дать ему заячью шкуру – он собрался выкинуть с ней препотешную штуку. Повар дал Уленшпигелю заячью шкуру, и он зашил в нее кошку, потом оделся в крестьянское платье и встал перед ратушей. А свою дичь он прятал под курткой, пока не забежал сюда один из скорняков. Уленшпигель спросил его, не желает ли он купить хорошего зайца, и дал ему заглянуть под куртку. Они сошлись в цене на том, что скорняк даст Уленшпигелю четыре серебряных гроша за зайца и шесть пфеннигов за старый мешок, в котором заяц сидел.

Скорняк отнес его в дом цехового старшины, где шумно и весело все мастера собрались, и рассказал, как он купил красивейшего живого зайца, какого он только видел за целый год. Все вокруг один за другим стали щупать зайца. Поскольку скорняки хотели приберечь зайца к масленнице, они пустили его бегать по огороженному лугу и привели охотничьих собак, чтоб над ним потешиться. И вот, когда скорняки собрались вместе, они пустили зайца бежать и собак за ним. Заяц не смог от них убежать, он прыгнул на дерево, закричал «мяу» и был бы рад оказаться опять дома. Как только скорняки это увидели, они закричали с жаром: «Собратья дорогие, сюда, сюда! Кто нас этой кошкой одурачил, убьем его!».

На этом дело и кончилось, потому как Уленшпигель снял крестьянскую одежду и изменил свой вид так, что они его не узнали.

55 История рассказывает, как Уленшпигель в Брауншвейге у одного дубильщика кипятил кожи, а в огонь подкладывал скамейки и стулья

После того как Уленшпигель подался из Лейпцига, он пришел в Брауншвейг к одному дубильщику, который готовил кожи для сапожников. А было это зимой, и Уленшпигель подумал: «Придется тебе перетерпеть эту зиму у дубильщика» – и нанялся к нему в подмастерья. Спустя восемь дней \ как Уленшпигель у него проработал, случилось, что хозяин собрался в гости на обед. В этот день Уленшпигель должен был один закончить выделку кожи. Дубильщик сказал Уленшпигелю: «Эти кожи – а их тут полный чан – ты кипяти до готовности». Уленшпигель сказал: «Ладно. А где дрова мне для этого взять?». Дубильщик сказал: «Что за вопрос? Если у меня в сарае не найдется дров, то в доме достаточно стульев, скамеек, чтоб товар проварить до готовности». Уленшпигель сказал: «Да, это хорошо было бы».

Дубильщик ушел в гости. Уленшпигель же подвесил котел над огнем, опустил туда кожи одну за другой и варил их до тех пор, что пальцами потяни – они разлезались на части. Так, разварив кожу, Уленшпигель разрубил на куски стулья и скамейки, все, сколько в доме было, набросал их в огонь под котел и еще больше разварил кожи. А после э^ого вытащил их из котла, сложил в кучу, вышел из дома и совсем ушел из города, отправившись странствовать.

Дубильщик, ни о чем не заботясь, пил весь день, а вечером мирно отправился спать. На утро захотелось ему посмотреть, как его подмастерье обработал кожу. Он встал и пошел в дубильню и нашел кожу, только она вся разлезлась, а вот скамеек и стульев он ни во дворе, ни в доме не нашел. Совсем безутешный хозяин пошел в спальню к своей жене и сказал: «Жена, страшно смотреть, что случилось! Я думаю, что наш новый работник – это был Уленшпигель, потому как он обыкновенно дословно делает так, как ему велят. Он

ушел, а перед тем все наши скамейки и стулья изрубил и сжег. А на этом огне всю кожу в клочья разварил». Жена заплакала и сказала: «Догони его как можно скорей и приведи сюда». Но мастер сказал: «Нет, я видеть его тут не желаю. Да пока я за ним пошлю, его и след простынет».

56 История рассказывает, как Уленшпигель в Любеке обманул сидельца, наливавшего вино, которому отдал кувшин с водой вместо кувшина вина[91]

Когда Уленшпигель прибыл в Любек, он вел себя с разумной осмотрительностью и никому не досаждал озорством, потому что в Любеке были очень строгие законы.

В ту пору в Любеке в винном погребе, принадлежавшем магистрату, служил один сиделец, наливавший вино. Этот винолий был очень гордый и надменный человек. Он воображал, что умнее его никого нет, и отваживался о себе говорить – и другим велел повторять, – что был бы рад посмотреть на такого человека, кто мог бы его обмануть и его, мудреца, одурачить. Из-за этого бахвальства многие горожане его и невзлюбили.

Как только Уленшпигель узнал о заносчивости сидельца, он уж больше не мог сдерживать свою страсть к озорным проделкам и подумал: «Придется тебе испытать, на что я способен». И он взял два кувшина, совершенно одинаковые, в один из них налил воды, а другой оставил пустым. Кувшин с водой он спрятал у себя под кафтаном, а пустой нес открыто. Потом пошел с кувшинами в винный погреб и попросил отмерить ему штоф вина. Кувшин с вином Уленшпигель тут же спрятал под кафтан, а тот, что был с водой, вынул и поставил на скамеечку, так что продавец ничего не заметил. Уленшпигель сказал: «Господин сиделец, что стоит штоф вина?» – «Десять пфеннигов», – ответил сиделец. Уленшпигель сказал: «Это слишком дорого. У меня всего только шесть пфеннигов. Не пойдет ли за шесть?». Винолий разгневался и сказал: «Ты что, хочешь моему хозяину сам цену на вино назначать? У нас продажа законная. А кому не нравится, пусть вино в господском погребе стоять оставит». Уленшпигель сказал: «Спасибо за науку. У меня только шесть пфеннигов, не хотите их брать, так

вылейте вино обратно». Винолий, обозлившись, взял кувшин – он думал, что это было вино, а это была вода – и вылил ее снова в бочку, в верхнее отверстие, и сказал: «Что ты за дурак: заставляешь себе вина налить, а платить тебе нечем».

Уленшпигель взял кувшин, отошел и сказал: «Никто не может быть так умен, хотя бы и винолий в винном погребе, чтобы его не мог провести дурак». С этим Уленшпигель ушел оттуда, унося под плащем кувшин с вином, а пустой кувшин, в котором прежде была вода, он нес открыто в руках.

57 История рассказывает, как Уленшпигеля в Любеке хотели повесить и как он быстро избавился от этого хитрой выходкой

Ламбрехт, сиделец, обдумал слова, сказанные Уленшпигелем при выходе из погреба. Он позвал стражника и поспешил за Уленшпигелем и догнал его на улице. Стражник схватил Уленшпигеля, и тут же при нем обнаружили два кувшина: один – пустой, а другой – в котором было вино. Ламбрехт со стражником назвали Уленшпигеля вором и повели в тюрьму.

На суде они заявляли, что Уленшпигель за свою проделку заслуживает виселицы, тогда как другие считали, что его выходка не более как легкое озорство, и говорили, что Ламбрехту следовало бы остеречься утверждать, будто его никто не сумеет обмануть. Но те, кто были злы на Уленшпигеля, настаивали, что это воровство и что он должен быть за это повешен. Так что приговор ему был вынесен: виселица.

Когда наступил день казни и Уленшпигеля должны были вывести повесить, волненье охватило весь город, Кто пеший, кто конный – все устремились на место казни, так что любекский магистрат встревожился, как бы они не отбили Уленшпигеля силой и не помогли ему избегнуть повешения.

Людям хотелось посмотреть, как встретит свой конец Уленшпигель, бывший в жизни таким необычайным человеком. Кое-кто думал, что он сведущ в чернокнижии и с его помощью выйдет сухим из воды, и многие ему этого желали.

Когда Уленшпигеля вывели, он держался совсем тихо и не говорив ни слова, так что все дивились на него и думали, что он впал в отчаяние. Так продолжалось до самой виселицы. Тут он открыл рот и потребовал к себе весь магистрат и смиренно попросил, чтобы они выполнили одно его желание. Он не станет просить о помиловании, не попросит ни денег себе, ни имущества, ни о том, чтобы дали ему срок исправиться и сделать еще что-то доброе. И не будет просить, чтобы его поминали в церкви и всегда раздавали милостыню на помин души, и не о вечной памяти просит, но о ничтожной вещи, какую ничего не стоит выполнить и которую главный магистрат города Любека легко может сделать, не затратив при этом ни пфеннига. Городские советники собрались все вместе и отошли в сторонку, чтобы посовещаться, и были рады выполнись его просьбу, коль скоро она не касалась вещей, о которых он заранее упомянул. Многие из советников весьма желали узнать, о чем он намерен просить, и сказали, что его желание будет выполнено, если только он не попросит ничего из тех пунктов, которые вначале были названы. Если Уленшпигель будет держаться этого условия, то магистрат выполнит его просьбу. Уленшпигель сказал; «Я не буду просить у вас ничего из пунктов, которые я перечислил. Но если вы согласны исполнить то, о чем я вас попрошу, то дайте мне руку». Это все они выполнили и поклялись ему устно и дав руки. Тогда Уленшпигель сказал: «Вы почтенные господа

города Любека, раз вы мне это обещали, я прошу вас и вот в чем моя просьба: когда я уж буду повешен, пусть Ламбрехт каждое утро три дня подряд приходит ко мне, Ламбрехт – первым, а живодер, что нужники чистит, – вторым, пусть оба они натощак целуют меня в задницу».

Все тут плюнули и сказали: «Это непристойная просьба». Уленшпигель сказал: «Я считаю почтенный магистрат города Любека столь честным, что он сдержит обещание, на чем мне подали руку и поручились устно».

Они стали советоваться, как им тут поступить, и было решено из милосердия и по другим привходящим соображениям отпустить его с миром. Итак, Уленшпигель уехал оттуда в Хельмштет и его больше не видели в Любеке.

58 История рассказывает, как Уленшпигель заказал Хельмштете большую сумку

Новое озорство выкинул Уленшпигель с сумкой в Хельмштете, где жил мастер сумочник. Уленшпигель пришел к нему и спросил, не сделает ли он ему большую красивую сумку. Сумочник сказал: «Сумею. Как велика она должна быть?». Уленшпигель сказал, чтобы он ее сделал побольше, гак как в то время носили большие сумки. Сумочник сделал Уленшпигелю большую сумку. Когда тот за ней пришел и увидел сумку, то сказал: «Сумка не достаточно велика. Это сумочка, не сумка. Ты сделай мне сумку, чтоб она большая была, я хорошо за нее заплачу». Сумочник сделал ему сумку из целой коровьей шкуры, настолько большую, что можно туда годовалого теленка запихать, какого взрослый человек в состоянии поднять. Но когда Уленшпигель пришел, сумка опять ему не понравилась и он сказал, что сумка все еще не достаточно велика. Если мастер сделает такую сумку, что она подойдет по размерам, Уленшпигель за нее заплатит два гульдена. Сумочник взял два гульдена и сделал ему сумку. Для этого он взял три бычьих шкуры, так что все вместе их можно было унести на носилках, а в каждую всыпать четверик зерна. Когда Уленшпигель пришел, он сказал: «Мастер, эта сумка довольно большая, но эта не та большущая, о которой я мечтал. Эту тоже не хочу. Она для меня еще маловата. Если бы мне сделали такую большую сумку, чтобы я мог взять из нее один пфенниг, а в ней всегда оставалось бы еще два, так что я никогда бы не жил без денег и никогда бы не мог разориться, вот ту я бы у вас купил и за нее заплатил. Эти сумки, которые вы мне сделали, – порожние сумки, они мне ни к чему. Мне нужна полная сумка, без нее я не могу на люди показаться».

И Уленшпигель ушел и оставил ему сумки, сказав: «Ты хорошую совершил сделку, можешь все сумки у себя удержать». И он оставил ему два гульдена, а сумочник изрезал кожи почитай на все десять.

59 История рассказывает, как Уленшпигель в Эрфурте обманул мясника на кусок мяса

Уленшпигель не мог расстаться со своим плутовством, и, когда он пришел в Эрфурт, студенты и горожане скоро его узнали.

Однажды он проходил по мясному ряду, где мясо на столах продают. Тут один мясник и говорит, чтобы он купил что-нибудь, что можно с собой домой взять. Уленшпигель у него спросил: «А что я могу с собой взять?». Мясник ответил: «Вырезку на жаркое». Уленшпигель сказал: «Хорошо», взял кусок вырезки за край и пошел с ней прочь. Мясник побежал вслед и говорит ему: «Нет, так не пойдет, ты должен за мясо заплатить». Уленшпигель сказал: «О деньгах вы мне ничего не сказали, вы только сказали, не возьму ли я что-нибудь, и потом указали на вырезку, – мол, это можно взять домой. Это могут и ваши соседи подтвердить как свидетели».

Другие мясники подошли к ним и по злобе сказали, что так дело и было. Они потому на соседа зло держали, что, как только покупатель подходил к их прилавку, этот мясник зазывал его к себе и у них отбивал. Вот почему они сейчас так подстроили, чтобы мясо досталось Уленшпигелю. Пока огорченный торговец бранился, Уленшпигель спрятал мясо под куртку и с ним ушел, оставив мясников улаживать свою ссору, как сумеют.

60 История рассказывает, как Уленшпигель в Эрфурте еще раз обманул мясника на кусок вырезки[92]

Через восемь дней Уленшпигель снова пришел в мясной ряд. Тот же самый мясник сказал Уленшпигелю в насмешку: «Поди сюда и возьми кусок вырезки». Уленшпигель сказал: «Хорошо» – и хотел ухватить кусок. Но мясник оказался проворным и живо пододвинул мясо к себе. Уленшпигель сказал: «Подождите, положите кусок на место, я за нега заплачу». Мясник опять выложил вырезку на прилавок. Уленшпигель тогда ему сказал: «Давайте договоримся так: если тебе мои слова по душе придутся, тогда вырезка будет моя». Мясник сказал: «Ты, может, скажешь слова, от которых мне никакого проку не будет. Ну уж если скажешь такие слова, что мне понравятся, можешь вырезку забрать себе». Уленшпигель сказал: «Я мяса пальцем не трону, если мои слова тебе не по вкусу будут». И продолжал: «Я вот что тебе скажу: „Будь здоров, брат кошелек, и давай плати людям". Как тебе это нравится? Это тебе по вкусу?». Мясник на это сказал: «Такие слова мне нравятся, они мне по вкусу». Уленшпигель сказал окружающим: «Дорогие друзья, вы хорошо это слышали, мясо, стало быть, мое!».

Итак, Уленшпигель взял мясо и пошел с ним прочь, сказав мяснику с насмешкой: «Вот я снова вырезку получил, как ты мне обещал».

61 История рассказывает, как Уленшпигель в Дрездене был подмастерьем у столяра и заслужил мало благодарности

Вскоре Уленшпигель подался из земли Гессен в Дрезден, что близ Богемского леса на Эльбе,[93] и представился подмастерьем столяра. Тут его нанял один столяр, который нуждался в работниках, так как его подмастерья отслужили свой срок и отправились странствовать. В городе как раз была свадьба, на которую мастер был приглашен. Он сказал Уленшпигелю: «Милый слуга, я должен идти на свадьбу, до конца дня не вернусь. Ты на свободе поработай усердно и точнехонько сложи эти четыре доски и закрепи клеем». Уленшпигель сказал: «Хорошо. А какие доски нужно склеить?». Мастер положил все нужные доски одну на другую и пошел вместе со своей женой на свадьбу.

А Уленшпигель, послушный слуга, который всегда старался выполнить работу не так, как положено, а шиворот-навыворот, начал с того, что пробуравил в трех или в четырех местах красивые, наборной работы, доски, предназначенные для стола или шкафа, которые его хозяин сложил в стопку, поставил их в козлы и заклинил вместе, сварил клей в большом котле и сунул туда доски. Потом отнес доски на чердак и выставил их в окно – чтобы клей пообсох на солнце – и спозаранку окончил работать.

Вечером мастер вернулся домой изрядно выпив и спросил Уленшпигеля, что он за день наработал. Уленшпигель сказал: «Мастер, я те четыре доски точнехокько вместе сложил и склеил, вот рано и зашабашил». Это понравилось мастеру, и он сказал своей жене: «Вот это настоящий работник, будь поласковее с ним. Я хочу его у себя надолго оставить» – и пошел спать.

Только утром мастер велел Уленшпигелю принести стол, который он собрал и склеил, и Уленшпигель принес с чердака свою работу. Когда мастер увидел, что плут испортил ему доски, он сказал:

«Парень, ты учился ли столярному ремеслу?». Уленшпигель ответил: «Почему ты так спрашиваешь?» – «Я спрашиваю потому, что ты мне хорошие доски совсем испортил». Уленшпигель сказал: «Милый мастер, я сделал все, как вы мне велели. Если доски испорчены, то это ваша вина». Мастер рассердился и сказал: «Озорник ты, шут проклятый, а потому убирайся из моей мастерской, не нужна мне твоя работа».

Итак, Уленшпигель ушел оттуда, заслужив мало благодарности за то, что делал все так, как ему приказывали.

62 История рассказывает, как Уленшпигель стал мастерить очки и ни в одной стране не мог получить работы

Во вражде и в раздоре были курфюрсты друг с другом, так как не было над ними римского императора или князя.

Тут случилось, что граф фон Супленбург[94] большинством курфюрстов был избран римским императором. Тогда было много таких, кто думали силой вторгнуться в государство. И тут этому вновь избранному императору пришлось шесть месяцев стоять перед Франкфуртом и выжидать, кто его отсюда попробует выбить. Поскольку с ним было так много и пешего и конного народу, Уленшпигель стал раздумывать, чем бы ему тут поживиться. «Сюда много понаехало чужих господ, они не оставят меня без милости. Если даже кто-нибудь из них не возьмет меня к себе *на* службу, так я обойдусь прекрасно». И он собрался в дорогу, куда направились господа из всех стран.

Случилось так, что по дороге во Франкфурт, в Веттерау близ Фридбурга, повстречался с Уленшпигелем трирский епископ,[95] едущий со своими людьми.

Так как Уленшпигель был чудно одет, епископ спросил его, кто он таков. Уленшпигель ответил и сказал: «Милостивейший государь, я мастерю очки и иду из Брабанта, там мне нечего было делать, вот я и странствую в поисках работы. С нашим ремеслом ничего не выручишь. Епископ сказал: «Я думаю, что твое ремесло день ото дня будет прибыльнее, так как люди день ото дня становятся все болезненней и теряют зоркость, а поэтому многие нуждаются в очках». Уленшпигель отвечал епископу и сказал так: «Да, милостивейший государь, ваша милость верно говорит, но есть одно, что наносит ущерб нашему ремеслу». Епископ сказал: «Что же это такое?». Уленшпигель ответил: «Если я вам должен это сказать, пусть ваша милость на меня за это не гневается». – «Нет, кет, – сказал епископ, – мы привычны все слышать от тебя и тебе подобных, говори свободно и не бойся». «Милостивейший государь, вот что подрывает наше

ремесло и внушает опасение, совсем его угробить, это то, что вы и другие высокие господа, папы, кардиналы, епископы, император, короли, князья, советники, правители, судьи во всех городах и весях (спаси их господь!), в нынешнее время смотрят сквозь пальцы на то, что законно или незаконно, и это порой зависит от денежных даяний. А вот о прежних временах пишут, что господа и князья, сколько их было, все имели обыкновение изучать право и читать юридические книги, вот почему з ту пору и не случалось никакого беззакония, и для этой цели у них было много очков, и наше ремесло процветало. Также и священники в те времена учились больше, чем в нынешнее, поэтому очки теперь у них выводятся. Ныне почерпнули они столько учености из книжек, которые покупают, что уже знают все наизусть, когда и что им в какое время надо делать, По этой причине и книги-то свои раскрывают не чаще, чем раз в месяц. Вот почему наше ремесло пришло в упадок и я рыскаю из одной страны в другую и нигде не могу сыскать себе работы. Эта вредная привычка, о которой я говорил, распространилась настолько, что крестьяне в деревне теперь ее переняли и смотрят сквозь пальцы».

Епископ понял текст без комментариев и сказал Уленшпигелю: «Следуй за нами во Франкфурт, мы дадим тебе наш герб и платье». Уленшпигель так и сделал и оставался в свите епископа все время, пока граф не утвердился в звании императора. После этого Уленшпигель снова отправился в Саксонию.

63 История рассказывает, как Уленшпигель в Хильдесхейме нанялся к одному купцу поваром и истопником и вел себя там как заядлый озорник

Направо по дороге, если идти от Сенного рынка, живет богатый купец. Он вышел как-то раз прогуляться перед воротами и хотел отправиться на свой огород. По пути на зеленом поле увидел он лежащего Уленшпигеля. Купец с ним поздоровался и спросил, что он за человек и каким ремеслом занимается. Уленшпигель ответил ему разумно, скрывая свое плутовство, что он прислуживает на кухне и сейчас не имеет места. Купец сказал ему: «Если ты будешь честно работать, я тебя сам найму, дам тебе новое платье и хорошее жалованье, потому что моя жена целыми днями воюет со мной из-за того, что ей приходится стряпать, и я думаю, что теперь она будет мне благодарна». Уленшпигель обещался служить ему верой и правдой. Тогда купец принял его к себе на службу и спросил, как его зовут. «Сударь, меня зовут Барто-Ло-Ме-Ус». Купец сказал: «Это длинное имя, его скоро не выговоришь. Лучше я тебя буду звать Доль». Уленшпигель сказал: «Ладно, милый хозяин, мне все равно, как меня звать будут». «Добро! – сказал купец. – Такой слуга как ты мне как раз и нужен. Поди, поди сюда. Пойдем со мной на огород, принесем домой овощей и жирных кур. Я пригласил на ближайшее воскресенье гостей и хочу их принять радушно». Уленшпигель пошел вместе с ним на огород, нарезал розмарин, которым он хотел нафаршировать кур на французский манер, а еще нескольких начинить луком, яйцами и разной зеленью. Потом они с хозяином пошли вместе домой. Когда хозяйка увидела диковинно одетого гостя, она спросила мужа, что это за малый и для чего муж его привел – уж не заботит ли его, что у них хлеб зачерствеет? Купец сказал: «Жена, будь довольна. Это будет твой собственный слуга: он – повар». Жена сказала: «Да, милый муж, он, верно, вкусные вещи умеет готовить?» – «Об этом не беспокойся, – сказал муж, – ты завтра увидишь, что он умеет», и позвал

Уленшпигеля: «Доль». Тот ответил: «Слушаю, хозяин». «Возьми мешок, пойдем в мясной ряд, купим вырезку для жаркого и другого мяса». Уленшпигель пошел с ним. Вот его хозяин купил мяса и вырезку для жаркого и говорит ему: «Доль, разделай вырезку завтра пораньше, да поставь жариться полегоньку, туда, где попрохладней, чтобы не подгорела. А остальное мясо тоже поставь заблаговременно, чтобы оно успело к столу свариться». Уленшпигель сказал: «Слушаюсь», поднялся вовремя, поставил мясо на огонь, а вырезку насадил на вертел и поставил в погреб между двумя бочонками эймбекского пива, где прохладней, чтобы не пригорела.

Тем временем купец, позвав городского писца и других добрых друзей в гости, пришел домой и захотел посмотреть, собираются ли приглашенные и готово ли уже угощение, и спросил об этом нового своего работника. Тот ответил: «Все готово, кроме только вырезки». – «Где же вырезка?» – спросил у него купец. «В погребе между двумя бочонками. Я не нашел в доме более прохладного места. Ведь вы велели в холодок ее поставить».

«А она у тебя что, уже готова?» – спросил купец. «Нет, – ответил Уленшпигель, – я не знал, когда вам ее надобно». Между тем гости собрались и купец рассказал им про своего нового слугу, как он вырезку вместо печки в погреб поставил. Гости посмеялись над этим и хорошо позабавились. Но хозяйка не могла забавляться даже ради гостей и сказала мужу, чтобы он уволил работника, она не хочет больше терпеть его в своем доме, она видит, что он заядлый плут.

Купец ей сказал: «Милая жена, успокойся, он понадобится мне в моей поездке в Гослар. А когда я вернусь, так он у меня попрыгает». С трудом удалось купцу убедить жену, чтобы она на этом успокоилась.

И вот, когда они вечером ели, пили и веселились, хозяин и говорит: «Доль, приготовь повозку и смажь ее. Завтра мы отправимся в Гослар.

Есть тут один священник, по имени Генрих Гаменштеде,[96] этот господин поедет с нами». Купец бросил Уленшпигелю шиллинг и говорит: «Пойди купи колесной мази да попроси хозяйку, пусть туда еще старого сала намешает».

Уленшпигель так и сделал. Когда же все пошли спать, обмазал этой смазкой всю повозку внутри и снаружи, а особенно густо сидения.

Рано утром купец и священник встали ото сна и велели Уленшпигелю запрягать лошадей. Тот выполнил приказание. Все уселись в повозку и уехали. Вдруг поп поднялся и сказал: «Что это, чума его возьми, тут все жиром обмазано? Я хотел было придержаться, чтобы меня меньше качало, да все руки перемарал!». Они велели Уленшпигелю остановить лошадь и сказали, что оба и спереди и сзади измазались. И сильно гневались на Уленшпигеля.

Между тем к ним подъехал крестьянин с возом соломы – он собирался везти ее на рынок. Они купили у него несколько связок, вытерли повозку и снова уселись. Купец сказал Уленшпигелю: «Ты – отпетый негодяй. Чтоб тебе никогда счастья не видеть. Езжай отсюда прямо на виселицу». Уленшпигель так и сделал.

Когда он очутился уже под виселицей, то остановился, выпряг лошадь. Купец ему говорит: «Ты что там затеял? Зачем остановился-то?». Уленшпигель ответил: «Вы велели мне ехать к виселице, вот мы и приехали. Я думал, мы здесь отдохнем».

Купец выглянул из повозки – а они как раз под виселицей стоят. Ну что им было делать? Посмеялись они его дурачеству. И купец сказал: «Запрягай опять, ты, мошенник, и езжай отсюда не оглядываясь».

Тогда Уленшпигель взял и вытащил из повозки болт, и, когда они отъехали оттуда на расстояние акра, повозка развалилась на две части. Задняя часть с крытым верхом встала на месте, а Уленшпигель на передке ехал да ехал себе. Поп с купцом кричали и бежали за ним вслед, так что языки на плечо высунули, пока его не догнали. Купец хотел Уленшпигеля избить до смерти, а поп помогал ему как мог.

Так вот закончили они свое путешествие и вернулись опять домой. Тут жена стала спрашивать хозяина, каково они съездили. «Было чему удивляться, – сказал купец, – однако вернулись все-таки». Он позвал Уленшпигеля и сказал: «Вот что, приятель, ночь оставайся здесь, ешь и пей вдоволь, а утром очисти мой дом, я не хочу тебя здесь терпеть. Ты – отъявленный плут, откуда бы ты ни взялся». Уленшпигель сказал: «Господи, боже милостивый, я все делаю так, как мне приказывают, а нигде еще не снискал благодарности. Ну если уж вам моя служба не нравится, так я завтра по вашему приказанию очищу дом и уйду на все четыре стороны».

«Вот-вот, так и сделай», – сказал ему купец.

На другой день купец поднялся и говорит Уленшпигелю: «Ешь и пей досыта и выматывайся отсюда. Я сейчас пойду в церковь, так вот чтобы я тебя больше не видел».

Уленшпигель смолчал. Но только купец со двора – Уленшпигель стал освобождать дом: стул, стол, скамью и все, что только он мог нести и тащить, он вынес на улицу, – воск, олово, медь, так что соседи только диву давались: что тут творится такое, что все добро выносят на улицу? Купец тоже об этом узнал. Он пришел скорехонько и говорит Уленшпигелю: «Ты, радивый слуга, что тут делаешь? Я тебя все еще тут вижу?» – «Да, сударь. Я хотел сперва ваше желание выполнить. Ведь вы приказали мне дом очистить, а потом уж уйти». И продолжал: «Подхватите рукой: эта бочка для меня тяжела, одному с ней не справиться». – «Оставь ее – сказал купец, – и иди отсюда ко всем чертям! Ведь это все поберечь стоит, а не в грязь бросать…» – «Ах, господи, боже мой! – сказал Уленшпигель. – Ну не удивительно ли? Я все делаю, как мне велят, и нигде не могу заслужить благодарности. Нет сомнения: я родился в несчастный час!»

И Уленшпигель убрался оттуда, оставив купца затаскивать обратно все, что он вытащил из дома. А соседи смеялись, глядя на это, и долго потом вспоминали.

64 История рассказывает, как Уленшпигель в Париже стал торговать лошадьми и как один француз вырвал напрочь хвост у его лошади

Забавную проделку учинил Уленшпигель с одним барышником в Висмаре,[97] что на море. Там постоянно бывал один барышник, который никогда не покупал лошадь, если прежде не подергает ее за хвост. Так он действовал и с лошадьми, которых не покупал, ибо у него тут была своя примета, будет ли лошадь жить. А примета была вот какая: если волос при этом лез у лошади из хвоста, он ее не покупал, ибо верил, что эта лошадь долго не протянет. Если же волос держался в хвосте у лошади крепко, то он ее покупал, так как у него было благое убеждение, что она проживает долго и у нее крепкое естество.

Это было в Висмаре притчей во языцех, и каждому приходилось с этим считаться. Прознал об этом Уленшпигель и подумал так: «Этого лошадника ты должен проучить, во что бы то ни стало, чтобы народ избавился от такого предрассудка».

Тут Уленшпигель мог добиться кое-чего с помощью черной магии. Он достал лошадь, устроил посредством черной магии все, как ему надобилось, и отправился с лошадью на рынок, и запросил за нее у людей дорогую цену, чтобы никто ее не купил, пока не появится тот самый торговец, что тянул лошадей за хвост. Ему Уленшпигель уступил лошадь по сходной цене. Купец сразу увидел, что лошадь красивая и стоит таких денег, и тоже приблизился к ней и хотел крепко дернуть за хвост. А Уленшпигель так устроил, что, как только он потянет лошадь за хвост, так хвост и останется у него в руках. Так и случилось, как будто бы он у лошади вырвал хвост. Покупатель стоял оробев, а Уленшпигель как закричит: «Проклятие этому злодею! Гляньте, горожане дорогие, как он над моей лошадью надругался и ее искалечил!». Горожане подошли и увидели, что купец держит в руке лошадиный хвост, а лошадь стоит без хвоста и купец в сильном

испуге. Тут горожане вмешались и настояли, чтобы он дал Уленшпигелю десять гульденов. А Уленшпигель сохранил свою лошадь, и отправился дальше, и заново всадил ей хвост. Зато купец после этого больше ни одной лошади за хвост не тянул.

65 История рассказывает, как Уленшпигель в Люнебурге крепко одурачил одного дудочника

Жил в Люнебурге один дудочник. Он был странствующим фокусником и шел б путь со своей магической палочкой. Однажды сидел он в пивной за кружкой пива. А Уленшпигель пришел сюда попировать и нашел здесь большую компанию. Тут дудочник пригласил Уленшпигеля к себе в гости, желая его одурачить, и говорит ему: «Приходи ко мне завтра к обеду и откушай со мной, если ты сможешь». Уленшпигель сказал: «Хорошо», не поняв сразу, что значат эти слова, взял на другой день и собрался к дудочнику в гости. Однако, когда он подошел к дому, дверь оказалась закрытой на все задвижки сверху и снизу и все окна и плотно закрыты. Уленшпигель прошелся несколько раз взад и вперед мимо дверей, пока не наступило послеобеденное время. Дверь оставалась на запоре. Тут Уленшпигель понял, что его надули. Тогда он ушел оттуда и молчал до следующего дня. На другой день Уленшпигель пришел к дудочнику на рынок и сказал ему: «Честный человек, вы всегда так поступаете? Гостей приглашаете, а сами уходите и дверь закрываете на все задвижки». Дудочник сказал: «Ты разве не слышал, *как* я тебя пригласил? Я сказал: «Приходи завтра к обеду и откушай со мной что-нибудь если сможешь. Так как ты нашел дверь запертой, значит не смог зайти в дом». Уленшпигель сказал: «Спасибо вам за это. Я такого еще не знал. Век живи, век учись». Дудочник посмеялся и сказал: «Я тебя не гоню. Иди сейчас туда, моя дверь открыта. На огне ты найдешь все – пареное и жареное. Иди вперед меня, я скоро приду тебе вслед. Ты будешь единственным гостем, я не хочу, кроме тебя, никого», Уленшпигель решил: «Это хорошо будет», и пошел в дом к дудочнику, и нашел все, как тот ему обещал: служанка поворачивала жаркое, а жена ходила и собирала на стол. Уленшпигель вошел в дом и сказал жене, чтобы она вместе со служанкой поскорей шли к хозяину. Ему-де подарили большого осетра, пусть женщины помогут отнести рыбу домой, а Уленшпигель берется пока поворачивать жаркое. Хозяйка сказала:

«Хорошо, дорогой Уленшпигель, я пойду со служанкой и скоро вернусь». Уленшпигель сказал: «Идите скорей». Жена и служанка пошли на рынок. Тут на дорогу вышел дудочник и спросил, зачем они прибежали. Они ответили: «Уленшпигель пришел и сказал, что ты получил в подарок большого осетра, которого надо помочь тебе отнести домой». Дудочник рассердился и сказал жене: «Что же ты не могла остаться дома? Он же не зря так сделал, тут кроется хитрость».

А Уленшпигель пока запер дверь в дом на все задвижки сверху и снизу и окна также. Так что, когда дудочник и его жена со служанкой вернулись домой, они нашли дверь запертой. Тут дудочник сказал своей жене: «Ну, ты видишь теперь, какого осетра получила?». И они стали стучать в дверь. Уленшпигель подошел к двери и сказал: «Перестаньте стучать, я никого не впущу. Здешний хозяин распорядился и обещал, что я тут один буду, он, кроме меня, никаких гостей не желает. Идите отсюда и приходите после обеда». Дудочник сказал: «Это правда, я так сказал, но не так думал. Ладно, пусть его ест, я ему за это отплачу другой хитростью». И он пошел вместе с женой и служанкой в соседний дом и стал ждать, пока Уленшпигель не уберется. А Уленшпигель приготовил полностью кушанья, отнес их на стол, наелся досыта, а остатки поставил опять на огонь. Словом, прохлаждался, сколько ему хотелось. Наконец, он отпер дверь и оставил ее открытой. А дудочник пришел со своими домашними и сказал: «Так порядочные люди не поступают, чтобы запереть дверь перед хозяином, который их же в гости пригласил, как это сделал ты, Уленшпигель». Тогда Уленшпигель сказал: «Разве мне надо было с кем-то другим делить то, с чем я должен был сам управляться? Если я был приглашен в гости, а хозяин кроме никого звать не хотел, а я взял бы да напустил к нему еще гостей, это, мне ясно, хозяину не понравилось бы». И с этими словами он вышел из дому. Дудочник только глядел ему вслед. «Ну, я тебе отплачу, каким бы отъявленным плутом ты ни был». Уленшпигель на это сказал: «Ладно, кто лучше штуку отмочит, пусть и зовется мастером». Тогда дудочник пошел к живодеру и сказал: «Есть тут один честный малый, по имени Уленшпигель. У него лошадь пала, надо ее вывезти», и он указал дом. Живодер хорошо знал дудочника в лицо и сказал: «Ладно» – он это сделает, и поехал на своей телеге, на которой вывозил падаль, ко двору, на который ему указал дудочник, и спросил Уленшпигеля.

Уленшпигель вышел на крыльцо и спрашивает, что ему надо. Живодер объяснил: к нему приходил дудочник и сказал, что у Уленшпигеля пала лошадь, просил ее вывезти, и еще живодер спросил, он ли зовется Уленшпигелем и так ли обстоит дело. Уленшпигель повернулся к нему спиной, спустил штаны и раздвинул ладонями ягодицы: «Взгляни-ка сюда и скажи дудочнику: „Если только Уленшпигель не сидит на этой улочке, так не знаю, в каком искать его переулочке"». Живодер разозлился, поехал на своей телеге к дому дудочника, оставил ее тут стоять, пошел и подал на дудочника жалобу, так что дудочник должен был выплатить живодеру X гульденов. А Уленшпигель оседлал свою лошадь и уехал из города.

66 История рассказывает, как старая крестьянка насмеялась над Уленшпигелем, когда он потерял свой кошелек

С давних пор жили в деревне Гердау,[98] что в земле Люнебург, старик со старухой. Эта чета лет пятьдесят состояла в браке, имела уже взрослых и женатых детей, которые сами себя обеспечивали.

Как раз тогда служил в этом приходе хитрый на выдумки поп, готовый во всякое время выпить и закусить. Этот поп так приучил своих прихожан, что каждый крестьянин по крайней мере раз в году должен был пригласить его в гости вместе с его служанкой и день или два их ублажать.

Эти старики уже много лет не устраивали застолья по случаю освящения церкви, крестин или гостьбы, где поп мог бы разгуляться. Это его огорчило, и он стал прикидывать в уме, как ему добиться, чтобы тот крестьянин устроил ему пирушку. Поп послал к старику своего человека и велел спросить, сколько лет он со своей женой уже состоит в законном браке. Крестьянин ответил священнику: «Дорогой господин священник, это было так давно, что я уже запамятовал». Священник ему отвечает: «Это очень опасное положение для спасения души, ибо если вы провели совместно пятьдесят лет, то принадлежность к брачному состоянию уже кончается, как принадлежность монаха к монастырю.[99] Переговори об этом со своей женой и снова приходи ко мне и сообщи об этом предмете, чтобы я помог своим советом спасению вашей души, так как я обязан печься о вас и всех моих духовных детях». Крестьянин так и сделал – стал со своей женой считать да прикидывать, и все же они не могли указать наверное, сколько лет состоят они в браке, и оба пришли к священнику очень озабоченные, прося помочь им, недостойным, в этом деле. Священник сказал: «Так как вы не знаете точного числа лет, то, заботясь о спасении вашей души, я хочу в ближайшее воскресенье вновь сочетать вас друг с другом так, что, если вы уже не состоите в

законном браке, вы вновь вступите в него. И потому зарежь хорошего быка, овцу, свинью, пригласи своих детей и добрых друзей к столу и сделай это радушно, тогда и я приду к вам».

«Ах, конечно, господин священник, сделайте так, а за нами дело не станет, дюжин пять кур мы выставим. Если мы столько лет вместе прожили, да вдруг оказались бы вне законного брака, это было б совсем негоже». Крестьянин пошел домой и стал готовиться к церемонии Священник пригласил к такому столу несколько прелатов и попов, с которыми знался. Среди них был пробст из Эбсдорфа[100] который всегда держал одну-две добрых лошади и был охоч посидеть за угощением. Уленшпигель некоторое время находился у него. Вот пробст и говорит Уленшпигелю: «Садись на моего жеребца и поезжай со мной. Ты там будешь желанным гостем». Уленшпигель так и сделал. Когда они приехали на место, ели, пили, веселились, а старая хозяйка в качестве невесты сидела во главе стола, там, где невестам сидеть положено. Она утомилась и почувствовала слабость и ее отпустили из-за стола, и вот она пошла и позадь своего двора вышла к реке Гердау и опустила ноги в воду. Тем временем пробст с Уленшпигелем отправились верхом домой в Эбсдорф. Уленшпигель приветствовал невесту, заставляя своего жеребца проделывать красивые прыжки, причем так ретиво, что от этой скачки потерял пояс и кошелек, висевший у него на боку, как в то время носили. Когда добрая старушка это увидела, она встала, подняла кошелек и, вернувшись к реке, на него села. Когда Уленшпигель отъехал на расстояние акра, он хватился перво-наперво своего кошелька, и поскакал скорей обратно в Гердау, и спросил старую славную крестьянку, не нашла ли она или не подняла ли старый, корявый кошель? Старушка сказала: «Да, дружок, ко дню своей свадьбы я получила старый, корявый кошель, он у меня и сейчас есть, я на нем сижу. Ты о нем, что ли, спрашиваешь?» – «Ого! – сказал Уленшпигель, – С той поры, как ты была невестой, столько времени прошло, что твой кошель наверняка заржавел от старости. Не надо мне твоего старого кошелька».

Так оно и вышло: как ни был Уленшпигель плутоват и хитер, а старуха-крестьянка одурачила его и пришлось ему лишиться своего подержанного кошелька. Этот корявый невестин кошель и сейчас еще находится у женщин Гердау. Я думаю, что старые вдовы хранят его там. Тот, кому это интересно, может о нем справиться.

67 История рассказывает, как Уленшпигель обманул в Ульцене одного крестьянина на куске зеленого сукна, уговорив его, что оно синее[101]

Уленшпигель во всякое время готов был есть жареное и пареное, поэтому ему приводилось высматривать, где бы все это раздобыть. Однажды попал он на ярмарку в Ульцене, куда в ту пору сходилось много вендов[102] и другого крестьянского люда. Уленшпигель потолкался там и сям, выискивая всюду, чем бы ему заняться или что бы такое учинить. Среди прочего он заметил, как один крестьянин купил зеленое лондонское сукно и собирается с ним домой. Тут Уленшпигель придумал наконец, как он может обмануть этого крестьянина на куске сукна, и спросил его, из какой он деревни. Потом позвал к себе одного шотландского попа[103] и какого-то шалопая подмастерья, вышел с ними из города на дорогу, по которой крестьянин должен был держать путь, открыл этим двум свой замысел и что они должны делать. Пусть оба идут по направлению к городу и держатся на расстоянии половины акра друг от друга. Как только появится крестьянин с зеленым сукном, им надо его уговорить, что сукно синее.

Итак, крестьянин вышел с покупкой из города, чтобы отнести сукно домой. Уленшпигель его спрашивает, где это он купил такое красивое синее сукно. Крестьянин ему отвечал и сказал так: «Оно зеленое, а не синее». Уленшпигель же сказал, что оно синее, а не зеленое и что он готов прозакладывать двадцать гульденов, что эта так. И пусть первый человек, который попадется навстречу и может отличить зеленое от синего, скажет им правду, чтобы они на этом и согласились. Тут Уленшпигель подал знак одному сообщнику подойти к ним. А крестьянин ему говорит: «Приятель, мы тут вдвоем поспорили, какого цвета это сукно. Скажи правду, оно зеленое или синее, и как ты скажешь, так и будет». Тот взял и сказал: «Это поистине красивое синее сукно».

Крестьянин сказал: «Нет, вы оба мошенники. Вы верно между собой договорились меня обмануть». Тогда Уленшпигель сказал: «Ладно, чтобы ты видел, что моя правда, на этот раз тебе уступлю. Подождем почтенного священника, который идет сюда. Как он скажет, так оно и будет, неважно, обрадует это меня или огорчит».

Это крестьянину понравилось. Когда поп подошел к ним поближе, Уленшпигель сказал: «Сударь, скажите по правде, какого цвета это сукно?». Поп сказал: «Друг, вы это сами хорошо видите». Крестьянин сказал: «Да, сударь, но вот эти двое хотели меня уверить в том, о чем я знаю, что это неправда». Поп сказал ему: «Что мне за дело до вашей ссоры? Не все ли равно – белое оно или черное?» – «Ах, дорогой сударь, – сказал крестьянин, – рассудите нас, я вас очень прошу». – «Ну, раз уж вам так этого хочется, – сказал поп, – то я ничего другого сказать не могу, как только то, что сукно синее». – «Теперь ты слышал?» – сказал Уленшпигель – сукно мое». Крестьянин сказал: «Поистине, сударь, не будь вы в сане священника, я подумал бы, что бы лжете и что вы все трое – мошенники. Но так как вы священник, я обязан этому верить». И он отдал Уленшпигелю и его товарищам сукно, в которое они оделись на зиму, а крестьянину пришлось ходить в своем рваном кафтане.

68 История рассказывает, как Уленшпигель в Ганновере опростался в бане, считая, что это дом очищения

Владелец ганноверских бань, что у Полотнянных ворот, никак не соглашался называть их банями, а звал «домом очищения».

Уленшпигель узнал об этом и когда пришел в Ганновер, то отправился в эти бани, разделся и, войдя в мыльную, сказал: «Господи благослови вас, хозяин, и ваших присных, и всех, кто обретается в этом чистом доме».

Банщику это понравилось, он сказал ему: «Добро пожаловать» – и прибавил: «Господин гость, вы верно говорили, это чистый дом. И это также дом очищения, а вовсе не баня. Ибо пыль – она и на солнце и на землю садится, есть в золе, есть и в песке».

Уленшпигель сказал: «Что это дом очищения – очевидно, ибо мы входим в него нечистыми, а выходим – чистыми». И с этими словами он наложил большую кучу в лохань посреди мыльни, так что на все помещение завоняло.

Тут банщик сказал: «Ну, теперь я хорошо вижу, что слова и дела не всегда совпадают. Твои слова мне по душе пришлись, а вот дела никуда не годятся. Слова хороши, а вот дела гнусно пахнут. Разве так должно делать в доме очищения?». Уленшпигель сказал: «Разве же это не дом очищения? Я полагал, что мне нужнее себя изнутри очистить, чем снаружи, иначе я бы сюда не пришел».

Банщик сказал: «Нутро очищать надо в кабинете задумчивости. Здесь дом, где отмывают пот, а ты превратил его в дом, где облегчают живот». Уленшпигель сказал: «А эта грязь разве не от людской плоти отстала? Чистить так чистить! Как снаружи, так и внутри».

Банщик рассердился и сказал: «Люди облегчаются на задворках, а ты, чертов плут, можешь гадить на своей могиле. Я не стану этого за тобой убирать да отмывать». С этими словами банщик велит Уленшпигелю убираться из бани. Уленшпигель говорит: «Хозяин, позвольте же мне за мои деньги вымыться. Вы хотите хорошо заработать, а я хорошо искупаться». А хозяин велит ему идти прочь из

мыльни, не надобно ему уленшпигелевых денег. Коль он добром не хочет идти, ему живо на дверь укажут. Уленшпигель смекнул: «Плохое дело здесь голым с бритвенными ножами сражаться». И пошел вон из дверей, говоря: «Все-таки одну грязь я славно очистил», и вышел в горницу, где хозяин обычно обедал со своими домочадцами. А банщик взял и запер дверь, будто хочет его тут под арестом держать, пусть его испугается и потужит. А Уленшпигель тем временем решил, что в мыльне он недостаточно очистился. Увидел накрытый стол, поднял скатерть, наложил там горку и опять накрыл. Когда хозяин его отпер, они больше не ссорились. Уленшпигель только сказал: «Дорогой хозяин, теперь я, думаю, совсем очистился в вашем доме. Как станете за стол садиться, не поминайте лихом, а мне пора в путь-дорогу».

69 История рассказывает, как Уленшпигель в Бремене скупил у крестьянок молоко и слил его вместе

Диковинные и смешные проделки творил Уленшпигель в Бремене. Однажды пришел он на тамошний рынок и увидел, что крестьянки привозят на продажу много молока. После этого он дождался ближайшего базарного дня, когда сюда опять привезли много молока. Уленшпигель добыл большую кадку, уселся с ней на рынке, скупил все молоко, какое только там было, и велел целиком слить его в кадку. И кругом на кадке записал о каждой молочнице: «Этой столько-то, другой столько-то» и так далее. И сказал, чтобы они тут подождали, пока он не сольет вместе все молоко, тогда он каждой женщине оплатит ее долю.

Женщины кружком уселись на рынке, а Уленшпигель все закупал молоко, пока его кадка не оказалась почти полной, а с молоком уже никто больше не появлялся на рынке. Тут Уленшпигель пришел к ним и сказал: «В этот раз у меня нет денег. Кто не хочет подождать 14 дней, может взять свое молоко обратно из кадки» – и с этими словами ушел.

Крестьянки подняли шум и крик. У одной-де было столько-то молока, у другой столько-то, третья тоже не отстала и так далее, так что из-за этого женщины стали кидать друг другу в голову ведра, бутылки и фляжки, стали драться между собой, заливая глаза и одежду молоком, расплескивая его по земле, так что все это выглядело, будто с неба прошел молочный дождь. Горожане и все, кто это видел, смеялись над его шуткой, от того, что женщины в таком виде красовались на рынке, и очень хвалили Уленшпигеля за его озорную выдумку.

70 История рассказывает, как Уленшпигель дал двенадцати слепым двенадцать гульденов, и как они думали, что их израсходовали, и как от этого им напоследок не поздоровилось[104]

Меж тем как Уленшпигель рыскал вдоль и поперек по разным странам, случилось ему снова попасть в Ганновер,[105] и здесь он совершил много удивительных проделок.

Однажды выехал он за ворота вдоль поля прогуляться. Здесь повстречались ему двенадцать слепцов. Когда Уленшпигель с ними поравнялся, он спросил: «Откуда, вы, убогие?». Слепые остановились и, прислушавшись, разобрали, что он сидит на коне, и решили, что это почтенный человек, и сняли свои шапки и капюшоны, и сказали: «Милый сударь, мы были в городе, там один богач скончался, по нем служили панихиду и раздавали подаяние, только ужас, как холодно было». На это Уленшпигель сказал слепым: «Да, холод сильный. Боюсь, что вы до смерти замерзнете. Глядите, вот вам двенадцать гульденов. Идите снова в город на постоялый двор, откуда я выехал (и он назвал им, что это за дом), и расходуйте эти золотые за мое здоровье, до тех пор пока не пройдет зима. Так что вы, не боясь мороза, опять сможете странствовать». Слепые стояли и кланялись и благодарили его прилежно. Один слепой думал, что деньги у другого, а другой думал, что деньги у третьего, а третий считал, что деньги у четвертого, и так до последнего, который думал, что деньги у первого.

Итак, они пошли в город, на постоялый двор, который им указал Уленшпигель. Когда слепцы туда пришли, то все они вместе сказали, что им повстречался добрый человек верхом на лошади и дал им Христа ради 12 гульденов, чтобы они тратили их за его здоровье, пока не пройдет зима. Хозяин был падок на деньги и не позаботился

спросить и взглянуть, у кого из слепых эти двенадцать гульденов, и сказал: «Да, мои милые братья, я хорошо обойдусь с вами».

Начал он колоть да рубить и варить слепым и давал им в долг, пока не решил, что двенадцать гульденов уже прожиты, и тогда сказал: «Милые братья, давайте посчитаемся, двенадцать гульденов уже истрачены». «Давайте», – согласились слепые, и каждый сказал другому, чтобы тот, у кого эти двенадцать гульденов, достал золотые и уплатил хозяину. Но у одного не оказалось этих гульденов, у другого их тоже нет, нет у третьего, тоже у четвертого – и так от первого до последнего. Ни у кого не оказалось двенадцати гульденов. Так слепцы и сказали, почесали в затылках, поняли, что их обманули и хозяина тоже. Тот сел и думает: «Коли их теперь прогнать – один клин, ведь у них нет ничегошеньки». Загнал он их в хлев, настелил сена с соломой и запер там.

А Уленшпигель рассчитал, что уже время подошло слепым такую сумму истратить. Переоделся он и приехал в город, к тому самому хозяину на постоялый двор. Когда он въехал во двор и хотел свою лошадь привязать на конюшне, то увидел, что слепые лежат себе в свином хлеву. Пошел он в дом и говорит хозяину: «Господин хозяин, что это вы придумали – бедные слепые в свином хлеву лежат! Неужто вас не печалит, что они питаются тем, что их телу и жизни ущерб наносит?». Хозяин говорит на это: «Хотел бы я их в пучине морской видеть, если бы мог этим мои денежки вернуть». И рассказал, как было дело, как его вместе со слепыми обманули.

Уленшпигель говорит: «Как, господин хозяин, неужто они не могут найти себе поручителя?». Хозяин смекнул: «О, если бы найти такого!» – и говорит: «Друг, если бы я мог добыть верного поручителя, я бы доверился ему и отпустил злосчастных слепых». Уленшпигель сказал: «Добро, я обегаю весь город, чтобы добыть для вас поручителя».

После этого Уленшпигель пошел к священнику и говорит: «Мой дорогой господин священник, совершите истинно добрый поступок. Этой ночью в моего хозяина вселился бес. Он просит, чтобы вы этого беса выгнали молитвой». Священник говорит: «Приду охотно, только надо день-два подождать. С такими делами нельзя торопиться». Уленшпигель ему говорит: «Я пойду и пришлю его хозяйку. Вы это ей сами скажите». Священник говорит: «Ладно, пусть она придет». Тут

Уленшпигель снова пришел к хозяину и сказал: «Я вам достал поручителя, это наш священник. Он за них ручается и готов уплатить то, что вам следует. Пошлите вашу хозяйку со мной к нему, он это ей скажет». Хозяин был этому рад. Он послал свою жену вместе с Уленшпигелем к священнику. Тут Уленшпигель сказал: «Господин священник, здесь женщина, скажите ей сами то, что вы мне сказали и обещали». Священник говорит: «Да, добрая женщина, повремените день-два, я вам помогу в этом деле». Женщина говорит: «Хорошо» – и пошла с Уленшпигелем снова домой и говорит это своему хозяину. Хозяин обрадовался и отпустил слепых на волю. И Уленшпигель тоже пустился в путь и ушел оттуда.

На третий день пошла хозяйка просить у священника 12 гульденов, которые проели слепые. Священник говорит: «Добрая женщина, это ваш хозяин приказал вам так сказать?». Женщина говорит: «Да». Священник говорит: «Это такая особенность у злых духов, что они требуют денег». Женщина говорит: «Никакой это не злой дух, заплатите мужу за еду». Священник говорит: «Мне сказали, ваш муж одержим злым духом, пошлите беднягу ко мне, я помогу ему с божьей помощью». Женщина сказала: «Так-то все плуты врут, когда надо расплачиваться. Если мой муж одержим злым духом, так вы это сегодня почувствуете». Прибежала домой и рассказала своему мужу, что священник сказал. Хозяин схватил вертел да алебарду и пустился бежать во двор к священнику, а священник, как увидел его, стал звать соседей на помощь. Крестится и зовет: «Помогите, соседушки, видите – в этого человека бес вселился». Хозяин говорит: «Поп, опомнись и уплати!». А священник стоит и крестится. Хозяин хотел его оглоушить, а в это время мужики вступились и с большим трудом их растащили.

И с этих пор, пока священник был жив, хозяин все требовал с него уплаты за съеденные харчи, а священник отвечал, что он ему не только не должен, но еще готов оказать помощь против злого духа, коли в хозяина бес вселился.

И так продолжалось, доколе они оба жили.

71 История рассказывает, как Уленшпигель в Бремене готовил для своих гостей жаркое, которое никто не стал есть, потому что он прыскал маслом из задницы

Когда Уленшпигель учинил в Бремене сказанное озорство, он стал широко известен. Бременским бюргерам он так пришелся по душе, что они во всех забавах хотели водить с ним компанию, и Уленшпигель долго пробыл в этом городе.

Там тогда в обычае были сборища. В них принимали участие как тамошние жители, так и приезжие купцы. Они устраивали по очереди пирушки. Устроитель заранее оплачивал жаркое, сыр, хлеб, а тот, кто без особо важных причин на эту пирушку не являлся, был обязан по бременовским рыночным ценам оплатить хозяину выпивку. Уленшпигель являлся в их собрание, и они принимали его как потешника, так что он угощался вместе с ними. Когда все по кругу уже дали пирушку, дошел черед принимать гостей и до Уленшпигеля. Тогда он пригласил своих собутыльников к себе на подворье, купил для них кусок вырезки на жаркое и поставил на огонь.

Настало время пировать. Все друзья застольные собрались на рынке и стали советоваться, как им надлежит оказать Уленшпигелю честь своим посещением. Один у другого спрашивает, известно ли, варил Уленшпигель что-нибудь или нет, дабы не идти к нему попусту. И все согласились, что надо идти к нему сообща, лучше уж всем миром терпеть от него насмешки, чем поодиночке.

И вот, когда застольные друзья подошли к подворью, прямо к дверям, где жил Уленшпигель, он схватил кусок масла, пихнул его себе сзади в ложбинку, повернулся спиной к огню, выставил задницу над жарким и ну прыскать жаркое маслом из этакой леечки. И когда гости, явившись, стали в дверях и хотели поглядеть, сварил ли он что-нибудь для них, они увидели, как он стоит у огня и окропляет маслом жаркое.

Тут они вот что сказали: «Пусть к тебе дьявол ходит в гости, мы твое жаркое есть не станем!»

А Уленшпигель напомнил им о выпивке, которой они все его от души угостят, поскольку сами его жаркое есть не решились.

72 История рассказывает, как Уленшпигель б одном из городов Саксонии сеял камни, а когда его спросили, что он делает, сказал, что сеет плутов

В скором времени после этого, Уленшпигель пришел в один из городов на Везере[106] и увидел все торговые сделки между бюргерами, вник в их замыслы и расчеты, так что всячески ознакомился с бюргерами и с тем, что представляют собой их дела и торговля. Ведь он пробыл в этом городе 14 дней, и то, что он видел в одном доме, повторялось в другом, и он слышал и видел, чего прежде не знал. Уленшпигель горожанам надоел, и они ему также опостылели. Он собрал у реки маленькие камушки, стал расхаживать взад и вперед по улице мимо ратуши и бросать по обе стороны свои семена. Чужие люди подошли сюда и спрашивают, что он сеет. Уленшпигель отвечал: «Я сею плутов». Торговые люди сказали: «Плутов нечего тебе тут сеять, их и так тут хоть отбавляй». Уленшпигель сказал: «Это правда, только они здесь обитают в домах, надо их наружу вывести». Они сказали: «Почему ты здесь не посеешь праведных людей?». Уленшпигель ответил: «Праведные люди здесь не взойдут». Эти слова дошли до магистрата. За Уленшпигелем послали и приказали ему собрать свои семена и топать из города. Он так и сделал и пришел в другой город, лежащий на расстоянии десяти миль оттуда. Ему по душе было идти со своими семенами в Дитмаршен, но шумный слух о нем раньше него достиг города, и вот ему было предложено, что как только он появится в городе, то должен поклясться, что не будет ни есть ни пить, а пройдет через город и уйдет со своими семенами вон. Поскольку Уленшпигель не мог изменить это решение, он одолжил суденышко и хотел погрузить на него мешок с семенами и своими пожитками. Но как только мешок подняли с земли, он треснул

пополам, и остались семена да и мешок лежать. А Уленшпигель сбежал оттуда и должен еще вернуться.

73 История рассказывает, как Уленшпигель нанялся к одному цирюльнику и влез к мастеру в дом через окно

Однажды явился Уленшпигель в Гамбург и пошел на Хмелевой рынок,[107] остановился и стал глядеть по сторонам. Подошел к нему один цирюльник и спрашивает, откуда он сюда пришел. Уленшпигель отвечает: «Я пришел вон оттуда». Мастер его спрашивает: «Ты какого цеха подмастерье?». Уленшпигель говорит: «Я, коротко сказать, цирюльник». Мастер его и нанял. А этот самый мастер жил на Хмелевом рынке, как раз напротив того места, где они находились. И его дом стоял высокими окнами на улицу, там горницы были расположены. Вот мастер говорит Уленшпигелю: «Гляди, вот напротив дом с высокими окнами, иди прямо туда, я следом приду». Уленшпигель говорит: «Хорошо» – и пошел прямиком к дому, да сквозь высокие окна напролом, и говорит: «Бог на помощь, бог на помощь вашему ремеслу».

Жена цирюльника сидела дома и пряла. Она страсть как перепугалась и сказала: «Гляди-ка! Черт тебя, что ли, принес? Лезешь в окна, неужто двери для тебя недостаточно широки?».

Уленшпигель сказал: «Милая женщина, не сердитесь. Ваш хозяин мне так велел. Он меня нанял в подмастерья». Женщина сказала: «Вот уж действительно радивый слуга, который хозяину убытки приносит». Уленшпигель сказал: «Милая госпожа, разве работник не должен все делать, как ему мастер велит?».

В это время мастер пришел и увидел, что Уленшпигель натворил. Он сказал: «Почему ты, работник, в дверь не мог пройти и оставить мои окна целыми? Что за надобность тебе была, ко мне сквозь окно пожаловать?».

«Милый мастер, вы так мне велели. Мол, где высокие окна, туда я и должен идти, а сами хотели следом за мной отправиться. Я все так и сделал. Это вы следом за мной не пошли, хотя обещали».

Мастер ничего не сказал, потому что нуждался в работнике, а подумал про себя: «Если я свои дела поправлю, то рассчитаюсь с ним. Вычту из его заработка».

Итак, мастер оставил Уленшпигеля у себя на день, а может на три дня, и приказал ему наточить бритвы. Уленшпигель сказал: «Охотно сделаю». Мастер ему сказал: «Шлифуй, точи их тонко, как одну, так и другую сторону».

Уленшпигель сказал: «Хорошо» – и стал точить бритвы, как лезвие, так и тыльные стороны. Мастер пришел, хотел посмотреть, что он с ними сделал, и тут увидел, что у бритвенных ножей тупия были наточены, как лезвия. И те ножи, которые еще на оселке лежали, Уленшпигель точил точно так же.

«Что ты наделал? – закричал мастер. – Это же плохая вещь получится!» – «Чем же плохая? – сказал Уленшпигель. – Ведь вам не во вред, если я все так и сделаю, как вы мне велели?»

Мастер разгневался и сказал: «Злодей ты и плут проклятый, а поэтому я велю: прекрати сейчас же точить и убирайся туда, откуда пришел». – «Хорошо», – сказал Уленшпигель, пошел в горницу и выскочил, вон из окна, через которое он сюда пришел.

Мастер еще хуже разгневался, погнался за ним вместе со стражником, хотел поймать Уленшпигеля, чтобы он оплатил ему разбитое окно. Но Уленшпигель был проворен, он убежал на корабль и уехал из Гамбурга.

74 История рассказывает, как Уленшпигеля пригласила в гости женщина, у которой из носа висела сопля

В одно прекрасное время при дворе должно было быть празднество, и Уленшпигель собрался туда поехать. Но лошадь его захромала, и он отправился в путь пешком. Было очень жарко, и Уленшпигель почувствовал голод. По пути ему попадалась маленькая деревушка, но в ней не было трактира. Наступил полдень, когда он зашел в эту деревню, где его хорошо знали. Он вошел в один дом. Тут сидела хозяйка и делала сыр. В руках она держала большой ком творога. Она наклонилась над творогом, обе руки были у нее заняты, а из носа висела большая сопля. Уленшпигель поздоровался с ней и хорошо разглядел, что у нее из носа висит. Она это заметила, но не могла ни вытереть нос рукавом, ни высморкаться. Тут она ему сказала: «Милый Уленшпигель, зайдите, садитесь и подождите. Я дам вам хорошего, свежего масла». Но Уленшпигель повернулся и пошел вон из дверей. Женщина закричала: «Подождите, откушайте прежде чего-нибудь». Уленшпигель сказал: «Смотря по тому, куда упадет». Он побоялся, что упадет в творог, и пошел в другой дом, думая про себя: «Такого масла мне есть не захочется. А вот если у кого-нибудь найдется немного теста, оно может на соплях хорошо взойти».

75 История рассказывает, как Уленшпигель один съел пшенную кашу, потому что уронил туда возгрю из носа

Большую хитрость проделал Уленшпигель с одной крестьянкой, чтобы самому съесть пшенную кашу. Зашел он как-то в один дом, когда был голоден. Застал он там хозяйку, она была в доме одна, сидела у очага и варила кашу. Уленшпигелю так заманчиво ударило запахом в нос, что ему захотелось поесть этого варева и он спросил у хозяйки, не угостит ли она его кашей. Женщина сказала: «Да, мой милый Уленшпигель, охотно. Если бы мне пришлось даже своей доли лишиться, я бы ее там отдала, чтобы вы все съели». Уленшпигель сказал: «Милая моя сударыня, может так оно и будет, как вы говорите».

Женщина подала ему готовую кашу, она поставила на стол всю миску с пшенкой кашей, да еще хлеб.

Уленшпигель был голоден и стал есть, а хозяйка подошла и хотела есть вместе с ним, как крестьяне обычно делают. Уленшпигель тогда подумал: «Если она тоже подсядет, то скоро здесь ничего не останется». Взял и выкашлял большую возгрю и уронил ее в миску на кашу. Хозяйка вышла из себя и сказала: «Тьфу тебе! Жри, шельмец, эту кашу сам!». Уленшпигель сказал: «Милая сударыня, сперва вы сказали, что охотно лишились бы своей доли, чтобы я всю кашу съел, а теперь сами пришли, подсели и едите со мной, да так, что. пожалуй, в три глотка всю миску очистите!». Женщина сказала: «Чтобы тебе никогда счастья не видеть! Жалеешь мне мою же собственную пищу уделить, так как же ты меня своей угощать стал бы?».

Уленшпигель сказал: «Сударыня, я все сделал, как вы мне сами сказали». И он один съел пшенную кашу, вытер рот и ушел прочь.

76 История рассказывает, как Уленшпигель опростался в одном доме и пустил ветры через стену, где шла цеховая пирушка, и гости не могли этого выдержать

Бодро шел Уленшпигель по дорогам и вот пришел в Нюренберг и пробыл тут 14 дней. А рядом с подворьем, где он остановился, жил один благочестивый человек. Он был богат, охотно ходил в церковь и недолюбливал шутов и скоморохов. Если они находились в каком-то месте или заявлялись туда, так он оттуда уходил.

У этого самого человека было в обычае раз в год приглашать в гости соседей и угощать их радушно едой, вином и самолучшими напитками. А если у кого-то из приглашенных гостил кто-нибудь чужой – два, три приезжих купца, так он и их звал, они были у него желанными гостями. Вот подошло время, когда каждый с радостью принимает гостей.[108] Уленшпигель как раз находился в соседнем от того богача доме, он там на время остановился. А тот человек пригласил в гости своих соседей, как это было у него заведено, и их гостей тоже, кто там был из добропорядочных людей, но Уленшпигеля он не пригласил, он считал его фигляром, скоморохом, приглашать которых не имел в обычае.

И вот соседи отправились в гости, в дом к этому благочестивому человеку, вместе с приезжими, жившими в их домах, которых он тоже пригласил. Хозяин, у которого Уленшпигель стоял на подворье, тоже пошел туда со своими постояльцами, вместе с ним получившими приглашения в гости. А Уленшпигелю хозяин сказал, что богатый сосед не пригласил его к себе, потому что посчитал за фигляра. Уленшпигель удовольствовался объяснением и подумал: «Коли я фигляр, так покажу ему представление». Его раздосадовало, что этот человек так им пренебрегает. А дело было сразу после дня святого

Мартина, когда, значит, состоялась эта гостьба, и хозяин со своими гостями сидел в богато убранном покое, где он им устроил застолье.

А этот покой примыкал к стене, за которой и было жилище Уленшпигеля. Когда гости уже там собрались и были в самом лучшем расположении духа, Уленшпигель подошел и просверлил дыру в той стене, за которой сидели гости. Возле нее Уленшпигель наложил целую кучу своего дерьма, взял кузнечные меха и стал дуть в скважину, которую просверлил в соседний покой. И там завоняло так сильно, что никто не мог усидеть за столом. Один глядит на другого, думая, что это от него так пахнет, другой грешит на третьего. А Уленшпигель знай себе раздувает меха, так что гости с мест повставали и из-за вони совсем не могли тут оставаться. Стали искать под лавками, заглянули во все уголки – ничего не помогает. Никто не знает, откуда так немилосердно несет. Так что все разошлись восвояси. Тут и Уленшпигелев хозяин вернулся домой. Ему сделалось так худо, что вывернуло, и он отдал обратно все, что успел проглотить. Он рассказал, как в парадном покое скверно пахло, прямо человечьим дерьмом.

Уленшпигель стал смеяться и сказал: «Богач не хотел пригласить меня в гости и попотчевать своей едой. Я же к нему куда более милостив и щедр, чем он был ко мне. Я для него не жалею своей еды. Если бы я там был, не воняло бы так сильно». И он тотчас расплатился со своим хозяином и уехал оттуда, так как опасался, что это дело может выйти наружу.

А хозяин хорошо заметил по его словам, что Уленшпигель как-то замешан в эту историю, но не мог взять в толк, как он мог все подстроить, и это весьма удивляло его.

Когда Уленшпигель уехал из города, хозяин стал обыскивать дом и нашел эти меха – они все были загажены, – и нашел отверстие, просверленное в соседний дом через стенку. Он сразу наткнулся на это и позвал своих соседей взглянуть и рассказал им, как Уленшпигель эту шутку подстроил и что на прощание молвил.

Богатый человек сказал им: «Дорогой сосед, дураков и скоморохов в жизни не исправить, поэтому я их в своем доме никогда держать не стану. Из-за вашего дома эта пакость у меня учинилась. Поэтому я больше к вам ни ногой. Вашего постояльца я считаю шельмой и прочел это по оставленной надписи. Но уж лучше, что он

действовал из вашего, а не из моего дома. Возможно, что здесь он что-нибудь еще хуже устроил бы».

Уленшпигелев хозяин сказал: «Дорогой сосед, вы не раз слышали, и так оно и есть: "Перед плутом две свечи зажигай", и так мне приходилось делать, ведь мне приходится всевозможный люд у себя держать. Плута надо принимать, как самого лучшего из постояльцев, какой только может явиться».

На этом они и разошлись в разные стороны.

А Уленшпигель был таков и больше туда не вернулся.

77 История рассказывает, как Уленшпигель в Эйслебене напугал хозяина постоялого двора волком, которого этот хозяин похвалялся поймать

Жил в Эйслебене один человек, владелец постоялого двора. Он был насмешлив, держался заносчиво и тешил себя мыслью, что он большая персона. Однажды Уленшпигель пришел к нему на подворье, а дело было зимой, когда лежал глубокий снег. Еще пришли туда три купца из Саксонии, они направлялись в Нюренберг и попросились на ночлег уже совсем поздним вечером.

Хозяин постоялого двора был невоздержан на язык. Он кое-как поздоровался с этими тремя гостями и спросил, за каким чертом они столько шлялись, что пришли ночевать так поздно?

Купцы отвечали: «Господин хозяин, вам не след на нас так нападать. С нами вот какое приключение по дороге случилось: волк много хлопот доставил, он напал на нас в лесу. Пришлось с ним схватиться, и это нас по сию пору задержало».

Когда хозяин это услышал, он напустился на них с насмешками, стыдил и срамил за то, что они промешкали в пути из-за волка. Вот если бы он странствовал в одиночку и ему в лесу встретились целых два волка, он бы их одолел и убил безо всякого страха. А купцы одного волка испугались, при том, что их было трое.

И весь вечер хозяин стыдил этих купцов, пока они не пошли спать. Уленшпигель сидел тут же и слышал его насмешки.

Когда все отправились в постель, Уленшпигель оказался в одной горнице с купцами. Купцы начали между собой рядить, как бы им поквитаться с хозяином и как бы ему рот заткнуть, потому что его болтовне конца не будет, случись кому-либо из них снова остановиться у него на подворье.

Тогда Уленшпигель сказал: «Дорогие друзья, я хорошо приметил, что хозяин наш больно нос задирает. Если хотите меня послушаться,

так я ему так отплачу, что он больше вам про волка никогда не заикнется».

Купцам это очень понравилось, и они обещали Уленшпигелю оплатить его харчи, да еще денег прибавить.

Тогда Уленшпигель сказал, чтобы они отправлялись по своим торговым делам. Если же на обратном пути опять завернут на постоялый двор, он тут как тут будет. А расход его пусть оплатят.

Так все и сделалось. Купцы собрались в путь, заплатили за все, что они тут съели и выпили и Уленшпигелеву долю тоже, и поскакали верхами со двора, а хозяин еще крикнул им вслед с насмешкой: «Эй, торговые люди, глядите в оба, чтобы на вас в поле волк не напал!».

Купцы отвечали: «Благодарствуем, хозяин, за то, что вы нас от волков остерегаете. Если волки нас сожрут, так мы сюда больше не придем, а если вас сглодают, так нам вас тут больше не видать» – и с этим они уехали прочь. А Уленшпигель поскакал в лес и стал выслеживать волков. Тут бог послал ему такую удачу, что он одного поймал. Уленшпигель убил этого волка и накрепко его заморозил.

Когда подошло время купцам снова явиться на постоялый двор, Уленшпигель взял мертвого волка в мешок, и опять поскакал в Эйслебен, и нашел там трех купцов, как они договорились. А волка он спрятал так, что о нем никто не знал.

Вечером за ужином хозяин еще пуще насмехался над купцами, расспрашивал их о волке. Они ему рассказали, как это у них дело получилось, и спросили хозяина, как бы он поступил, случись ему встретить двух волков в поле? Сперва одного одолел, с ним бы расправился, а потом уже взялся бы за другого?

Хозяин стал разглагольствовать, как он двух волков изрубил бы на куски, и это длилось весь вечер, пока они не собрались в постель. Уленшпигель все это время молчал, покуда не пришел в горницу к купцам. Тогда он сказал им: «Дорогие друзья, теперь ведите себя тихо и бодрствуйте. Чего я хочу, то и вам желанно. Позвольте, я засвечу огонь».

И вот, когда хозяин со своей челядью улеглись почивать, Уленшпигель потихоньку вышел из горницы, взял мертвого волка, который был у него накрепко заморожен, и отнес его к очагу, и подпер палками, так что волк стоял совершенно прямо. Уленшпигель широко

раскрыл волчью пасть и сунул туда пару детских башмаков, а потом вернулся в горницу к купцам и закричал: «Господин хозяин!».

Хозяин услышал, потому что не успел уснуть, и ответил: «Что вам надо? Уж не собрался ли опять вас волк заесть?».

Купцы ему отвечали: «Любезнейший господин хозяин, пошлите вашу служанку или слугу за вином для нас, такая жажда одолела, что спасенья нет».

Хозяин разгневался и сказал: «Вот она саксонская закваска: день и ночь надо пьянствовать!..». Однако он кликнул служанку, чтобы она встала и принесла вина купцам в горницу. Служанка поднялась и пошла к очагу – хотела там свечу зажечь, – огляделась и прямо перед собой увидела разинутую волчью пасть. Девушка перепугалась, выронила свечу, выбежала во двор, решив не иначе, что волк уже сожрал детей.

Уленшпигель и купцы снова стали кричать: неужто им никто не принесет выпить? Хозяин решил, что служанка заснула, и кликнул работника. Тот встал и тоже пошел огонь засветить, и тут тоже увидел стоящего волка. Парень подумал, что волк уже съел служанку, он выронил свечу и бросился в погреб.

Гости услышали, что там что-то случилось, и Уленшпигель сказал: «Можете быть довольны, наша игра сегодня удалась».

Уленшпигель вместе с купцами крикнул в третий раз: куда слуга со служанкой подевались, почему им питья не несут? Пусть-де сам хозяин придет и принесет свечу – они не могут выйти из спальни, не то сами бы в погреб отправились.

Хозяин решил не иначе, что работник заснул, поднялся с постели и в сердцах сказал: «Дьявол что ли придумал саксонцев с их пьянством?». С этими словами он затеплил свечу от уголька и увидел, что сверху на очаге стоит волк и держит в зубах башмаки. И тут он закричал и стал звать: «Караул! Друзья, спасайте!..» – и кинулся к купцам, сидевшим в горнице, говоря: «Друзья дорогие, ко мне, на помощь!.. Свирепый зверь стоит на печке, он уже съел у меня детей и служанку с работником».

Купцы мигом вскочили и Уленшпигель тоже и пошли с хозяином в кухню. Слуга вылез из погреба, служанка пришла со двора, и хозяйка детей привела из горницы. Оказалось, что все они живы. А

Уленшпигель, придя на кухню, стал волка пинать ногами. Тот растянулся на полу и лапой не пошевелил.

Уленшпигель сказал: «Это мертвый волк. Из-за него вы подняли такую суматоху? Что же вы за трус, если вас мертвый волк в вашем собственном доме грызет и вынуждает вас со всей вашей челядью прятаться по углам! А ведь совсем недавно вы обещали, что двух живых волков уложите в поле. Только все это выходит у вас на словах, как это у многих бывает в мечтах».

Хозяин услышал это и понял, что его одурачили. Он пошел з горницу, чтобы лечь в постель. Он и сам устыдился своей похвальбы и того, что он и вся его прислуга испугались мертвого волка.

Купцы насмехались и вволю потешались над ним. Потом они заплатили за все, что они и Уленшпигель здесь съели и выпили, и уехали прочь. С этих пор хозяин постоялого двора уже не глаголил так много о своем мужестве.

78 История рассказывает, как Уленшпигель в кельне наклал хозяину на стол и сказал ему, что если он туда подойдет, то обнаружит все, что Уленшпигель ему оставил

Вскоре после этого Уленшпигель пришел в Кёльн на один постоялый двор и там два или три дня вел себя так осмотрительно, что его не могли узнать. Через несколько дней он заметил, что его хозяин большой плут, и подумал: «Где хозяин плутует, там гостям не везет. Надо себе другое пристанище приискать».

В тот же вечер хозяин смекнул, что Уленшпигель нашел другой приют. Тогда он указал другим гостям их кровати, а Уленшпигелю нет. Уленшпигель на это сказал: «Как так получается, господин хозяин, что я плачу за стол ровно столько же, как другие гости, а между тем вы им отвели кровати, а я должен спать на скамье?».

Хозяин сказал: «Глянь – вот тебе пара льняных простынь» – и при этом раскатисто фукнул, а потом, не сходя с места, повторил это и сказал: «Глянь – вот тебе пуховая подушка». И в третий раз отпустил он такую штуку, что кругом завоняло, и сказал: «Глянь – вот тебе вся постель целиком. Обойдешься как-нибудь до утра, а там сложи вещи в кучку, чтобы я все вместе нашел».

Уленшпигель промолчал, а сам подумал: «Смотри: ты все запомнил, так заплатишь пройдохе его же монетой». И провел эту ночь на скамье.

А у хозяина был прекрасный раскладной стол. Его доски раскрывались как створки. Уленшпигель их раскрыл, наложил туда большую кучу и снова закрыл.

Утром он рано поднялся, подошел к хозяйской горнице и сказал: «Господин хозяин, спасибо вам за ночлег». Тут он оставил еще одну кучу и сказал: «Это вот перышки из постели. Подушку, простыни, полог, одеяло вместе с кроватью я в одну кучу сложил». Хозяин сказал:

«Господин гость, это вы хорошо сделали, я пойду посмотрю, как только встану».

Уленшпигель сказал: «Так и сделайте, пойдите, посмотрите вы все там найдете». И с этими словами пошел из дома.

А хозяин ожидал к обеду много гостей. Он сказал: «Пусть гости сядут есть за красивым столом». Он растворил доски, и тут дурной дух так и ударил ему в ноздри. Хозяин обнаружил дерьмо и сказал: «За мое изделие гость дал надлежащую цену. Я пустил ему дух вонючий, а он мне платит навозной кучей». Хозяин послал за Уленшпигелем, желая еще его испытать, чтобы еще лучше узнать. Гость и хозяин так хорошо спелись в разного рода плутовстве, что в дальнейшем Уленшпигель почивал в хорошей постели.

79 История рассказывает, как Уленшпигель расплатился с хозяином звоном монет[109]

Долгое время Уленшпигель жил в Кёльне на постоялом дворе. Как-то раз там стали так поздно готовить обед, что он к полдню еще не сварился. Уленшпигель досадовал, что ему пришлось так долго поститься. Хозяин заметил и понял, как гость недоволен, и сказал ему: «Кто не может ждать, пока горячее готово будет, может есть, что у него найдется».

Уленшпигель пошел и стал жевать булку, а потом уселся у очага. Когда пробило двенадцать, стол был накрыт и хозяин уселся со своими постояльцами. Но Уленшпигель остался на кухне. Хозяин сказал: «Как, ты не хочешь идти к столу?» – «Нет, – ответил он, – я не хочу есть, я уже насытился запахом жаркого». Хозяин промолчал и продолжал есть вместе со своими гостями, а после обеда они заплатили то, что ему были должны. Одни отправились в путь, другие остались, а Уленшпигель сидел у огня. Тут пришел хозяин со своей счетной доской, стал сердиться и сказал, чтобы Уленшпигель выложил за обед два белых кёльнских пфеннига.[110] Уленшпигель сказал: «Господин хозяин, разве вы такой человек, что берете деньги с гостя, который вашего обеда не ел?». Хозяин ответил запальчиво, что Уленшпигель должен отдать ему деньги: если он даже ничего не ел, то все же насытился запахом блюд. Он сидел у огня, возле жаркого, а это все равно как если бы он сидел за столом и ел.

Уленшпигель достал два белых кёльнских пфеннига и бросил их на скамью. «Господин хозяин, хорошо ли вы слышите этот звон?».

Хозяин сказал: «Я его хорошо слышу». Уленшпигель проворно подобрал оба пфеннига, сунул их обратно в кошелек и сказал: «У вас от их звона будет столько же выручки, сколько у меня в животе от запаха жаркого станет сытости».

Хозяин рассердился, потому что ему хотелось получить два пфеннига, а Уленшпигель не желал ему их отдавать и сказал, что пожалуется в суд. Но хозяин не решился до этого доводить и сдался.

Он досадовал, что гость расплатился с ним таким образом, так разделался с его счетом, но пришлось ему с тем и отпустить Уленшпигеля. А Уленшпигель ушел оттуда. Он покинул рейнскую землю и снова отправился в Саксонию.

80 История рассказывает, как Уленшпигель покинул Росток[111]

После своей проделки Уленшпигель почел за благо уехать из Ростока и на пути остановился в одном местечке на ночлег. В том доме было не очень-то много еды, потому что нужда смотрела из всех углов. У хозяина была куча детей, а детей Уленшпигель и вовсе не жаловал. Он привязал на конюшне свою лошадь, а потом пошел в дом обогреться у очага и нашел холодную печь и пустую горницу. Путник понял, что здесь обретается только горькая бедность.

«Господин хозяин, – сказал Уленшпигель, – у вас худые соседи?». Хозяин сказал: «Да, господин гость, это истинно так. Все, что у меня заведется, они крадут». Уленшпигель засмеялся и сказал: «Что хозяин, что гость – одного поля ягоды!». Он не прочь был здесь остановиться, но детей не мог выносить, потому что увидел, как все эти детишки один за другим справляли свою нужду за входной дверью, возле самого крылечка.

Уленшпигель сказал хозяину: «Почему ваши дети такие грязнули? Что у них другого места нет, чтобы оправляться, кроме как у входной двери?». Хозяин ответил: «Господин гость, что вы на это так гневаетесь? Мне это не мешает, я завтра отсюда уеду».

Уленшпигель промолчал, а потом, когда ему пришла нужда облегчиться, взял и наложил возле печи большую кучу. Хозяин пришел туда как раз в то время, когда Уленшпигель над ней трудился, и сказал: «Чтоб тебя лихорадка трясла! Ты зачем у очага гадишь, мало тебе на дворе места?».

Уленшпигель сказал: «Господин хозяин, что вы так сердитесь? Мне это ничуть не мешает. Я что ни день уезжаю в другое место». И он сел на своего коня и поскакал из ворот.

Хозяин закричал ему вслед: «Вернись и убери свое дерьмо от печки!». Уленшпигель же ему ответил: «Кто последним в доме останется, тот пусть там и прибирает. И пусть он вместе соберет свое дерьмо и мой помет».

81 История рассказывает, как Уленшпигель снял шкуру с собаки и отдал эту шкуру хозяйке в расплату за то, что песик ел вместе с ним

Случилось так, что в одном месте Уленшпигель пришел на подворье[112] и застал хозяйку одну в доме. А хозяйка эта держала лохматого песика, которого очень любила. Этот пес постоянно лежал, растянувшись на брюхе, когда ничем не был занят. И вот, когда Уленшпигель сидел у огня и пил из кружки, оказалось, что пес был приучен к тому, что, когда его хозяйка пила пиво, она и псу своему наливала в миску, чтобы и он пил.

Итак, Уленшпигель сидел и пил, а пес поднялся, стал к Уленшпигелю ласткться и прыгать ему на шею.

Хозяйка увидела это и сказала: «Ах, налейте ему в миску попить, ему этого хочется». Уленшпигель ей ответил: «Охотно налью».

Хозяйка ушла и занялась своими делами, а Уленшпигель пил и псу подливал в миску и туда же добавил немного мяса, так что пес досыта наелся, улегся у очага и вытянулся во всю длину.

Тогда Уленшпигель сказал хозяйке: «Надо нам посчитаться» – и сказал далее: «Хозяюшка, если гость вашу пищу ест и пиво пьет, а денег у него нет, вы ему поверите в долг?».

Хозяйка не подумала того, что Уленшпигель разумел собаку, а решила, будто он и есть этот гость, и сказала: «Господин гость, у нас в долг не дают. Надо платить либо оставить залог». Уленшпигель сказал: «Мне это по нутру, а другой пусть сам о себе заботится». На этом хозяйка ушла, а Уленшпигель, как только улучил время, чтобы выполнить задуманное, сунул песика себе под куртку, пошел с ним на конюшню и спустил с него шкуру. После этого Уленшпигель позвал хозяйку и сказал: «Давайте-ка посчитаемся». Хозяйка подсчитала, а Уленшпигель оплатил половину счета. Тут хозяйка спросила, кто должен оплатить вторую половину – он ведь пиво один выпил. Уленшпигель сказал: «Нет, я его не один выпил, у меня был гость, он

со мной пил. У него нет денег, зато есть хороший залог, вот он и оплатит по счету вторую половину. Хозяйка сказала: «Что это еще за гость? Какой еще у вас залог?». Уленшпигель сказал: «Это самая лучшая куртка, какую только он носит», – и вытащил собачью шкуру из-под полы и сказал: «Взгляните, хозяйка, это куртка того самого гостя, что со мной пиво пил».

Хозяйка перепугалась, она хорошо различила, что это ее собаки была шкура. Она разгневалась и сказала: «Чтоб тебе никогда счастья не видать! Ты зачем с моей собаки шкуру снял?…» – и заругалась.

Уленшпигель сказал: «Хозяйка, это вы сами виноваты, можете ругаться сколько хотите. Вы мне сами сказали, чтобы я пива собаке налил, а я сказал, что у гостя нет денег. Вы не захотели ему в долг дать. Хотели деньги либо залог получить. Так раз у него не было денег, а пиво нужно было оплатить, пришлось ему свою куртку в залог оставить. Возьмите ее за пиво, которое он выпил».

Хозяйка еще больше разгневалась и велела ему идти вон из ее дома и больше на порог не являться.

Уленшпигель сказал: «Я из вашего дома не пойду, я из него верхом уеду», и он оседлал свою лошадь, и выехал к воротам, и сказал: «Хозяйка, берегите залог до тех пор, пока не получите сполна своих денег, а я к вам опять налегке приеду. И если тогда я не выпью вместе с вами, пусть мне не придется платить за пиво».

82 История рассказывает, как Уленшпигель убедил эту женщину, что Уленшпигеля колесовали

Послушайте, что Уленшпигель учинил в Штрассфурте. Недалеко оттуда есть деревня. Он пришел туда к заезжему двору, и переоделся в другое платье, и вошел на подворье, и там услышал, что тут во дворе стоит большое колесо. Уленшпигель взял и улегся сверху на это колесо. Со своего места он поздоровался с хозяйкой, пожелал ей доброго утра и спросил, не слышала ли она что-либо об Уленшпигеле. Хозяйка сказала, чего еще ей надо слышать об этом мошеннике, когда она его имени слышать не может?

Уленшпигель сказал: «Сударыня, что такое он вам сделал, что вы на него так сердиты? Что верно, то верно – если он куда-нибудь придет, так не уйдет, не созорничав».

Женщина сказала: «В этом я хорошо убедилась. Он сюда приходил и снял шкуру с моей собачки, а мне эту шкуру оставил в уплату за пиво, что он выпил».

Уленшпигель сказал: «Сударыня, это он непорядочно поступил». Хозяйка сказала: «Он кончит, как все плуты кончают». Уленшпигель сказал: «Сударыня, это уже с ним случилось: он лежит на колесе». Хозяйка сказала: «Вот и слава богу!».

Уленшпигель сказал: «Это я и есть Уленшпигель. Привет, я еду прочь».

83 История рассказывает, как Уленшпигель посадил одну хозяйку голым задом на горячую золу

Злобные наветы и клевета отмщаются злом. Когда Уленшпигель вернулся из своей поездки в Рим, он пришел в одно село, где был большой постоялый двор. Хозяин его в это время был в отлучке. Уленшпигель тогда спросил хозяйку, не знает ли она Уленшпигеля. Хозяйка отвечает: «Нет, я его не знаю, но я точно слышала, что он прожженный плут».

Уленшпигель говорит: «Милая хозяюшка, зачем же вы, не зная его, говорите, что он плут?». Женщина отвечала: «Что с того, что я его не знаю? Это ничего не значит, люди говорят, что он прескверная каналья». Уленшпигель говорит: «Славная женщина, он что, когда-либо вам дурное сделал? Что он плут, вы знаете понаслышке, стало быть, вы о нем ничего сказать не можете».

Женщина отвечала: «Я говорю то, что от людей слышала, которые сюда приезжают и уезжают». Уленшпигель тут смолчал, а утром поднялся спозаранку, разворошил в очаге горячую золу, потом подошел к постели, взял сонную хозяйку в охапку и посадил голым задом в горячую золу, так, что всю задницу ей обжег, и сказал: «Видите, хозяюшка, теперь вы можете с полным правом рассказывать, что Уленшпигель злой плут. Вы это чувствуете, и вы своими глазами его видели, тем самым могли его хорошенько узнать».

Женщина стала кричать, звать на помощь, а Уленшпигель пошел прочь из дома, смеялся и приговаривал: «Вот как надобно заканчивать путешествие в Рим».

84 История рассказывает, как Уленшпигель у одной хозяйки наклал в постель, а хозяйку убедил, что это сделал поп

Озорную проделку учинил Уленшпигель во Франкфурте на Одере. Он держал туда путь вместе с одним попом. Под вечер оба они пришли на подворье. Хозяин принял их радушно и подал на ужин рыбу и дичь. Когда они собирались сесть за стол, хозяйка усадила попа на верхнем конце стола и все, что было в мисках лучшего, ставила перед попом со словами: «Сударь, поешьте это ради меня». Уленшпигель сидел в конце стола и пристально глядел на хозяина с хозяйкой, но никто перед ним ничего не ставил и не просил его поесть, а ведь он должен был столько же платить по счету.

Трапеза окончилась, и, когда наступило время сна, Уленшпигелю с попом отвели общую комнату и каждому приготовили чистую, свежую постель, куда они и легли спать. И вот утром, в ранний час, поп поднялся, помолился, сколько ему положено, потом заплатил хозяину и отправился дальше.

Уленшпигель же остался лежать, покуда не пробило девять часов, и наклал большую кучу в ту постель, где ночевал священник. В это время хозяйка стала спрашивать слугу, что был у них в доме, не встал ли уж ото сна поп или второй гость, и уплатили ли они уже то, что должны по счету. Слуга сказал: «Да, священник встал уже порядочное время тому назад, и помолился, сколько ему было надо, и заплатил, и отправился дальше в путь, а вот другого гостя я сегодня не видел».

Женщина забеспокоилась, не заболел ли он, пошла в горницу и спросила Уленшпигеля, будет ли он вставать Уленшпигель сказал: «Ах, хозяюшка, мне неможется». Тем временем женщина хотела снять полотняные простыни с поповой постели. Когда она их подняла, то увидела посреди постели кучу дерьма. «Господи спаси, – сказала хозяйка, – что это тут накладено?»

«Да, милая хозяюшка, меня это не удивляет, – сказал Уленшпигель, – потому что за ужином, что только ни стояло на столе лучшего и наилучшего, – все подавалось попу, и весь вечер другого слова не было слышно, как только "сударь, возьмите то, сударь, возьмите это". Меня другое удивляет, при том, сколько он съел, что он на этой куче остановился, а не наклал вам полную горницу дерьма».

Хозяйка стала клясть ни в чем не повинного попа и сказала, что, если он снова явится, она ему покажет от ворот поворот, а вот Уленшпигелю, добропорядочному парню, у нее всегда готово пристанище.

85 История рассказывает, как один голландец съел яблоко, которое Уленшпигель начинил мухами и испек

Заслуженно и справедливо отплатил Уленшпигель одному голландцу. Это случилось однажды в Антверпене, на одном подворье. Там стояли голландские купцы. Уленшпигелю немного недужилось, он не мог есть мяса и варил себе яйца всмятку. Когда гости сели к столу, Уленшпигель тоже пришел к застолью и принес вареные яйца. А один из голландцев принял Уленшпигеля за крестьянина и воскликнул: «Как, мужик, тебе не нравится хозяйская еда? Для тебя надо яйца варить?». И с этими словами он хватает яйца, разбивает их, одно за другим вливает себе в глотку и кладет перед Уленшпигелем скорлупки со словами: «Вот смотри, желтков уж нет, лижи скорлупки на обед!». Другие гости смеялись и Уленшпигель вместе с ними.

Вечером Уленшпигель купил красивое яблоко, вырезал у него середку и напихал туда дополна мух с комарами. Он испек это яблоко до мягкости, снял с него шкурку и посыпал сверху имбирем.

Когда вечером они снова сели за стол, Уленшпигель принес на тарелке печеное яблоко, а сам отошел от стола, как будто за чем-то еще. Как только он повернулся спиной, голландец схватил с тарелки яблоко, взял себе и быстрехонько проглотил. Тотчас его стало рвать, и все, что было у него в желудке, выскочило наружу, и стало ему так худо, что хозяин и другие гости подумали, будто он этим печеным яблоком отравился. Уленшпигель же сказал: «Это не отравление, а очищение желудка, ибо жадному желудку никакая пища не в пользу. Если б он мне сказал, что намерен так жадно проглотить это яблоко, я бы его остерег, потому что в яйцах не было мух, а вот в печеном яблоке были мухи с комарами. От этого его непременно должно было вырвать».

Тут голландец пришел в себя, так что это его не погубило, и сказал Уленшпигелю: «Ешь и пеки, а я с тобой за компанию больше не ем, хотя бы у тебя жареные дрозды водились».

86 История рассказывает, как Уленшпигель добился того, что одна женщина на бременском рынке перебила все свои горшки

Когда Уленшпигель учинил эту озорную проделку, он снова поехал в Бремен к епископу. Последний много веселился с Уленшпигелем и был к нему сердечно расположен, а Уленшпигель постоянно потешал епископа забавными выходками, так что епископ смеялся и задаром держал его лошадь у себя на конюшне.

И вот Уленшпигель притворился, будто он устал озорничать и хочет пойти в церковь. Епископ посмеялся над этим, но Уленшпигель, не оборачиваясь, пошел и стал молиться, а епископ под конец начал его дразнить так, что дальше некуда.

Тогда Уленшпигель договорился с одной женщиной, которая сидела на рынке и торговала горшками. Он заплатил этой женщине сразу за все горшки и условился с ней, что она должна будет делать, когда он ей кивнет или подаст знак. После этого Уленшпигель опять пришел к епископу и сделал вид, будто он все время был в церкви. Епископ снова напал на него со своими насмешками, и наконец Уленшпигель сказал епископу: «Милостивейший государь, пойдите со мной на рынок, там сидит одна горшечница с глиняными горшками. Я хочу с вами биться об заклад, что я не буду с ней разговаривать, а безмолвной речью сделаю так, что она встанет, возьмет палку и все глиняные горшки сама перебьет». Епископ сказал: «Это было бы очень забавно мне посмотреть». И он решил поспорить с Уленшпигелем на тридцать гульденов, что торговка этого не сделает. Они побились об заклад, и епископ пошел с Уленшпигелем на рынок. Уленшпигель показал ему эту женщину, и они пошли к ратуше. Уленшпигель остановился с епископом перед ратушей и стал делать такие движения с заклинаниями и действиями, будто он хочет побудить женщину выполнить его приказание.

Под конец подал он ей условный знак. Тут торговка поднялась, взяла палку и перебила все свои глиняные горшки вдребезги, так что над этим все мужчины, бывшие на рынке, смеялись.

Когда епископ вернулся к своему двору, он отвел Уленшпигеля в сторонку и сказал, чтобы тот открыл, каким образом он так сделал, что торговка собственные горшки в черепки разбила, тогда епископ отдаст ему тридцать гульденов, как они поставили в заклад.

Уленшпигель сказал: «Хорошо, милостивейший государь, я скажу с удовольствием» – и рассказал ему, как он сначала оплатил глиняные горшки и обо всем условился с женщиной. Он это сделал без помощи чернокнижия. И тут рассказал ему все. Епископ же стал смеяться, дал ему тридцать гульденов и еще обязал Уленшпигеля никому больше этого не рассказывать, за молчание же обещал ему упитанного вола. Уленшпигель сказал, что согласен, он будет об этом молчать, и живо собрался в дорогу.

Когда Уленшпигель уже оттуда ушел, епископ, сидя за столом со своими рыцарями и слугами, рассказал им, что если он захочет, то сделает так, что женщина все свои глиняные горшки в черепки разобьет, – таким искусством он владеет.

Рыцари и слуги не пожелали поглядеть, как она будет бить горшки, а хотели сами такому искусству научиться. Епископ сказал: «Если каждый из вас даст хорошего упитанного быка на мою кухню, тогда я всех вас обучу этому искусству».

А дело было осенью, когда скотина нагуливает жир. Каждый из них подумал: «Надо бы взвесить для епископа пару быков. Я не намного пострадаю, ежели такой ценой смогу обучиться редкому искусству».

И рыцари и слуги предложили каждый епископу жирного быка и привели их всех в одно место, так что епископ получил шестнадцать быков, и каждый из них стоил четыре гульдена, так что тридцать гульденов, которые епископ отдал Уленшпигелю, вернулись к нему втройне.

Когда быки стояли гуртом, как раз приехал Уленшпигель и сказал: «Половина этой добычи моя!». Епископ сказал Уленшпигелю: «Раз ты держишь слово, данное мне, так и я сдержу обещание, данное тебе. Только ты оставь своим господам их ломоть хлеба» – и дал Уленшпигелю жирного быка. Уленшпигель взял его и поблагодарил

епископа. А 'епископ, позвав своих слуг, встал перед ними и сказал, что обучит их своему искусству, и после этого рассказал, все как есть, как Уленшпигель договорился с женщиной и наперед заплатил ей за все горшки. Когда епископ все это рассказал, слуги поняли, что были обмануты хитростью, но никто из них не решился ничего сказать другому. Один чесал себе макушку, другой – затылок. Все были огорчены своей сделкой, всем им было жаль потерянных быков. В конце концов они успокоились, утешившись тем, что епископ был милостивым господином, и хотя им пришлось отдать ему быков, но все поняли, что он все это сделал ради шутки. Они не так сильно огорчались из-за быков, сколько их задевало, что они оказались такими глупцами и отдали скот ради редкого искусства, а искусство то было надувательством. И еще их мучило, что Уленшпигель получил все же быка.

87 История рассказывает, как один крестьянин подсадил Уленшпигеля на тележку со сливами, которые вез в Эйнбек[113] на рынок, и как Уленшпигель на эти сливы наклал

Однажды светлейшие и высокородные брауншвейгские князья устроили в городе Эйнбеке состязание – турнир или потешное сражение, на котором присутствовали их присные и много приезжих господ, князей, рыцарей и слуг.

А было это летом, когда поспевают сливы и другие плоды. Жил тогда в Ольденбурге[114] близ Эйнбека один честный простоватый крестьянин, у которого был сад, где росли сливовые деревья. Вот этот хозяин и распорядился нарвать полную тележку слив и поехал с ними в Эйнбек, рассудив, что, раз там собралось много народу, ему легче будет продать свой товар, чем в другое время.

Он подъехал уже близко к городу, и тут, в тени зеленого дерева, лежал Уленшпигель. Он так много выпил при господском дворе, что теперь не мог ни есть ни пить и больше походил на покойника, чем на живого человека, Когда честный крестьянин подъехал к нему, Уленшпигель заговорил как нельзя жалостней и сказал: «Ах, милый друг, погляди-ка, я здесь больной пролежал три дня без всякой помощи. Если я еще только день пролежу, так, пожалуй, помру от голода и жажды. Ты уж свези меня ради бога в город». Добрый человек сказал: «Ах, милый друг, я бы это охотно сделал, да вот у меня на тележке сливы. Если я тебя посажу, так ты их все мне перемнешь». Уленшпигель сказал: «Возьми меня с собой, я как-нибудь на передке тележки примощусь».

Крестьянин был старый человек, он чуть свое собственное здоровье не повредил, пока подсаживал на тележку злого плута, который нарочно навалился на него всей своей тяжестью, а крестьянин еще старался ради больного ехать как можно покойнее.

Проехав некоторое время на тележке, Уленшпигель стащил потихоньку сзади себя солому со слив и нагадил на них, навредив таким образом бедному человеку, а потом снова прикрыл сливы соломой.

Как только крестьянин подъехал к городу, Уленшпигель закричал: «Стой, стой, помоги мне спуститься с тележки, я хочу здесь, за воротами, остаться».

Добрый человек помог злому плуту слезть с тележки и поехал своей дорогой, как ему было ближе на рынок. Когда он туда приехал, то распряг лошадь и повел ее на заезжий двор. Между тем на рынок пришло много бюргеров. Среди них был один, который всегда оказывался первым, если что-либо привозили на рынок, однако он редко что-нибудь покупал. Этот человек тоже пришел сюда. Он стянул до половины солому с повозки да и обмарал себе руки и кафтан.

Тем временем честный крестьянин пришел обратно с заезжего двора. А Уленшпигель переоделся в другое платье, и пришел другой дорогой на рынок, и сказал крестьянину: «Ты чем торговать приехал?» – «Сливами», – сказал крестьянин. Уленшпигель сказал: «Ты мошенничать приехал. Твои сливы обгажены. Надо тебе запретить ездить сюда со сливами». Крестьянин взглянул на них и увидел, что так оно и было. Он сказал: «За городом лежал на траве незнакомый человек, он точь-в-точь походил на того, кто со мной говорит, хотя теперь и одет в другое платье. Я привез его Христа ради к городским воротам. Вот этот-то плут и изгадил мои сливы». Уленшпигель же сказал на крестьянина: «Этот плут стоит, чтобы его вздули!».

Пришлось честному человеку увозить свой товар на помойку и никогда больше не продавать на рынке слив.

88 История рассказывает, как Уленшпигель в Мариентале во время обедни считал монахов

Когда наступило такое время, что Уленшпигель исходил все земли и стал старым и угрюмым, пришло к нему позднее раскаяние. Он задумал пойти в монастырь и закончить свои дни в бедности и остаток жизни послужить господу, чтобы душа его не погибла, когда бог призовет его.

И вот он пришел к настоятелю Мариентальского монастыря[115] с просьбой принять его в число братьев, обещая все свое имущество оставить монастырю. Настоятель благоволил к шутам и сказал: «Ты еще крепок, я охотно приму тебя, только ты должен что-нибудь делать и нести службу. Ты видишь, что у моей братии и у меня, у всех есть дело и каждому дан свой урок». – «Хорошо господин, я с охотой согласен».

«Так в добрый час, начинай с богом! Ты не любишь работать, так будешь у нас привратником. Тебе будет покойно и забот никаких, кроме как доставать из погреба еду и питье, да знай себе отпирай да запирай ворота».

Уленшпигель сказал: «Досточтимый господин, воздай вам бог за то, что вы так заботитесь обо мне, старом, больном человеке, а я сделаю все, что вы мне прикажете, а что запретите, от того я отстану».

Настоятель сказал: «Гляди сюда, вот ключ. Ты должен не всякого пускать, а с разбором – третьего либо четвертого. Если всех пускать, они объедят нас, монастырь бедным станет».

Уленшпигель сказал: «Досточтимый господин, я все буду делать как надо».

И вот из всех, кто сюда приходил, принадлежали они к монастырю или нет, он пускал только каждого четвертого. Жалобы дошли до настоятеля. Он сказал Уленшпигелю: «Ты отъявленный плут. Ты что же, не хочешь пускать в монастырь, кто в нем живет?».

«Господин, – сказал Уленшпигель, – я пускаю в ворота каждого четвертого, как вы велели, не более того, я выполнил ваше

приказание». – «Ты поступаешь как плут», – сказал настоятель. Он теперь охотно избавился бы от Уленшпигеля и посадил другого привратника, так как отлично понял, что этот не хочет отстать от своих старых проделок. И вот настоятель дал Уленшпигелю новую службу и сказал: «Слушай, ты будешь ночью, во время обедни считать монахов, и если кого-нибудь упустишь, так уйдешь из монастыря».

Уленшпигель сказал: «Это мне трудненько будет делать, только уж если иначе никак нельзя, так я эту службу стану нести, сколь могу лучше».

И той же ночью он выломал несколько ступенек на лестнице. А приор монастыря был добрым, набожным, старым монахом и всегда поспешал первым к обедне. Он спокойно дошел до лестницы и, думая ступить на нее, угодил ногой в дыру и сломал голень пополам. Настоятель жалобно закричал, так что другие братья сбежались узнать, что с ним случилось, и тут один за другим они попадали с лестницы. Тогда Уленшпигель сказал настоятелю: «Досточтимый господин, хорошо ли я справился со своей службой? Я всех монахов пересчитал», подал ему дощечку, на которой он всех их отметил зарубками, в то время когда они падали с лестницы один за другим.

Настоятель сказал: «Ты поступил как отпетый плут. Убирайся из моего монастыря, иди к черту, иди куда хочешь!».

Уленшпигель взял и пошел в Мёльн и там заболел так сильно, что в скором времени умер.

89 История рассказывает, как Уленшпигель в Мёльне заболел и наложил аптекарю в склянку, и как его доставили в больницу святого духа[116] и он сказал своей матери сладостное слово

Немощным и больным стал Уленшпигель, когда он пришел из Мариенталя в Мёльн. Он попросился на ночлег в дом к аптекарю, ради того чтобы получить у него лекарство. А аптекарь тоже немного задирал нос и любил подшутить и дал Уленшпигелю сильно действующее слабительное. Под утро лекарство начало действовать, Уленшпигель встал и хотел пойти на двор облегчиться, но кругом все было заперто. Уленшпигель испугался, нужда его подпирала. Он вошел в аптеку и воспользовался аптечной склянкой как ночным горшком и сказал: «Вот лекарство и вышло вон, можно опять его внутрь давать. Аптекарь таким образом не потратился. Я ведь, кроме того, что вернул, ничего не могу ему дать в уплату».

Когда аптекарь все это узнал, он стал клясть Уленшпигеля и не хотел держать его больше в доме и велел проводить его в лечебницу, которая носила имя Святого духа. Уленшпигель сказал людям, которые его туда вели: «Я к тому постоянно стремился и бога просил о том, чтобы Святой дух снизошел на меня, теперь же господь посылает мне обратное: я должен войти в Святого духа. Он пребудет вне меня, а я вниду в него».

Люди посмеялись над ним и пошли прочь. И вот что скажу: как человек жил, таков будет и его конец. Мать Уленшпигеля узнала, что ее сын заболел. Она живо собралась и пришла к нему – думала получить от него денег, потому что была старой и бедной женщиной. Когда она к нему пришла, то заплакала и сказала: «Милый сын, где это болезнь тебя прихватила?». Уленшпигель сказал: «Милая матушка, здесь она меня прихватила, между стенкой и сундуком».

Мать сказала: «Ах, милый сын, скажи мне хоть одно ласковое, сладкое словечко».

Уленшпигель сказал: «Милая матушка, мед – вот это сладкая вещь».

Мать сказала: «Ах, милый сын, молви мне ласковое поучение, дабы я с ним вспоминала тебя». Уленшпигель сказал: «Милая матушка, когда захочешь справить свою нужду, стань спиной к ветру, тогда дурной дух не ударит тебе в ноздри».

Мать сказала: «Ах, милый сын, оставь мне что-нибудь из твоего имущества». Уленшпигель сказал: «Милая матушка, у кого ничего нет, тому надо что-нибудь дать, а у кого есть что-то, надо что-нибудь отнять. Мое достояние так надежно запрятано, что о нем никто не знает. Если ты найдешь что-либо из моего добра, так можешь забрать его себе, ибо я отдаю тебе от своего достояния все, что гоже, и все, что не гоже».

Так как Уленшпигель сильно хворал, люди стали советовать, чтобы он исповедовался и принял святое причастие. И это Уленшпигель сделал, потому что хорошо понимал, что ему уже не подняться с постели.

90 История рассказывает, как Уленшпигель должен был покаяться в грехах и как он покаялся в трех злых проделках, которые он не совершал

Раскаиваться в своих грехах и сокрушаться должен был Уленшпигель на одре болезни, дабы мог он причаститься святые тайн и тем самым сделать сладостной свою кончину, – так сказала ему одна старая бегинка[117] А Уленшпигель ей сказал: «Быть не может, чтобы моя кончина была сладостной, ибо смерть – это горькая штука. И зачем еще мне исповедоваться тайно в том, что я сделал в своей жизни? Это знают много людей во многих землях. Если я кому-нибудь что-то доброе сделал, так он об этом охотно расскажет, если же я кому-нибудь зло причинил, то сколько ни кайся, а он молчать не станет. Я раскаиваюсь в трех вещах и сокрушаюсь о том, что я их не сделал».

Бегинка сказала: «Ах, боже мой, так радуйтесь, если вы упустили случай сделать что-то недоброе, и сокрушайтесь о ваших грехах». Уленшпигель сказал: «Госпожа, я печалюсь о том, что я трижды упустил сделать, а теперь уже никогда этого не наверстаю». Бегинка сказала: «Что же это за дела, они добрые или злые?». Уленшпигель сказал: «Это три вещи. И первая – это следующая: в мои молодые годы я однажды увидел, что какой-то человек идет по улице и у него кафтан на большой кусок висит из-под плаща. Я пошел за ним, думая, что кафтан вот-вот совсем свалится наземь и я сумею его поднять. Когда я близко к нему подошел, я понял, что кафтан просто длиннее плаща. Я тогда разозлился и с радостью обрезал бы этот кафтан на весь кусок, что выглядывал из-под плаща. И то, что я не мог это сделать, меня и печалит. Второе – вот что: если я видел, что кто-нибудь сидит или идет и при этом ковыряет ножом в зубах, я печалился и по сию пору печалюсь, что не мог воткнуть ему этот нож в глотку.

А третье – это то, что я не мог всем старым бабкам, которые зажились, задницы заштопать. Это меня тоже печалит, потому что старухи никому на свете не нужны».

Бегинка сказала: «Ах, сохрани нас господь! Что вы мелете? Эдак, будь вы здоровы и дай вам власть, вы и мою бы зашили, раз мне уже порядком за шестьдесят лет».

Уленшпигель сказал: «Вот мне и жаль, что этого не получилось». Бегинка сказала: «Тогда пусть о вас дьявол заботится» – и пошла прочь, оставив его лежать.

Уленшпигель же сказал: «Нет ни одной бегинки набожней этой, когда она сердится, так становится злее черта».

91 История рассказывает, как Уленшпигель составил свое завещание из-за которого поп замарал руки

Остерегитесь, духовные лица и миряне, чтобы вам не замарать рук, как это было в случае с завещанием Уленшпигеля.

Привели к Уленшпигелю одного попа, чтобы больной перед ним исповедался. Когда поп пришел, то подумал про себя: «Он был чудным человеком и чудачеством собрал много денег. Они не могли исчезнуть. При нем должно быть очень много денег. Ты должен эти деньги вытянуть у него при кончине, может быть, и тебе тут что-то отколется».

Как только Уленшпигель начал исповедоваться попу и они стали друг с другом разговаривать, поп между прочим сказал так: «Уленшпигель, милый мой сын, подумайте при своей кончине о спасении вашей души. Вы были чудным человеком и много грешили. Покайтесь в этом, и если у вас есть деньги, я бы охотно их взял и отдал на прославление господа для таких бедных священников, каков я сам. Я хочу это вам посоветовать, ибо эти деньги таким чудным образом нажиты. И если вы согласны так поступить, так скажите мне и дайте мне ваши деньги. Я же позабочусь, чтобы вы послужили этим во славу божию. А если *вы* захотите и мне немного дать, я буду вас всю жизнь вспоминать и читать по вас заупокойные молитвы и служить во спасение вашей души».

Уленшпигель сказал: «Да, мой милый, я подумаю о вас. Приходите ко мне опять после обеда, я сам вложу вам в руки кусок золота, можете быть уверены».

Поп обрадовался и после обеда прибежал опять. А в то время, как он уходил, Уленшпигель взял кружку и наполнил ее до половины человечьим пометом, а сверху наложил немного денег, так, что они прикрывали дерьмо. Когда поп заявился опять, он сказал: «Мой милый Уленшпигель, я здесь. Если вы желаете мне что-нибудь дать, как вы мне обещали, я приму».

Уленшпигель сказал: «Да, милый сударь, если вы зачерпнете скромно и не станете жадничать, я разрешу вам взять пригоршню из этой кружки и вы потом меня вспомните».

Поп сказал: «Я сделаю так, как вам хочется, и возьму оттуда точнехонько горсть».

Тогда Уленшпигель снял крышку и сказал: «Гляньте, милый сударь, кружка доверху полна деньгами, лезьте туда рукой и берите пригоршню, только не загребайте чересчур глубоко».

Поп сказал: «Хорошо». Он искренне всему поверил, и жадность попутала его, он запустил руку в кружку, надеясь захватить большую пригоршню, ткнул рукой в содержимое и тут почувствовал что-то мягкое и мокрое под деньгами. Он поскорей вытащил пальцы из кружки, а у них все косточки оказались выпачканы в дерьме. Тут поп сказал Уленшпигелю: «Ну ты и лживый плут! Ты меня обманул при своей кончине, лежа на смертном одре. Вот уж истинно, что те, кого ты обманул в сбои молодые годы, не должны по тебе горевать».

Уленшпигель сказал: «Милый сударь, я вас предупреждал, чтобы вы не запускали руку слишком глубоко. Обманула вас ваша жадность. И если вы поступили вопреки моему совету, так это уж не моя вина».

Поп сказал: «Ты мошенник из мошенников. Уж ежели ты мог произносить речи с виселицы[118] в Любеке, то, конечно, найдешь что мне ответить». И поп ушел, оставив Уленшпигеля лежать. Уленшпигель крикнул ему вслед, чтобы он вернулся и забрал с собой деньги, но поп его и слушать не хотел.

92 История рассказывает, как Уленшпигель разделил свое имущество на три части и одну часть завещал своим друзьям, другую – магистрату города Мёльна, а третью – тамошнему священнику

Когда Уленшпигель стал все слабей и слабее, он составил завещание и разделил свое имущество на три части. Одну он отказывал своим друзьям, другую – магистрату города Мёльна, третью – тамошнему священнику, но с условием, что, когда господь бог призовет Уленшпигеля и он скончается, его тело должны похоронить в освященной земле и позаботиться о его душе, как велит христианский обычай и обряд, в заупокойных молитвах и службах.

А через четыре недели все его наследники должны дружно собраться и открыть красивый сундук, надежно запертый резным

ключом, который Уленшпигель им отписывает, и то, что лежит внутри, разделить между собой, оставаясь в добром согласии.

Помянутые три стороны охотно со всем согласились, и Уленшпигель скончался.[119]

Когда все сказанное в завещании было выполнено и прошло четыре недели, магистрат, священник и друзья Уленшпигеля пришли и открыли сундук, чтобы поделить оставленное богатство. Едва сундук открыли, внутри не нашли ничего, кроме камней. Наследники только взглянули друг на друга, и всех их злость охватила. Священник подумал, что это советник, у которого сундук был на сохранении, тайком вынул сокровища. Советник думал, что друзья Уленшпигеля во время его болезни украли ценности, а сундук набили камнями. Друзья думали, что попы потихоньку унесли ценности когда все ушли и Уленшпигель исповедовался. так получилось, что все наследники разошлись злые друг на друга.

После этого священник и советник велели было вырыть Уленшпигеля из могилы, однако, когда начали копать, он уже разложился и никто не мог оставаться с ним рядом. Тогда они снова закрыли могилу. Так Уленшпигель и остался на своем месте, в память его на могилу положили камень, который можно видеть еще и теперь.

93 История рассказывает, как Уленшпигель умер и свинья во время заупокойных молитв перевернула носилки, так что Уленшпигель свалился с них

После того, как Уленшпигель отдал богу душу, пришли из больницы люди и оплакали его и на доске положили Уленшпигеля на носилки Явились попы, чтобы петь заупокойные молитвы, и затянули их. Между тем пришла с больничного двора свинья с поросятами, забрела под носилки и стала о них чесаться, так что Уленшпигель с носилок сверзился.

Тут пришли попы и монашки, хотели свинью выдворить вместе с поросятами, а свинья рассвирепела, не хотела их слушаться, а потом свинья и поросята все кинулись врассыпную обратно в больницу, не разбирая пути, вскачь, через головы попов и бегинок, через больных и здоровых, через носилки, на которых лежал Уленшпигель, так что старухи бегинки стали вопить и кричать, а попы оставили читать молитвы и побежали к выходу, а остальные выгнали наконец свинью с поросятами вон.

Тут бегинки пришли и уложили доску с покойником опять на носилки,[120] но Уленшпигель на них лежал неправильно – животом вниз, спиною вверх. Когда попы удалились, монашки сказали: «Если его должны хоронить, скорее бы уж хоронили». Но попы все не возвращались. Тогда бегинки взяли Уленшпигеля и понесли на церковный двор, так, как он и лежал, не по правилам, потому что доска с покойником перевернулась. Так и отнесли его к могиле. Тут воротились попы и стали советовать, как его хоронить: он-де не сможет лежать в могиле, как прочие христиане. Тут только они заметили, что покойник лежит на животе. Все тогда засмеялись и сказали: «Он сам подтверждает, что хочет лежать шиворот-навыворот. Сделаем, как он хочет».

94 История рассказывает, как Уленшпигель был погребен и что он хотел, чтобы его хоронили не священники, не миряне, а только монахини-бегинки

На похоронах Уленшпигеля все шло чудно. Когда люди собрались на церковном дворе, возле доски, на которой покоился Уленшпигель, его положили в гроб, гроб на двух веревках хотели спустить в могилу, но туг веревка, что была в ногах, лопнула, и гроб с Уленшпигелем соскользнул в могилу, так, что Уленшпигель остался стоять на ногах в могильной яме. Тогда все присутствующие сказали: «Оставьте его стоять, ибо он в жизни был удивительным человеком и удивительным хочет остаться в смерти».

И так и засыпали они могилу, оставив его стоять на ногах в полный рост, и сверху водрузили камень, и высекли на одной его половине сову и зеркало, которое сова держит в когтях, и сверху на этом надгробии написали:

Не тревожь этот тяжкий гранит,
Уленшпигель здесь стоя зарыт.

95 История рассказывает, какая эпитафия Уленшпигелю и надпись высечена в Люнебурге на его могиле[121]

Не тревожь этот тяжкий гранит,
Уленшпигель здесь стоя зарыт.

Приложения

Б. И. Пуришев. «Немецкие народные книги»

В первой книге «Поэзия и правда» (1811), вспоминая о детских годах, проведенных во Франкфурте-на-Майне, И.-В. Гёте называет печатные издания, приобщившие его к миру литературы. Тут и «Метаморфозы» Овидия, и «Приключения Телемака» (1699) Ф. Фенелона в стихотворном переводе Нейкирха (1739), и «Робинзон Крузо» Д. Дефо, и другие увлекательные произведения XVIII в., в том числе «Остров Фельзенбург» (1731–1743) И. Шнабеля, популярное в свое время подражание знаменитому роману Дефо.

Затем Гёте пишет: «Но мне предстояла жатва еще более обильная, когда я наткнулся на множество писаний, устарелая форма которых, конечно, похвал не заслуживала, что, однако, не мешало им, при всей их наивности, знакомить нас с достойными деяниями былых времен.

Издательство, вернее, фабрика этих книг, впоследствии заслуживших известность, даже славу, под названием «народных книг», находилась во Франкфурте. Из-за большого спроса они печатались со старого набора, очень неразборчиво и чуть ли не на промокательной бумаге.

Итак, мы, дети, имели счастье ежедневно видеть эти бесценные останки средневековья на столике возле двери книгопродавца; более того, за несколько крейцеров они становились нашей собственностью. «Эйленшпигель», «Четыре Гаймонова сына», «Прекрасная Мелузина», «Император Октавиан», «Прекрасная Магелона», «Фортунат» и все их родственники вплоть до Вечного жида были к нашим услугам на случай, если нам вдруг вздумается вместо сластей приобрести книжки. Тут надо упомянуть еще об одном преимуществе: разорвав или как-нибудь повредив такую книжонку, мы могли тотчас приобрести новую и снова ею зачитываться».[122]

Говоря о том, что книги, которыми зачитывались подростки во Франкфурте в середине XVIII столетия, впоследствии заслужили известность, даже славу, под названием «народных книг», Гёте имеет в виду немецких романтиков, восторженно оценивших эти старомодные произведения и прочно введших их в литературный обиход. Писатели-просветители XVIII в. поглядывали на них свысока, как на достояние

невежественной толпы, предпочитающей легковесные побасенки плодам трезвого разума. Со своей стороны церковные круги с давних пор относились к народным книгам весьма отрицательно, усматривая в них дьявольский соблазн, отвлекающий верующих от истинного благочестия.

Впрочем, нельзя сказать, что немецкие народные книги совершенно не привлекали к себе внимания литературных кругов. Неутомимый издатель Г. А. О. Рейхард (1751–1828) включил ряд народных книг в свои антологии «Книга любви» и «Библиотека романов». Но только Йозеф Гёррес (1766–1848), журналист и естествоиспытатель, близкий к гейдельбергским романтикам, широко используя домашнюю библиотеку своего друга Клеменса Брентано, в работе «Немецкие народные книги» («Die Deutschen Volksbucher», 1807) впервые дал обстоятельную, а главное – сочувственную характеристику народным книгам. Именно ему принадлежит и сам термин «народные книги», вызывавший подчас сомнения, но сохранивший свое значение до наших дней.

Конечно, немецкие «народные книги», создававшиеся в XV и XVI вв., не всегда возникали в демократической среде и не всегда являлись проводниками собственно демократических воззрений, но все они в большей или меньшей степени снискали себе популярность в низовой читательской среде и в этом отношении были действительно народными. И хотя объемистый труд Й. Гёрреса не лишен многочисленных ошибок, заблуждений и преувеличений, он все же достиг главной цели: «он обратил внимание многих современников на это презираемое литературное явление и даже сумел, не без воздействия присущего автору риторического таланта, возбудить к нему симпатии».[123] В своей работе бывший якобинец (в дальнейшем перешедший в лагерь реакции) радуется тому, что рассматриваемые им книги прочно вошли в жизнь народа, стали его живой плотью.

Но, пробудив у современников интерес к народным книгам, Гёррес не занялся публикацией текстов. За это его укорял Л. А. Арним, который совместно с К. Брентано как раз в эти годы обнародовал замечательную антологию немецких народных песен «Волшебный рог мальчика» (1806–1808).

И все же большое дело было сделано. В кругу писателей и ученых пробудился интерес к немецким народным книгам. Ими

заинтересовались братья Гримм. Но к работе не приступили, предоставив заняться обработкой и публикацией этих книг другим [Ф. Г. фон дер Хаген (1780–1856), Людвиг Улакд (1787–1862), Густав Шваб (1792–1850), Карл Зимрок (1802–1876), Освальд Марбах (1810–1890)]. Правда, нередко поздние обработки, особенно обработки «для юношества», лишали старинные тексты силы и яркости, придавали им банальный характер.

На волне этого возросшего интереса к немецким народным книгам и появилась в 1839 г. в газете «Немецкий Телеграф», издававшейся в Гамбурге Карлом Гутцковым (1811–1878), статья молодого Фридриха Энгельса (подписанная Фридрих Освальд) «Немецкие народные книги». Энгельсу было в то время всего лишь девятнадцать лет, и в статье его чувствуется юношеский задор и начитанность, делающая честь молодому человеку.

Рассматривая старинные народные книги как литературу, не утратившую своего значения для современного читателя, Энгельс писал: «Народная книга призвана развлечь крестьянина, когда он, утомленный, возвращается вечером со своей тяжелой работы, позабавить его, оживить, заставить его позабыть свой тягостный труд, превратить его каменистое поле в благоухающий сад; она призвана обратить мастерскую ремесленника и жалкий чердак измученного ученика в мир поэзии, в золотой дворец, а его дюжую красотку представить в виде прекрасной принцессы; но она также призвана, наряду с библией, прояснить его нравственное чувство, заставить его осознать свою силу, свое право, свою свободу, пробудить его мужество, его любовь к отечеству».[124]

В связи с этим Энгельс отвергает те книги» которые, по его мнению потворствуют низкопоклонству перед знатью, утверждают покорность в качестве высшей добродетели или наполнены рабскими суевериями. Зато «История о неуязвимом Зигфриде», наполненная «превосходной поэзией», сочетающей «величайшую наивность» с «прекраснейшим юмористическим пафосом», привлекает его тем, что «здесь есть характер, дерзкое, юношески-свежее чувство, которое может послужить примером для любого странствующего подмастерья, хотя ему и не приходится теперь бороться с драконами и великанами».[125]

Весьма сочувственно Энгельс отзывается о многих других народных книгах, в том числе о тех, которые входят в состав настоящего тома. Его привлекает ряд шуточных книг, перечень которых он начинает с «Уленшпигеля». «У немногих народов, – пишет он, – можно встретить такую коллекцию. Это остроумие, эта естественность замысла и исполнения, добродушный юмор, всегда сопровождающий едкую насмешку, чтобы она не стала слишком злой, поразительная комичность положений – все это, по правде сказать, могло бы заткнуть за пояс значительную часть нашей литературы».[126]

«Слезливым историям о страдании и терпении» («Гризельда», «Геновефа») Энгельс противопоставляет истории, прославляющие любовь («Магелона», «Мелюзина» и «Тристан»), и добавляет: «В качестве народной книги мне больше нравится „Магелона"».[127]

И далее он пишет: «*„Дети Хеймона"* и *„Фортунат"*, где мы снова видим в центре действия *мужчину*, – опять-таки две настоящие народные книги. В „Фортунате" нас привлекает исключительно веселый юмор…; в „Детях Хеймона" – дерзкое своенравие, неукротимый дух оппозиции, который с юношеской силой противостоит абсолютной, тиранической власти Карла Великого и не боится отомстить собственной рукой, даже на глазах государя, за нанесенные оскорбления. В народных книгах должен царить подобный юношеский дух, и ради него можно не обращать внимания на многие недостатки».[128]

Естественно, что Энгельс касается вопроса о литературной обработке старинных народных книг. Он выражает неудовольствие тем, как это получается у Освальда Марбаха, который лишает публикуемые тексты самобытной яркости, делает их совершенно тусклыми и бесцветными. Сетует Энгельс также на вмешательство прусской цензуры, от которой сильно пострадал «Уленшпигель». По мнению Энгельса, только братья Гримм, обладающие достаточной критической проницательностью и художественным вкусом, могли бы успешно справиться с этой работой. Но, как известно, они так и не занялись немецкими народными книгами.

«Необычайной поэтической прелестью обладают для меня эти старые народные книги, с их старинной речью, с их опечатками и плохими гравюрами»,[129] – признается молодой Энгельс в заключительной части своей статьи.

Как уже отмечалось выше, немецкие народные книги складывались преимущественно в XV–XVI вв., или, точнее сказать, во второй половине XV, на протяжении всего XVI и в начале XVII в. Отдельные книги появились и позднее. Так, только в 1726 г. в печать попала «История о роговом Зигфриде», столь полюбившаяся молодому Ф. Энгельсу.

Народные книги, жадно поглощавшиеся массовым читателем, представляли собой причудливый сплав исторических воспоминаний, поэзии шпильманов, плутовских, рыцарских и сказочных историй, задорных шванков и площадных анекдотов.[130] Многие из них непосредственно восходили к средневековым и очень часто к иноземным источникам либо тесно связаны с традициями той эпохи. Средневековая литература продолжала оставаться богатой кладовой, из которой создатели народных книг охотно черпали свой разнообразный материал. Однако шли века, менялась обстановка, менялась социальная среда, и в новых исторических условиях традиционные сюжеты подчас приобретали новый смысл. С конца XV в. Германия вступала в эпоху Возрождения, отмеченную интенсивным ростом бюргерской культуры. Былые феодальные идеалы теряли свое значение. Реформация, вспыхнувшая в 1517 г. и в 1525 г. переросшая в Великую крестьянскую войну, явилась первым опытом буржуазной революции в Европе, правда, опытом, завершившимся неудачей. Поэтому нет ничего удивительного в том, что феодальный мятеж превращался в народной книге «Сыновья Хеймона» (1535). восходившей к французскому героическому эпосу средних веков, в бунт против тирании,[131] в бунт, вызывавший восхищение «бурных гениев» и молодого Энгельса. За то по постановлению властей в начале XIX в. книга эта была конфискована.

Следует отметить, что среди народных книг и особенно ранних значительное место занимает рыцарский роман. Как и все другие народные книги, созданные в этом жанре, они пишутся прозой. Впрочем, надо иметь в виду, что от изысканной стихотворной формы к более обыденной прозе шло развитие всего европейского романа.[132]

Чем, однако, рыцарские романы могли привлечь составителей немецких народных книг? Собственно феодальный элемент, связанный с вопросами придворной куртуазии, их занимать не мог и, в сущности, не занимал. Поэтому прославленные куртуазные романы Гартмана фон

Ауэ (ок. 1170 – ок. 1210), представлявшие собой вольный пересказ романов выдающегося французского эпического поэта XII в. Кретьена де Труа, не вошли в состав немецких народных книг. Не привлекли к себе также внимания этические искания Вольфрама фон Эшенбаха (ок. 1170 – ок. 1220), автора «Парцифаля», одного из глубочайших произведений европейского средневековья. Зато восходивший к французскому источнику роман графини Елизаветы Иассау-Саарбрюкенской (1397–1456) «Гуг Шаплер» (1500), повествовавший о том, как худородный племянник парижского мясника в силу своих личных достоинств занял королевский престол, стал народной книгой и имел успех у широкого круга читателей. Названный роман, выдержавший в XVI в. пять изданий, являлся знамением времени Он свидетельствовал о том, что даже в произведения, создававшиеся представителями господствующего сословия, вторгались новые взгляды, соответствовавшие духу времени. Ведь, согласно этим взглядам, ставшим основой гуманистической этики, личные достоинства человека перевешивали знатность происхождения.

Что касается традиционного рыцарского романа, то, превращаясь в народную книгу, он приобретал очертания нарядной сказки, занимательного рассказа об удивительных событиях и приключениях. В рыцарском романе сказочные и авантюрные элементы всегда играли значительную роль. Можно даже сказать, что сказка стояла у его колыбели. С самого начала он охотно прислушивался к фольклорным мотивам, и они, трансформируясь и облекаясь в изысканные формы, продолжали играть значительную роль в его последующем развитии. В народных книгах эта аристократическая изысканность уступала место наивной простоте. Правда, рыцари и принцессы оставались, оставались и великолепные дворцы и замки. Но ведь и в русских народных сказках, увлекавших слушателей в чудесный мир красоты и удачи, всегда находилось место для какого-нибудь безупречного Ивана-Царевича, которому служить готов даже серый волк.

Эта новая жизнь европейского рыцарского романа, вышедшая за пределы узкого феодального круга, была очень любопытной и в то же время характерной чертой эпохи Возрождения. К началу XVI в. рыцарство в странах Западной Европы уже утратило свое былое значение. Явным анахронизмом являлись поэтому мечты немецкого гуманиста-рыцаря Ульриха фон Гуттена (1488–1523), стремившегося

накануне Великой Крестьянской войны вернуть немецкому рыцарству утраченную им силу и значение. Правда, кое-где еще продолжали устраиваться рыцарские турниры, но они все более превращались в декоративный парад, а затем и вовсе исчезли. Рыцарство и его культура становились эффектным мифом, который хотя и не мог соперничать с мифами классической древности, тем не менее продолжал привлекать внимание деятелей ренессансной культуры. На это хотя бы указывают великолепные, овеянные рыцарской романтикой бронзовые статуи легендарного короля Артура и короля Теодориха, отлитые в мастерской Питера Фишера Старшего (1512–1513), вероятно, по рисункам А. Дюрера[133] (Инсбрук, дворцовая церковь). Примечательно, что выбор немецкого скульптора, современника Эразма Роттердамского и Томаса Мора, остановился на фигуре короля Артура, неизменно возглавлявшего в куртуазных романах мифическое братство Рыцарей Круглого стола. Впрочем, тут надо считаться и с тем, что статуи изготовлялись для гробницы Максимилиана I, охотно называемого «последним рыцарем на троне».

Но не только в бронзе в стране Северного Возрождения в XVO в, заявлял о себе нарядный рыцарский миф. Он прочно вошел в литературу ряда стран. В Италии он засверкал в поэтическом фейерверке «Неистового Роланда» (1507–1532) Лодовико Ариосто. В Англии на его гранях остановил свою мысль Эдмонд Спенсер в поэме «Королева фей» (1590–1596), в которой, хотя и в качестве аллегорий, вновь появились король Артур и его доблестные сподвижники. В Испании, начиная с «Амадиса Галльского» (1508), страну буквально наводнило множество прозаических рыцарских романов, пока М. Сервантес не завершил их шествие чудачествами Дон-Кихота.

Но разве Л. Ариосто, влюбленный в сказочную пестроту рыцарских авантюр, хотел вернуть Италию к феодальному средневековью? Его рыцарский мир – это яркий поэтический вымысел, высоко поднятый над плоской повседневной жизнью, это романтический мир, в котором злые волшебники в конце концов терпят поражение, а люди, наделенные сильными чувствами, одерживают победу. Это мир огромных, почти неограниченных, возможностей человека. Но ведь именно об этом мечтали европейские гуманисты, начиная с Марсилио Фичино (1433–1499). Рыцарский миф оказывал поэтам Возрождения большую услугу. Он наделял их

испытанными героями, воплощавшими в себе красоту и энергию земного мира, а если нужно, то и способными полететь на луну, как веселый рыцарь Астольфо в поэме Ариосто.

И конечно, сверкание рыцарских лат, озаряющее поэму великого итальянского поэта, не делает ее произведением ушедших средних веков. «Неистовый Роланд» – одна из самых высоких вершин литературы итальянского Возрождения и одно из самых ярких произведений, примыкающих к романтическому направлению той эпохи.

В Германии в XVI в. не появлялось таких жизнелюбивых, вольнодумных, занимательных и одновременно элегантных поэм, как поэма Ариосто. Последние немецкие рыцарские поэмы относятся к XV в., в том числе обширная (около 41 500 стихов) обработка романов артурова цикла «Книга приключений Рыцарей Круглого стола» Ульриха Фюетрера (умер после 1492 г.), но это были эпигонские отзвуки средневековой рыцарской поэзии, произведения, лишенные былой поэтической силы. Правда, в начале XVI в. император Максимилиан I сделал попытку на новой культурной основе возродить жанр стихотворного рыцарского романа. Ему принадлежит замысел романов «Белый король» («Weisskunig», 1514) и «Тейерданк» (1517), облеченных в поэтическую форму двумя приближенными императора (М. Пфинцингом и М. Трейтцзаурвейном). Посвященные прославлению Максимилиана Габсбурга, выступающего в облике «доблестнейшего, справедливейшего и милосерднейшего» «Белого короля», романы эти не оставили заметного следа в литературе немецкого Возрождения. Их авторы, хотя, видимо, и являлись искусными царедворцами, искусными поэтами все же не были. Зато в истории книжной графики появление названных книг, иллюстрированных превосходными ксилографиями Ганса Буркмаира, Леонарда Бека и других мастеров, было несомненно событием весьма заметным.[134]

Романы Максимилиана, стремившегося прославить династию Габсбургов, по самой своей «деловой сути» были далеки от романтических тенденций эпохи Возрождения. Впрочем, нельзя сказать, что к этим тенденциям заметно тяготела немецкая «большая» литература XVI в. Развиваясь в годы Реформации, Великой Крестьянской войны, а затем феодально-католической реакции, она

предпочитала жесткую сатиру, конфессиональную полемику вольному полету поэтического вымысла. Мир благородных человеческих чувств, мир самоотверженной любви и дружбы, правда, изображался в романах Иорга Викрама «История о Рейнхарте к Габриотто» (1551) и «Золотая нить» (1557), только надо иметь в виду, что Викрам опирался в них на традицию народных книг, широко известных в тогдашней Германии.

Не следует при этом думать, что народные книги возникали где-то на задворках европейской литературы XVI в. Нельзя не согласиться с А. Д. Михайловым, что они как в Германии, так и в других европейских странах являлись специфическим видом ренессансной литературы,[135] достигшей наиболее широкого развития в XVI в. Правда, народные книги Франции или Нидерландов еще как следует не изучены и не собраны, а ведь из французской народной книги «Великие и неоценимые хроники о великом и огромном великане Гаргантюа» выросло колоссальное творение Франсуа Рабле, одно из самых замечательных созданий европейской литературы эпохи Возрождения.

С немецкими народными книгами дело обстоит гораздо лучше. Со времен романтизма они прочно вошли в читательский обиход. А в XVI в… пожалуй, именно в Германии народные книги достигли наибольшего расцвета. Можно даже сказать, что как раз в народных книгах, во всяком случае в ряде народных книг, литература немецкого Возрождения обрела свои самые яркие краски. Здесь отчетливо проявились романтические тенденции, присущие эпохе, здесь разноцветными огнями переливался рыцарский миф, здесь доблесть и любовь украшают жизнь людей.

К числу ранних образцов этих книг относится «Прекрасная Мелузина», восходящая к роману Жана из Арасса, клирика герцога Беррийского, написанному в 1387–1393 гг. Героиней этой книги является очаровательная Мелузина, превращавшаяся в наяду со змеиным хвостом. Ее сыновья сражаются с рыцарями, великанами и драконами, приходят на помощь к притесняемым принцессам, а затем женятся на прекрасных девушках. Народная книга то и дело превращается в волшебную сказку. Удивительны подвиги, совершаемые доблестными богатырями, удивителен и их внешний вид. У одного из них глаза были красного и зеленого цвета, у другого

на скулах росла львиная грива, а у Жоффруа, прозванного Острозубым, во рту рос только один огромный острый зуб. Встретив великана, он без промедления заявлял ему громовым голосом: «Слуга дьявола, нечего мне с тобой долго разговаривать, с помощью божией намерен я одолеть тебя и еще сегодня отсечь твою голову; посему защищайся, ибо пробил твой последний час». И последний час злокозненного великана неминуемо наступал.

К более позднему времени относится «Прекрасная Магелона» (рукопись – 1527 г., первое печатное издание – 1535 г.) – это одна из самых поэтических народных книг, посвященных любви. Так же как «Прекрасная Мелузина», восходит она к французскому рукописному оригиналу, написанному в середине XV в. Известен автор немецкого текста. Это Фейт Варбек (до 1490–1534), выходец из бюргерской семьи, изучавший в Париже право и теологию, ставший воспитателем принца и советником при саксонском дворе. В книге сохраняется рыцарский миф с его нарядными декорациями, но отсутствуют волшебные мотивы. У героини романа, дочери неаполитанского короля, Прекрасной Магелоны, нет змеиного хвоста, а рыцарям, появляющимся на страницах книги, не приходится сражаться с великанами и драконами. В этом привлекательном мире много красоты и вовсе нет уродства и злодейства. Даже сарацинские пираты, подобравшие в открытом море героя романа, сына графа Прованса, Петера Серебряные Ключи, высоко оценили его привлекательность, а Вавилонский султан, которому пираты подарили молодого рыцаря, полюбил его будто родного сына.

Никто не причинил никакой обиды Прекрасной Магелоне, внезапно очутившейся одной в дремучем незнакомом лесу, ни хищные звери, ни злые люди. Под видом паломницы ей удалось беспрепятственно добраться до острова близ берегов Прованса, где она соорудила небольшую богадельню, в которой стала самоотверженно служить людям бедным и недужным.

В романе все время подчеркивается нравственная красота героев. О Петере мы узнаем, что превосходил он «всех прочих в битвах, рыцарских состязаниях и иных деяниях, так что представлялось это скорее божественным, нежели человеческим. Он был любим и почитаем не только знатью, но и всем народом. Его подданные благодарили господа всемогущего за такого властелина, к тому же для

графа, отца его, и для матери не было ни в чем иной радости, кроме как в их сыне, столь храбром, учтивом, красивом и разумном» (гл. 1). Когда же под именем Рыцарь Серебряные Ключи Петер прибыл в Неаполь на турнир, устроенный королем в честь Прекрасной Магелоны, он привлек к себе всеобщее внимание, поскольку был он «белее лилии, имел приветливый взгляд и светлые, как золото, волосы. Оттого всякий говорил, что господь отметил его многими особенными совершенствами» (гл. 12).

Говоря о Магелоне, автор неизменно отмечает ее целомудрие, стойкость, душевную красоту.

При этом в романе нравственная красота героев неизменно сочетается с их замечательной телесной красотой. Магелона не случайно названа Прекрасной Магелоной. По словам Петера, ее красота «не поддается описанию» (гл. 11). Меж красивых дам и девиц, собравшихся на рыцарский турнир в Неаполе, «Прекрасная Магелона блистала подобно утренней звезде пред восходом солнца» (гл. 12). В другом месте Магелона уподобляется дивному цветку, своей окраской и ароматом превосходящему все прекраснейшие цветы, произраставшие на лесной поляне. Не ограничиваясь этими пышными сравнениями, автор позволяет читателю увидеть алые губы красавицы и ее белоснежную грудь, «каковая своей белизной превосходила хрусталь» (гл. 16).

Традиционным элементом книги, естественно связанным с рыцарским мифом, является почтительное отношение к знатности. Ведь все основные персонажи романа входят в круг высшей знати. Но знатность в романе не столько сословный, сколько морально-поэтический признак. Она украшает героя, как красота, душевное благородство и стойкость. Подобно красоте, благородству и стойкости, она поднимает его на самую высокую ступень человеческого бытия. Прославляя героя, автор прославляет не рыцарское сословие, но земного человека и его большие нравственные возможности.

В связи с этим следует отметить, что, хотя Петер Серебряные Ключи и является доблестным рыцарем, не рыцарские подвиги образуют основу его жизни. С огромным успехом, «учтиво и любезно» сражаясь на турнирах (гл. 12), он не нападал на соседей, не захватывал чужих земель, не разорял городов и деревень. Все помыслы его были обращены к Прекрасной Магелоне. Ей он хотел служить, с ней мечтал

сочетаться брачными узами. И не военная неудача, не коварство феодалов круто изменили течение его жизни.

На какой-то момент, находясь со спящей Магелоной в лесу, он поддался влечению плоти и уже. близок был к тому, чтобы нарушить торжественное обещание, данное им добродетельной девушке (гл. 15). Но небо не пожелало быть свидетелем нравственного падения столь достойного юноши, и в роман вторгается цепь происшествий, разлучающих влюбленных и как бы вынимающих их из привычной рыцарской среды, С этого момента роман все более сближается с эллинистическим романом, вызывавшим в странах Западной Европы подражания как в средние века, так и в эпоху Возрождения. Характерная для эллинистического, а также византийского романа сюжетная схема – влюбленных разлучают роковые обстоятельства, пока они благополучно не соединяются, – просматривается и в «Прекрасной Магелоне».

Впрочем, уже с самого начала ведущей темой романа является горячая любовь двух достойных молодых людей. Рыцарские турниры и суета придворной жизни образуют лишь нарядный эпический фон. Правда, автор не упускает случая сообщить, сколько копий было сломано на великолепном неаполитанском турнире и каких рыцарей Петер Серебряные Ключи выбил из седла. Но не это самое главное в книге. Самое главное в ней – это чувства героев, история их молодой и искренней любви.

Любовь сразу овладела сердцем Петера, лишь только он увидел Магелону и услышал ее приветливый голос. В свой черед Магелона пленилась столь привлекательным рыцарем. Своей кормилице она признается в том, что от любви к Петеру она не может «ни есть, ни пить, ни спать» (гл. 6). Читатель узнает, что она в тяжелом беспамятстве падает на ложе либо исполняется огромной радости, когда до нее доходят благоприятные вести. Как при встрече с возлюбленным лицо ее алеет, подобно розе, а сердце бьется в груди от восторга (гл. 11). Автор неотступно следит за душевным состоянием своей героини. Ведь именно Магелона, именем которой была названа книга, является наиболее драматической фигурой повествования. Королевская дочь, втайне от родителей, нарушая вековые традиции, бежит из дому с иноземным рыцарем навстречу опасностям.

Человеческая любовь, таким образом, попирает в романе куртуазные нормы и даже, пожалуй, здравый смысл.

В связи с этим следует отметить, что далеко не все мотивировки в романе достаточно убедительны. Не совсем понятно, почему высокородный Петер так упорно сохраняет свое инкогнито, почему решает он бежать вместе с возлюбленной, а не просить открыто ее руки. Ведь у неаполитанского короля не было, в сущности, никаких оснований отвергать подобного претендента.

Но конечно, восторжествуй здравый смысл в романе, последний утратил бы не только свою пленительную занимательность, но и ту нравственную сердцевину, которая для него так важна. Ведь как раз Петер в поэтической концепции романа явился причиной последующих злоключений молодых людей. Небо его покарало, но и вывело на верный, надежный путь. Нравственные достоинства Петера и Магелоны, закалившиеся в горниле испытаний, приводят их в конце концов к светлой радости.

С поэтической концепцией романа тесно связана также полюбившаяся Петеру эмблема Серебряных Ключей. Собираясь принять участие в неаполитанском турнире, он велел для своего шлема изготовить «два серебряных ключа на свой шлем, по коим можно было распознать в нем почитателя небесного князя – святого Петра, Апостола», именем которого он был наречен (гл. 4). Согласно христианской легенде, апостол Петр являлся привратником рая. Своими ключами он открывал и закрывал райскую обитель. Под знаком этих драгоценных ключей и протекала земная жизнь Петера. Обретя любовь Прекрасной Магелоны, он приблизился к вратам рая, затем бродил вдалеке от них, пока, наконец, не обрел желанной благодати. Тем самым религиозная эмблема, звавшая к отречению от земных соблазнов, в народной книге превращается в апофеоз земной любви, только любви, достойной человеческого благородства.

Есть в романе еще несколько драгоценных предметов, как бы вплетенных в жизнь героев. Это золотая цепочка, которую Магелона повесила на шею возлюбленному в знак неизменной преданности (гл. 11). Благодаря этой цепочке Петер стал доверенным лицом Вавилонского султана (гл. 17) и сохранил свою жизнь. Наконец, это три золотых кольца, которые Петер подарил Магелоне и которые самым удивительным образом отмечали их сложные пути и перепутья.

Во всех этих случаях народная книга приближается к сказке. К сказке приближает ее и та светозарная атмосфера, которая пронизана мечтой о торжестве доброго начала, красоте и гармонии. Сам рассказ автора и многочисленные тирады персонажей, плавные, немного цветистые, усугубляют ощущение нарядности и праздничности, которое возникает у читателя этой популярной книги, издававшейся 15 раз в XVI в., 6 раз в XVII и 11 раз в XVIII в. Слава «Прекрасной Магелоны» вышла далеко за пределы Франции и Германии. В 1608 г. появился русский перевод под названием «История о храбром рыцаре Петре Златых Ключей и о прекрасной королевне неаполитанской Магилене». За этим последовали другие русские издания «Прекрасной Магелоны», театральные обработки, лубочные книжки (XVIII–XIX вв.) (см.: *Кузьмина В. Д.* Рыцарский роман на Руси. М., 1964).

К числу наиболее популярных и в то же время самобытных немецких народных книг относится «Фортунат». Первое известное нам издание этой книги датировано 1509 г. Автора мы не знаем. Но есть основание предполагать, что им был аугсбургский бюргер, может быть, местный хронист Бургхарт Цинк (ок. 1450). Во всяком случае, действие романа развертывается до начала XVI в., оно относится к тому времени, когда Константинополь еще не был завоеван турками, а испанцы вели войну с гранадскими маврами. Аугсбургское происхождение книги сказывается как в языковых особенностях произведения, так и в том «городском духе», который овевает страницы обширного романа.

Во-первых, автору «Фортуната» доставляет несомненное удовольствие называть все новые и новые города, по которым странствуют его герои. Это именно города, а не замки, как обычно бывало в рыцарских романах артурова цикла. Вознамерившись «поначалу осмотреть Римскую Империю», уроженец Кипра Фортунат и его спутники «наикратчайшим путем поскакали в Нюрнберг, а оттуда, в Вёрд, Аугсбург, Норлинген (Нёрдлинген), Ульм, Констанц, Базель, Страсбург, Менц (Майнц), Кельн…». Повсюду они «любовались всеми вещами, о каких, Фортунат весьма подробно записывал». В дальнейшем любознательные путешественники попадают во Фландрию, в Лондон, столицу английского короля, в шотландский город Одвюрк (Эдинбург), в Кале, Париж, в Сарагоссу, столицу королевства Арагонского, в Лиссабон, Севилью, Гранаду,

Константинополь, Александрию и т. д. Автор охотно сообщает о расстояниях, какие надлежит преодолеть путнику. Так, читатель узнает, что Париж расположен в 50 милях от Кале, а «от Парижа до Бианы (Байонны), расположенной на море, 75 миль. От Бианы до Памплиона (Пампилоны), столицы королей наваррских, 25 миль» и т. п. Упомянув Лондон, автор не забывает отметить, что в столицу Англии «со всего света съезжались купцы», чтобы вершить там свои дела.

Герои средневековых рыцарских романов также не любили сидеть на месте. Только в погоне за рыцарскими подвигами они не останавливались на географических и этнографических деталях своих странствий. К тому же и легендарное царство короля Артура, по которому они обычно продвигались, не имело реальных границ и точных временных признаков. Это было, говоря словами сказки, некое царство, некое государство. И уж конечно, среди дорожных вещей странствующего рыцаря мы тщетно будем искать записную книжку, которую имел при себе любознательный Фортунат, аккуратно записывавший в нее «всех королей и герцогов», светских и духовных магнатов, через земли которых он проезжал, равно как и обычаи, привычки и вероисповедание, а также разные сведения о людях, с которыми он встречался «и каково всякого ремесло». Записная книжка так умиляет автора «Фортуната», что он дважды упоминает о ней в своем произведении.

И разумеется, этот интерес к земным реалиям, в частности к торговым связям и ремеслу, так понятен в книге, сложившейся в вольном городе Аугсбурге, который в XV и XVI вв. являлся одним из наиболее развитых торгово-промышленных и культурных центров Германии. Хорошо известно, как велик в эпоху Возрождения был интерес широких читательских кругов к многообразному земному миру. Огромный успех немецкой «Космографии» Себастиана Мюнстера (1543), содержавшей сведения о странах и народах мира, переведенной на многие языки и выдержавшей за столетие 24 издания, на это указывает с большой ясностью. Народная книга о Фортунате, при всей откровенной сказочности своего сюжета, уже впитала в себя новые веяния. То и дело она готова приблизиться к географическому атласу, раскрыть перед читателем широкую панораму западных и восточных стран.

Во-вторых, герои романа – а это киприот Фортунат и его младший сын Андолозий – вовсе не были знатного происхождения. Фортунат происходил из семьи «почтенного горожанина старинного рода, его родители оставили ему великое богатство…». Только богатство это отец его среди суетных развлечений с годами утратил. Для Фортуната начались трудные дни, исполненные лишений и испытаний, пока где-то на севере Франции в дремучем лесу, столь же обширном и диком, как Богемский или Тюрикгский лес, он не повстречал чудесную Деву – Повелительницу счастья, решившую облагодетельствовать удрученного путника. Сказала она: «Не пугайся, Фортунат, я – Дева, Повелительница счастья, и при особом стечении на небе звезд и планет дано мне повелевать шестью сокровищами, коими я могу награждать – одной, двумя либо всеми вместе, сообразно часу времени и совпадению планет. Сокровища эти – мудрость, богатство, сила, здоровье, красота и долголетие. Выбирай себе одно из шести и не медли, ибо время награждать счастьем вскоре истекает». Не долго мешкая, Фортунат избрал богатство, получив от Девы волшебный кошель, всегда наполненный золотыми монетами.

Привыкший с детских лет к нищете, Фортунат получил то, что ему казалось самым нужным. Теперь у него и у его сыновей было все в изобилии.

Однако у этих потомственных бюргеров, уроженцев «великолепного» города Фамагусты, было неодолимое тяготение к рыцарству, стоявшему на более высокой ступени социальной лестницы. Находясь на службе у графа Фландрского, Фортунат успешно выступает на турнире. Увлеченность рыцарством и его обычаями еще сильнее сказывается у Андолозия. Став приближенным короля Испании, он «повел дружбу со знатью», «сражался, и гарцевал, и бился во всех рыцарских состязаниях… И служил он королю столь усердно, что тот всецело проникся к нему любовью, ибо Андолозий во всех битвах был впереди, во главе войска, и совершил множество ратных подвигов, так что король посвятил его в рыцари».

Тут, а также в ряде других моментов народная книга о Фортунате и его сыновьях соприкасается с рыцарским мифом, придающим ей нарядность и даже пышность в фиксации богатых одежд, придворных празднеств и женской красоты. Вместе с тем книга не стала апологией рыцарства и его элитарных добродетелей. В ней все время ощущается

бюргерский дух. При всем своем сказочном богатстве Фортунат не пренебрегает интересами торговли. Его купцы успешно проводят свои торговые операции в Александрии, во владениях Вавилонского султана, принося великие убытки торговцам из Венеции, Флоренции и Генуи, бойко торговавшим в тех местах. Автор книги не упускает возможности сообщить об этом своим немецким читателям. В другом месте он рассуждает о том, почему немецкие купцы не едут за ценными товарами в Индию и иные далекие земли. Вопросы, связанные с международной торговлей, его явно занимают.

Впрочем, если Фортунат и особенно Андолозий преклонялись перед знатью, то этого все-таки нельзя сказать о создателе книги. Ведь часто за внешним блеском представителей феодальных кругов, изображаемых в «Фортунате», нет достойных человеческих качеств. Они корыстны, надменны и вероломны. Даже английский король более интересуется исчезнувшими драгоценностями, нежели трагической судьбой своего приближенного, ибо, «где речь идет о богатстве, там всякая любовь кончается». Феодальный произвол изображен в эпизоде с Лесным графом, который готов обобрать и даже убить Фортуната на том основании, что тот не знатного рода. И даже английская принцесса Агриппина, которая пленила Андолозия своей замечательной красотой и аристократическим вежеством, по наущению алчной матери как проворная авантюристка захватила волшебный кошелек молодого влюбленного. И хотя с помощью сказочных плодов и волшебной шапки, которую в свое время Фортунат забрал у Вавилонского султана, Андолозию и удалось вернуть драгоценный предмет, жизнь его вскоре завершилась трагически. Два подлых графа, высокомерных и корыстных, – граф Теодор Английский и граф фон Лимози с Кипра, воспылавших к Андолозию великой ненавистью из-за того, что он, не будучи отпрыском феодальной знати, покорял сердца людей и утопал в богатстве, схватили его, бросили в глубокое подземелье замка, терзали, отобрали злополучный кошелек и наконец убили. С гибелью Андолозия завершается в книге история семьи Фортуната.

Перед нами своего рода роман-притча, состоящий из многочисленных эпизодов, связанных единой мыслью. Книга должна дать ответ на вопрос: удачен ли был выбор Фортуната, который мудрости предпочел богатство? И читатель по воле автора неизбежно приходит к выводу, что выбор Фортуната был ошибочным. Ведь

прошло совсем немного времени, как Фортунат столкнулся с алчным Лесным графом, который чуть не погубил его. Тогда впервые Фортунат понял, на какой роковой путь он вступил. «О, несчастный я человек, – воскликнул он, – когда мог я выбрать одно из шести сокровищ, почему я не предпочел мудрость богатству, тогда я не очутился бы ныне в великой беде и опасности», И в дальнейшем Фортунат не раз возвращался к этой горестной мысли. Страшная гибель Андолозия подвела последнюю черту под судьбой семейства Фортуната.

Не следует полагать, что автор народной книги являлся поборником средневекового аскетизма, что скудное существование анахорета он готов был предпочесть радостям земной жизни. Вовсе нет. Он, несомненно, был человеком нового времени, отнюдь не чуждавшимся этих радостей, Его привлекают нарядные празднества, пестрый калейдоскоп стран и народов, многоликая природа. И богатство он не отвергает. Только богатство не должно попирать человеческую мудрость. Ведь кошелек, наполненный золотом, всего лишь бездушный предмет, в то время как мудрость – это и есть человек. Кошелек может быть похищен, а мудрость никто похитить не может. И автор в заключение призывает людей не вступать на ложный путь. «… Не раздумывай долго, и следуй разуму, а не своей дерзкой и прихотливой душе, и выбери мудрость вместо богатства, как и совершил Соломон, благодаря чему стал он богатейшим королем на свете».

За сказочными декорациями «Фортуната» отчетливо проступают очертания весьма реального мира стяжательства, погони за богатством, всего того, что сопутствовало быстрому подъему немецких городов в XV и XVI вв. В круговорот сребролюбия вовлечены бюргеры, дворяне, клирики и короли. Даже любовь, которая в средневековом рыцарском романе занимала такое заметное, а то и главенствующее место, сопрягается в «Фортунате» с меркантильным расчетом.

Дочь кипрского дворянина выдали замуж за отца Фортуната, «даже не осведомившись о том, что он за человек, а положившись на ходившую о нем славу, будто он весьма богат…». К добру это, однако, не привело. В свой черед разбогатевший Фортунат по воле короля взял себе в жены дочь одного графа, и тут богатство сыграло огромную роль. Сын Фортуната Андолозий, домогаясь одной знатной дамы, готов был купить ее близость за тысячу крон, но дама ловко его

обманула. Обманула его и принцесса Агриппина, получившая от него также тысячу крон. Хитрость и ловкость не раз возникают на страницах романа, сообщая ему шванковые черты. При этом хитрят, обманывают, присваивают чужое добро не только закоренелые грабители, но и прекрасные дамы высокого ранга. Кстати, ведь и сам Фортунат очень ловко обобрал Вавилонского султана, похитив его волшебную шляпу, с помощью которой можно было переноситься в любое место. Но с басурманом нечего было церемониться.

Отношение к богатству, к золоту не было в романе, как уже отмечалось, однолинейным. Золото способно украсить жизнь, сделать ее более разнообразной и нарядной. Оно отправляет купцов в далекие плавания, расширяет границы известного мира. Оно заявляет о себе в красивых нарядах, в блеске самоцветов, в убранстве пиршественного стола. Но оно же способно пробудить в человеке и самые темные инстинкты, несовместимые с мудростью, чтить которую призывает автор «Фортуната». В погоне за золотом люди превращаются в преступников, грабителей и убийц. В связи с этим в роман вплетены три кровавые «уголовные новеллы». Первая из них повествует о том, «как злодей Андреан убил дворянина, бросил его тело в выгребную яму и бежал прочь» и как были казнены невинные люди, заподозренные в преступлении. Вторая новелла повествует о том, как хозяин постоялого двора в Константинополе, покушавшийся на богатство Фортуната, был заколот Люпольдом – верным спутником Фортуната. И наконец, в третьей новелле излагается история трагической гибели Андолозия, ограбленного и убитого в замке графа фон Лимози, а также колесование обоих графов по приказу возмущенного короля.

По своему художественному составу книга о Фортунате многообразна и многоцветна. Сказочные эпизоды свободно переплетаются в ней с выразительными и точными бытовыми зарисовками. Рыцарские турниры и пиршества уступают место мрачным преступлениям, совершаемым из алчности. То автор торжественно возвещает, что Андолозия «поразил ангел любви», и тут же через несколько строк как бы опускается с куртуазной высоты на купеческое торжище, замечая, что возвратился Андолозий домой, «отягченной любовью более, нежели верблюд, на каком перевозят перец из Индии в Алькеир и какого порой тяжко нагружают».

Да и сам автор книги, пожалуй, напоминает энергичного купца, бороздящего просторы мира и повсюду находящего то, что представляет для него интерес. Ведь в «Фортунате» можно найти множество отзвуков различных сказок, легенд и занимательных историй как Запада, так и Востока. Тут и популярное в Ирландии средневековое сказание о чистилище св. Патрика, привлекшее впоследствии внимание великого испанского драматурга Кальдерона. Любопытно отметить, что в народной книге оно дает материал для рискованного приключения, лишенного всякого мистического порыва. Речь здесь идет всего только о глубокой пещере, в которой любознательный Фортунат и его спутник заблудились. Тут и распространенное в середине века сказание о легендарном пресвитере Иоанне, владеющем обширными территориями Индии. К восточным сказкам восходят волшебные кошелек и шапка, играющие такую большую роль в народной книге. С Востока в книгу проник и сказочный мотив, использованный позднее Гауффом в сказке «История о маленьком Муке». Это волшебные плоды, от которых растут и исчезают длинные рога на голове людей (у Гауффа – уши).

Увлекательная книга, содержавшая обличительные и нравоучительные тенденции, имела заслуженный успех у широких читательских кругов. В XVI в. она выдержала 18 изданий. К XVII в. относятся 11 и к XVIII в. – 9 изданий.

Среди немецких народных книг XV–XVI вв. весьма заметное место занимают книги комического, нередко обличительно-комического характера. Выше уже приводилось сочувственное мнение о них молодого Ф. Энгельса, ценившего естественный задор, крепкое остроумие этих веселых побасенок. Далекие от рыцарского мифа и изысканного куртуазного романа, они вобрали в себя терпкие соки народной смеховой культуры, которая еще в середине века врывалась в сборники насмешливых шванков, наполняя их площадным весельем, шутовским острословием, шумом и гамом.

Собственно, таким сборником залихватских шванков и была веселая книжка о Тиле Уленшпигеле и его озорных похождениях, оставившая глубокий след в европейской литературе ряда веков. Первое дошедшее до нас издание «Уленшпигеля» было напечатано на верхненемецком языке в Страсбурге в 1515 г. Но оно вовсе не являлось первой публикацией книги. В основе этого издания лежала

несохранившаяся нижненемецкая обработка «Уленшпигеля», напечатанная в 1500 г. в Любеке, которая в свой черед восходила к более раннему любекскому нижненемецкому тексту (1478). Есть основания утверждать, что в основе этого варианта все же лежал верхненемецкий текст, появившийся, вероятно, около 1450 г. К верхненемецкому варианту и вернулась книга в 1515 г. Что касается раннего варианта, то мы можем судить о нем на основании английского и нидерландского переводов, сделанных с утраченных текстов.[136]

Подобно доктору Фаусту, Тиль Уленшпигель (или Эйленшпигель) не был вымышленной фигурой. Согласно преданию, он жил в Германии в XIV в. Как местную достопримечательность в XVI в. в Мёльне (Шлезвиг) показывали его надгробье с изображением совы (Ule) и зеркала (Spiegel). Выходец из крестьянской семьи, Тиль был неугомонным бродягой, балагуром, пройдохой, озорным подмастерьем, не склонявшим головы перед власть имущими. Именно таким запомнился он простым людям, любившим рассказывать о его проделках и дерзких шутках. Со временем из этих рассказов сложился сборник веселых шванков, в дальнейшем пополнявшийся анекдотами, заимствованными из различных книжных и устных источников. Тиль Уленшпигель становился легендарной собирательной фигурой, подобно тому как на Востоке такой собирательной фигурой был Ходжа Насреддин. Дополнить сборник не составляло особенного труда, так как к началу XVI в. в немецкой литературе уже немало было книг, посвященных проделкам находчивых сорванцов и плутов.[137] Прообразы Тиля можно было найти в «Попе Амисе» Штрикера (ок. 1250) и в «Попе из Каленберга» (ок. 1400**).** Во всяком случае, составитель народной книги о Тиле Уленшпигеле, напечатанной в 1515 г., не скрывает того, что жизнеописание Тиля он дополнил «некоторыми историями о попе Амисе и попе Каленберге» (предисловие). Здесь также следует упомянуть народную книгу «Саломон и Маркольф» (1487) и «Баснословную жизнь Эзопа», переведенную в XV в. Г. Штейнхевелем. Подобно Тилю Уленшпигелю, простолюдины Маркольф и Эзоп насмехаются над своими господами, переворачивая смысл их приказаний, фигуральные выражения толкуя буквально. Уленшпигель питал к этим проделкам неодолимую склонность.

Так, нанявшись в Берлине в услужение к одному скорняку, он вместо того, чтобы шить волчьи шубы, которые хозяин простодушно назвал «волками», изготовил множество волчьих чучел, набитых сеном, нанеся тем самым мастеру большой материальный урон (ист. 53). В другой раз, выполняя указания портного: «Вот, прикинь-ка рукава к кафтану, а потом и в постель», Уленшпигель всю ночь кидал рукава в кафтан, истратив ради этого несколько свечей (ист. 47).

С ранних лет склонен был Тиль возмущать спокойствие патриархальной Германии. Еще будучи совсем маленьким, приводил он в негодование односельчан, показывая им голый зад (ист. 2). Повзрослев, он довел до драки две сотни парней, намеренно перепутав их башмаки (ист. 4), и т. п. Озорство его стало его естественной стихией. Оно было ему столь же необходимо, как рыцарские авантюры героям куртуазного романа. При этом смекалка заменяла ему рыцарское копье. Сообразительный плебей все время добивался успеха в столкновении с обстоятельствами. Неиссякаемое озорство, которое даже почтительно названо в книге «сказочным» (ист. 72), поднимало Тиля над тусклыми житейскими буднями. Он сам о себе и о своем нраве ясно сказал одной женщине, которая однажды уже пострадала от его проказ: «Что верно, то верно – если он куда-нибудь придет, так не уйдет, не созорничав» (ист. 82).

Его озорство нередко результат свободной игры ума, намеренно ищущего преград и препятствий. Бросая вызов средневековому обществу, Уленшпигель в шутовстве находит драгоценную свободу. Он воплощение неоскудевающей народной энергии, изобретательности и вольнолюбия. Его шутки и забавы несут в мир апофеоз личной инициативы, ума и бурного жизнелюбия.[138]

И вот в книге один плутовской шванк быстро следует за другим. Их смена обычно мотивирована тем, что изменилось местопребывание Уленшпигеля. На новом месте, где Уленшпигеля еще недостаточно знали, он обращается к новым проделкам. То он в родном Кнетлингене, то в городе Штрассфурте, то в окрестностях Магдебурга, то в самом Магдебурге, то в Хилъдесхейме, то в прославленном Нюрнберге и т. д. Количество шванков все умножается. Среди них мелькают истории, приобретшие особенную известность. Это рассказы о том, как Уленшпигель обещал совершить полет с крыши (ист. 14), как без помощи лекарств он излечил всех больных в

госпитале (ист. 17), как он для ландграфа Гессенского рисовал невидимую картину (ист. 27), как в пражском университете он вел диспут со студентами (ист. 28), как он учил осла читать (ист. 29), как у портного он шил под кадкой (ист. 47), как он обманул слепых (ист. 70), как он со скупым хозяином расплатился звоном монеты (ист. 89) и др.

Нередко его проделки являлись укором скупости и жадности, оскорбительной для бедняка-плебея (ист. 10). Занимая место на низших ступенях социальной лестницы, Уленшпигель мстил тем, кто готов был унизить его человеческое достоинство. Так на свой гробианский манер отомстил он одному благочестивому богачу, который, презирая шутов и скоморохов, не желал пригласить его к себе в гости (ист. 76).

Нельзя сказать, что Уленшпигель был всегда бескорыстен в своих проделках. Нищий бродяга знал цену деньгам. Замечательная находчивость и изобретательность помогали ему на время расставаться с нищетой. Четыреста гульденов получил он за невидимую картину с доверчивого ландграфа Гессенского (ист. 27). Много пожертвований собрал он, выдавая себя за странствующего продавца реликвий, всюду показывая какой-то череп, якобы принадлежащий святому Брандану. Еще больше денег ему перепало, когда он начал собирать на построение храма у добродетельных женщин. Желая прослыть добродетельными, дурные жены проявляли особую щедрость, и Уленшпигель «получал самые богатые пожертвования, о каких прежде и не слыхали» (ист. 31).

Впрочем, главный смысл приведенных шванков заключается в их сатирической направленности. В первом случае народная книга насмехается над раболепием придворной знати, которая, заботясь о своем происхождении, готова увидеть живописное изображение княжеской родословной там, где была всего лишь пустая белая стена. Второй шванк представляет собой выразительную зарисовку из жизни предреформационной Германии, когда по стране бродили ловкие обманщики, с выгодой для себя пользовавшиеся простодушием верующих.

Атмосфера десятилетий, непосредственно предшествующих реформации, переросшей в Великую крестьянскую войну, ощущается в народной книге. На ее страницах неоднократно появляются фигуры католических клириков, достойных осуждения. Попы погрязают в

чревоугодии (ист. 37) и алчности (ист. 41), нарушают законы целибата (безбрачия), разглашают тайну исповеди (ист. 38), охотно принимают участие в мошеннических проделках (ист. 67). Упоминаются в книге рыцари-грабители, от которых на рубеже XV и XVI вв. сильно страдали немецкие города. К одному такому «благородному господину» Уленшпигель даже поступил на службу, и тот разъезжал вместе с ним «по многим местам, заставляя грабить, красть, отнимать чужое, как было в его обычаях» (ист. 10). С какой ненавистью горожане относились к этим феодалам-грабителям, ясно уже из первой главы народной книги, где упомянут замок Амплевен, который был магдебуржцами с помощью жителей другого города разрушен «как вредное разбойничье гнездо».

О неустройстве, царящем в германской империи, прямо говорится в известном шванке об очечном ремесле (ист. 62). Как-то раз Уленшпигель начал выделывать очки и на вопрос трирского епископа стал жаловаться на упадок очечного ремесла. По его словам, это ремесло стоит на пороге гибели, потому что «высокие господа, папы, кардиналы, епископы, император, короли, князья, советники, правители, судьи во всех городах и весях (спаси их господь!), в нынешнее время смотрят сквозь пальцы на то, что законно или незаконно, и это порой зависит иногда от денежных даяний». Иное было в прежние времена, когда на земле царили закон и правда. Тут нельзя не вспомнить призывы народной оппозиции накануне Великой крестьянской войны вернуть страну «к старой правде», т. е. к временам более справедливым, когда трудовому люду жилось не столь тяжко. Эти призывы начали звучать уже в XV в., по мере того как в Германии поднималось народное движение, направленное против возрастающего феодального произвола.

Герой народной книги неугомонный Тиль Уленшпигель не связывал свою судьбу с этим движением, с мятежными тайными обществами, возникавшими в Германии еще в XV в. («Бедный Конрад», «Башмак» и др.). Лихой бродяга, шут, фигляр, озорник, он, как вольная птица, перелетал с места на место, нигде долго не задерживаясь. Он не был участником политической борьбы, хотя и сочувствовал обездоленным, к числу которых сам принадлежал. И озорство его подчас бывало просто озорством, лишенным осознанной

цели. К тому же оно довольно часто выступало в гробианской форме, содержащей немалую долю цинизма.

И все-таки проделки Уленшпигеля обладали немалой взрывчатой силой. Они бросали вызов куртуазным традициям, продолжавшим заявлять о себе в немецкой литературе, а также расшатывали устои патриархального мира, под благолепным покровом которого скрывались рутина и социальная несправедливость, основанная на господстве имущего над неимущим. В этом плане весьма примечательны многочисленные шванки, в которых Уленшпигель выступает в качестве подмастерья, сводящего счеты со своими хозяевами. В шутовскую форму обличен здесь социальный протест, имевший вполне реальную историческую основу. Ведь, подобно Уленшпигелю, немецкие подмастерья XV и XVI вв. протестовали против чрезмерно длинного рабочего дня, против ночной работы, плохой пищи, низкой оплаты и т. п. Первая «производственная» история (ист. 19) в народной книге повествует о том, как Уленшпигель в Брауншвейге нанялся подмастерьем к пекарю и в отместку за то, что тот заставил его работать всю ночь, испек ему взамен хлеба мартышек и сов. В следующий раз в деревне Ульцен хозяин вновь заставляет Уленшпигеля работать всю ночь. Тот должен просеивать муку, чтобы к раннему утру все было готово. При этом в огне мастер ему отказал, предложив проводить работу в свете месяца. И Уленшпигель сеял муку во дворе, где светил месяц (ист. 20). В Ростоке у кузнеца Уленшпигеля вновь ожидала ночная работа, и он отплатил хозяину тем, что пробил в потолке большую дыру (ист. 39). Забавным образом отплатил, Уленшпигель портному, заставившему его работать в то время, когда он сам отправился спать (ист. 47). В Стендале Уленшпигель отомстил суконщику, заставлявшему подмастерьев работать полную неделю без выходных дней (ист. 50). А в одной деревне он отплатил скупому кузнецу, предложившему ему питаться из выгребной ямы (ист. 40). В своей ненапечатанной статье «К вопросу о народной книге XVI века о Тиле Уленшпигеле» (1953) Р. В. Френкель пришла к выводу, что «шванки» о Тиле-подмастерье отразили острую социальную борьбу между ремесленниками-мастерами и их подмастерьями. Тиль действует в них за собственный страх и риск, но требования, которые он отстаивает, – право на свободный от работы день раз в неделю, отмена ночной смены работы, ограничение работы при свечах,

получение доброкачественной пищи – являлись обычными требованиями подмастерьев, которые они отстаивали в борьбе с мастерами, соединяясь в союзы, братства и товарищества».

В годы Великой крестьянской войны эти требования звучали особенно громко, зато после поражения народной революции Тиль Уленшпигель, продолжавший появляться на страницах немецких шванков, утратил свои мятежные чувства. Он стал заурядным гулякой, обжорой и лентяем. Таким изобразил его И. Фишарт в своем «Новом рифмованном Эйленшпигеле» (1572). Правда, немецкий сатирик конца XVI в. не уставал бичевать пороки, процветающие в германской империи. Последняя представляется ему царством плутов, из которых особенно выделяются ростовщики, приносящие огромный ущерб народу. Бичует он также алчных чиновников, купцов, утопающих в роскоши, невежественных врачей, католических попов и монахов.

И только великий бельгийский писатель XIX в. Шарль де Костер, правильно уловивший мятежный дух неугомонного Тиля, в замечательном романе «Легенда о Тиле Уленшпигеле и Ламме Гудзаке» (1867) превратил героя народной книги в смелого борца за общее дело.[139]

Об огромном успехе народной книги свидетельствуют ее переводы на иностранные языки. Помимо английского, фламандского и голландского, «Уленшпигель» был переведен на языки французский, датский, шведский, латинский, чешский и польский, В конце XVIII в. книга была переведена с польского на русский язык.

На немецком языке книга только в XVI в. выдержала 16 изданий.

Как уже отмечалось выше, по словам Гёте, характерной особенностью народных книг являлась их дешевизна, их доступность широким кругам покупателей. И так было не только в конце XVIII в., но и в XVI в., когда народные книги пользовались особой популярностью. Занимательные истории светского характера, образующие основу немецких народных книг, печатались уже в XV в. Но это были обычно дорогие, «роскошные» издания большого формата, богато иллюстрированные тщательно выполненными ксилографиями, доступные только узкому кругу состоятельных любителей чтения. Они как бы подражали дорогим, великолепно оформленным рукописным книгам, обращенным к высшим слоям общества. По мере того как росли города и крепла бюргерская

культура, происходила демократизация книжного дела. Книгоиздатели начали выпускать книги, рассчитанные на массового читателя. Они печатались на дешевой бумаге в небольшом формате и украшались незатейливыми гравюрами, нередко переходившими из одного издания в другое и даже иногда не вполне соответствовавшими данному тексту. Чтобы устранить возможные нарекания, вместо указания года издания в книге иногда указывалось: «Напечатано в этом году».

В связи с возросшим спросом на дешевые книги предприимчивые издатели в Страсбурге, Аугсбурге, Франкфурте-на-Майне, Мюнхене и Нюрнберге начали снабжать ярмарочных продавцов ходовым товаром. Так, на ярмарках Германии появились «народные книги», охотно раскупаемые горожанами, а то и грамотными крестьянами. До нас дошел любопытный документ, дающий представление о том, как в XVI в. шла торговля этими книгами. Франкфуртский книгопродавец Михаэль Хар-дер отметил в своем торговом реестре, что в 1569 г. на ярмарке им продано около 2400 книг. Из них 233 – «Семь мудрых мастеров», 202 – «И в шутку, и в серьез», 196 – «Фортунат», 176 – «Магелона», 158 – «Мелузина», 157 – «Понт», 144 – «Гальми», 135 – «Октавиан», 118 – «Отврати печаль», 97 – «Гуг Шаплер», 85 – «Апполоний», 77 – «Уленшпигель», 70 – «Луцидарий», 56 – «Тристан и Изольда», 52 – «Флорио и Бианчеффоре», 39 – «Барбаросса», 37 – «Фиерабрас», 34 – «Роговой Зигфрид», 32 – «Маркольф», 39 – «Шильдбюргеры», 24 – «Оливье», 17 – «Герцог Эрнст», 18 – «Оливье и Артур», 8 – «Поп из Каленберга».[140]

Реестр М. Хардера дает живое представление о том, как бойко шла торговля народными книгами на немецких ярмарках XVI в., как разнообразны были запросы покупателей, проявляющих интерес и к сборникам популярных шванков, и к старинным героическим сказаниям, и к рыцарским любовным историям, и к волшебным сказкам.

И конечно, значение народных книг не только в том, что на протяжении столетий они являлись излюбленным чтением простых людей Германии, но и в том, что в истории немецкой литературы они занимают прочное место. С ними связана традиция, которую по справедливости можно назвать романтической. От «Прекрасной Магелоны», «Мелузины» и «Фортуната» с его волшебным кошельком через любовно-авантюрные романы эпохи барокко к писателям времен

романтизма тянутся прочные нити. Ведь не случайно «открытие» народных книг было совершено романтиками, непосредственно к ним обращавшимися. Другая линия литературного развития восходит к сборникам шванков, преодолевавшим «романтическое» двоемирие и прочно утверждавшимся среди земных реалий.[141] Такие книги, как «Уленшпигель», стояли у истоков реалистической немецкой прозы, поначалу еще весьма наивной, не знавшей сложных характеров. Ведь фигура Уленшпигеля лишена развития, с самого начала до конца она нарисована в контурной ксилографической манере. О движении времени мы узнаем только потому, что умножается количество похождений Тиля.

Вместе с тем уже в «Уленшпигеле» ясно намечены признаки бурной эпохи, завершившейся Реформацией. Да и сам Уленшпигель при всей его художественной статичности являлся воплощением неугомонной энергии, выступавшей чаще всего в форме плутовства. От народной книги путь перебрасывался к плутовским романам Гриммельсгаузена с незабываемой фигурой Симплициссимуса и его соратников, а затем и к другим произведениям немецкой литературы, в которых подчас скрещивались обе художественные линии.

Да еще и сейчас старинные немецкие народные книги могут привлечь читателя своей непосредственностью, наивной занимательностью и ярким вымыслом.[142]

Комментарии

Первое дошедшее до нас издание «Тиля Уленшпигеля» вышло в 1515 г. в Страсбурге: Till Eulenspiegel. Strassburg, bei Johannes Grieninger, 1515 130 Bl.

В 1519 г. тот же Гринингер опубликовал второе издание «Уленшпигеля». Эти издания украшены многочисленными гравюрами.

Настоящий перевод – первый на русском языке полный перевод текста памятника – сделан по тексту издания 1515 г., воспроизведенному в издании: Volksbücher des 16. Jahrhunderts. Eulenspiegel. Faust. Schildbürger / Hrsg. und erklärt von F. Bobertag. Berlin; Stuttgart: Verl. von W, Spemann, [1888], S. I–IV, 1 —144. (Deutsche National-Liteialur. 25 Bd.).

Книга о Тиле Уленшпигеле получила широкое распространение в Германии и за ее пределами, о чем свидетельствуют 120 изданий и переводов на европейские языки, вышедших за время с 1515 г. по середину XIX в. Многочисленны «ярмарочные» – лубочные – издания на дешевой бумаге, украшенные картинками. Книга печаталась *у* Гринингера и Фрелиха в Страсбурге, Круффтера и Ван Айха в Кельне, Ван Хохстратена в Антверпене, Мельхера Саксе в Эрфурте и у многих других издателей. В этих изданиях прибавилось около десятка историй, отчасти варьирующих старые, но расположение шванков, их заголовки, даже гравюры на дереве повторяли старейшее издание. В целом народная книга об Уленшпигеле сохранила характер и облик, свойственный страсбургскому изданию Гринингера. Таким образом, издание 1515 г. заняло место первоначального, не дошедшего до нас издания на нижнесаксонском диалекте (ок. 1480 г., Брауншвейг).

С середины XIX в. появляются научные издания «Уленшпигеля». В 1854 г. Й. Лаппенберг перепечатал текст издания 1519 г., сопроводив его многочисленными комментариями и обзорами: немецких изданий «Уленшпигеля», их переводов на иностранные языки, сведений об историческом Уленшпигеле, об источниках книги, о некоторых поздних, но близких по духу Уленшпигелю книгах и т. п.[143] Лаппенберг считает, что автором «Уленшпигеля» был известный писатель Томас Мурнер. В доказательство этого положения он

ссылается на издание брошюры 1521 г., в которой написано о Мурнере как создателе «также Уленшпигеля и других интересных книг» («auch den Ulenspyegei. und andere schöne Büchle mer).[144] (Выше уже упомянуто издание Ф. Бобертага.) В 1911 г. Э. Шредер публикует факсимильное воспроизведение издания 1515 г.[145] В 1952 г. В. Крогманн предпринимает попытку обратного перевода верхненемецкого текста на нижнесаксонский диалект.[146] Многочисленны перепечатки обновленного в языковом отношении издания, которое точно воспроизводит полный текст изданий 1515 и 1518 гг. и в то же время адресовано массовому читателю.[147] Это издание по возможности придерживается архаических оборотов речи и слов, заменяя их в некоторых случаях более новыми и понятными словами. Не претендуя на филологическую точность, издание сохраняет, однако, дух и старинную окраску народной книги XVÏ в.; оно снабжено небольшой статьей, примечаниями и приложением 9 шванков из позднейших изданий XVI в.

Интересно привести некоторые сведения о переводах «Тиля Уленшпигеля» на иностранные языки. Первые переводы появились на голландском языке (в 1520 – 1530-х годах), за ними последовали переводы на французский язык (в 1532 г.); на английском языке перевод появился до 1557 г., на датском языке вышел в 1571 г. Опубликован перевод также на латинском языке – в 1558 г. Первый перевод на польский язык появился в 1617 г. Этот перевод имеет особый интерес для русского читателя, поскольку он был положен в основу переделок «Тиля Уленшпигеля», издававшихся в России в конце XVIII в.[149]

Переводы на русский язык

Похождение нового увеселительного шута и великого в делах любовных плута, Совест-Драла Большого Носа: Ч. 1–3. Пер. с пол. и доп. с других языков. М., 1781. Ч. 1. 102 с; Ч. 2. 98 с; Ч. 3. 104 с. Переиздано также в 1785–1788, 1793 и 1798 гг. Первое издание, без указания года, вышло не ранее 1775 г.[148]

Тиль Ойленшпигель / Пер. Д. Дэре. – Тридцать дней, 1937, № 10, с. 39–43.

Вступительная заметка и перевод глав: Как Ойленшпигель в Праге, что в Богемии, диспутировал в университете со студентами и как все прошло очень хорошо; Как Ойленшпигель в Эрфурте научил осла читать книгу; Как Ойленшпигель выманил при помощи фальшивой исповеди у ризенбургского священника его лошадь.

Народная книга о Тиле Уленшпигеле / Пер. Б. И. Пуришева. – В кн.: Хрестоматия по западноевропейской литературе: Эпоха Возрождения / Сост. Б. И. Пуришев. М., 1947, с. 251–254. Вступительная заметка и перевод глав 2 и 56.

Вступительная заметка и перевод глав 2 и 56. – В кн.: Хрестоматия по зарубежной литературе: Эпоха Возрождения. Т. 2 / Сост. Б. И. Пуришев. М., 1962, с. 327–333.

Вступительная заметка и перевод глав 2, 28, 56 и 62.

Литература о «Тиле Уленшпигеле» на русском языке.

Тиль Эйленшпигель. – В кн.: Алексеев М. П., Жирмунский В. М., Мокульсккй С. С, Смирнов А. А. История западноевропейской литературы: Раннее средневековье и Возрождение / Под общ. ред. В. М. Жирмунского. М., 1947, с. 391–392.

Тиль Эйленшпигель. – В кн.: Алексеев М. П., Жирмунский В. М., Мокульский С. С, Смирнов А. А. История зарубежной литературы: Раннее средневековье и Возрождение / Под общ. ред. В. М. Жирмунского. М.: Учпедгиз, 1959, с. 335.

Тиль Эйленшпигель. – В кн.: Алексеев М. П., Жирмунский В. М., Мокульский С. С, Смирнов А. А. История зарубежной литературы: Средние века. Возрождение. 3-е изд. М., 1978, с. 317–319.

Пуришев Б. И. Очерки немецкой литературы XV–XVII вв. М., 1955.

«Тиль Эйленшпигель», с. 52–57. См. также по именному указателю.

История немецкой литературы: В 5-ти тт. М., 1962. Т. I. IX–XVII вв.

Занимательная книга о Тиле Уленшпигеле, с. 222–224.

notes

Примечания

1

Поп Амис – герой сборника стихотворных шванков, принадлежащих австрийскому поэту Штрикеру (1-я половина XIII в.), повествующих о похождениях плутоватого попа Амиса; *поп Каленберг* – герой устных рассказов, собранных и – переложенных в стихи Филиппом Франкфуртером из Вены (в середине XV в.) под названием «История пастыря из Каленберга». Оба эти литературных персонажа – предшественники шута и плута Тиля Уленшпигеля, который под маской дурака высмеивает все сословия и ниспровергает средневековые авторитеты.

Все истории, заимствованные из указанных источников, содержатся в первой трети народной книги. Составитель не называет других источников (см. примечания к отдельным историям). Все это дает повод думать, что предисловие было написано в начале создания народной книги об Уленшпигеле, содержание которой расширилось путем дальнейших переработок.

2

Мёльбе – лес в Брауншвейге (земля Саксония). В исторических источниках встречаем название Мельме, а позднее его станут называть Эльм.

Здесь и далее географические места не вымышлены. Жизнь и похождения Уленшпигеля протекают в реальных селениях и городах Германии, а за ее пределами – в Богемии, Голландии, Польше, в Париже и Риме.

З

Амплевен – замок, расположенный в северной оконечности Эльмского леса. Дворянский род Утценов владел Амплевеном с 1360 г.

4

Имя *Тиль* – верхненемецкое «Till», нижненемецкое – «Thyle», «Dyl», – древнее, родственное англосаксенскому слову «tiad» (народ, от этого же корня происходит и слово «deutsch» – немецкий).

Имя Уленшпигель, ныне исчезнувшее в Германии, – верхненемецкое «Eulenspiegel», нижненемецкое «Ulenspiegel» – зафиксировано в различных документах в Брауншвейге и других местах Саксонии около 1335 г., позднее не встречается.

Как видно из первой истории, это фамильное имя героя, но может считаться и его прозвищем. Как показывает языковой анализ, его первоначальный смысл на нижненемецком диалекте складывается из слов «eulen» (чистить, прибирать, подметать) и «Spiegel», что означает заднюю часть (корму корабля, хвост животного). Можно понять, что это была карнавально-насмешливая, грубая кличка, под стать многим шванкам этом народной книги.

Народная этимология преобразила нижнесаксонскую кличку, истолковав ее первую часть как «Ule» – «сова» – символ мудрости, а «Spiegel» – как «зеркало», по его основному значению в немецком языке.

Так возникло прозвание Уленшпигель – «Совиное зеркало», что обычно толкуется как мудрая и вместе злорадная насмешка над человеческой глупостью, отраженной в зеркале.

Позднее, по законам немецкого языка, оно стало произноситься «Eulenspiegel» – Эйленшпигель. Сова, держащая зеркало, стала эмблемой героя книги (см. ист. 40 и 94).

5

Это произошло в 1425 г.

6

Арнольд Пфафенмайер – был настоятелем монастыря св. Эгидия около 1500 г

7

Подобный обычай бытовал в нижненемецких землях.

8

Папа Николай I по преданию строго соблюдал посты еще в грудном возрасте. День его поминовения – 13 ноября.

9

Папа Мартин, памятный щедростью к беднякам, умер 12 ноября. В этот день принято есть жареных гусей. Шутка Уленшпигеля сегодня не совсем понятна. Смысл ее, как кажется, в том, что бедняк день сыт, а день постится, смотря по обстоятельствам и святых себе выбирает (см. также ист. 6 и 76).

10

У этой истории есть параллель во французской поэме XV в. «Даровая еда», состоящей из семи стихотворений новеллистического характера, объединенных общим прологом. Это произведение долгое время приписывалось выдающемуся французскому поэту Франсуа Вийону (род. в 1431 г.).

11

Шиллинг – звонкая монета, равная 10 грошам или 1/20 фунта серебра.

12

Пшеничное поленце (Weckbrot) – белый хлеб продолговатой формы. Здесь имеется в виду колбасный суп, или похлебка, в которую намешаны кусочки белого хлеба (ср. ист. 43, где Уленшпигель, приготовляя суп, нарезает в кастрюлю ломти хлеба).

13

По народным представлениям собака ест траву в качестве рвотного средства.

14

Игра слов – «Henep», означающее коноплю, и «Senep» – горчицу, – чисто диалектная, понятная только в нижненемецких землях.

15

Согласно древнейшему нижненемецкому судебнику, «Саксонскому зерцалу» (ок. 1270), преступника за разбой карали мечом. Казнь через повешение более поздняя, что как будто указывает на позднейшую датировку этой историй, хотя вся сопутствующая обстановка больше отвечает XIV в., времени исторического Уленшпигеля.

16

Т. е. добывают пропитание разбойничьими набегами.

17

В Северной Германии крестьяне сами при посредстве священника нанимали церковнослужителей – дьячка, псаломщика, пономаря.

18

Стихарь – нижнее облачение священника во время церковной службы.

19

Описание религиозного действа в этой истории отражает первые шаги средневекового драматического искусства, каким оно было в XIII и XIV вв. К 1500 г. «пасхальные игры», или «мистерии», были куда более сложными.

20

История заимствована из «Попа Каленберга».

21

Бруно, граф Кверфуртский. – Немецкие филологи считают, что имя Бруно стоит ошибочно, а имеется в виду Буркхардт фон Кверфурт, бывший в 1307–1325 гг. магдебургским епископом. Его расположение к шутам и потешникам подтверждается современными источниками.

22

Гройенштейн – правильно Гибихенштейн – поместье и резиденция Магдебургских епископов близ Галле.

23

Пейн – теперь город близ Ганновера.

24

Розенталь – деревня в нескольких километрах от Ганновера.

25

Внебрачные дети знатных рыцарей, не будучи приняты в рыцарское сословье, все же живут в замке, где выполняют различные службы.

26

Колдинг – правильно Колдинген – деревня близ Ганновера. Шутка Уленшпигеля заключается в том, что это название одного корня с нижненемецким «Kold» – «холодно».

27

Сюжет этой истории заимствован из «Попа Амиса», где действие происходит при лотарингском дворе; появляется он также во французских фаблио XIII в. (жанр реалистического стихотворного рассказа, аналогичного немецким шванкам) (см.: Фаблио «О вилланелекаре» / Пер. С. Вышеславцевой. – В кн.: Фаблио: Старофранцузские новеллы. М. 1971.)

28

Копье считалось символом госпиталя и напоминанием о страданиях, перенесенных Христом.

29

Гульден – в средние века золотая монета и денежная единица Германии, Австрии и некоторых других соседних стран.

30

Пфенниг – германская мелкая монета, равная 1/100 марки.

31

Смысл истории в том, чтобы опровергнуть приведенные слова. Заметно их сходство с началом евангельской притчи: «Ибо кто имеет, тому дано будет и приумножиться, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет» (Матф. гл. 13, 12).

Вряд ли можно считать это простым совпадением. Ср. ист. 19, где Уленшпигель говорит: «Милая матушка, у кого ничего нет, тому надо что-нибудь дать, а у кого есть что-то, надо что-нибудь отнять». Это перифраз всей приведенной притчи. Во времена Народной книги она могла стать расхожей пословицей.

32

Эта проделка Уленшпигеля описана в 15-й истории, следовательно, 18-я должна была идти за ней. Составитель, переработавший Народную книгу, нарушил первоначальный порядок, вставив 16-ю и 17-ю истории.

33

Это первая история о Тиле-ремесленнике. Место действия их – Нижняя Саксония. Эти шванки (19–20, 39–40, 42 – *55*, 61–62) в большинстве построены по одному образцу: Уленшпигель нанимается в подмастерья к мастеру (пекарю, кузнецу, скорняку, портному и т. п.) и в отместку за дурное обращение хозяина (насмешки, плохую пищу, приказ работать по ночам, в праздники, без свечей) портит инструмент, материал или готовый товар, принадлежащий хозяину. Этот сюжет социален и коренится в противоречиях внутри городской ремесленной среды, между мастерами и подмастерьями, отражает их борьбу, достигшую большого напряжения к началу XVI в., накануне Крестьянской войны в Германии (такое толкование принадлежит советскому ученому Н. Я. Берковскому).

34

Здесь описана типичная повторяющаяся ситуация: Уленшпигель буквально выполняет то, что ему приказывают, как это встречаем в сказках о дурачке, но делает это не по глупости, а злонамеренно, так, что, оставаясь формально послушным слугой, наносит вред своему хозяину. Известная схема сказочных сюжетов о договоре работника с хозяином в народной книге об Уленшпигеле наполняется совершенно новым бытовым содержанием.

35

На вывеске традиционное изображение дикаря, держащего в обеих руках герб Брауншвейга.

36

Накануне дня св. Николая устраивался веселый праздник школяров.

37

В Брауншвейге не было церкви св. Николая, а только посвященная ему часовня.

38

Ульцен – здесь ошибочно назван деревней, тогда как уже в 1270 г. получил статут города. Дальше говорится о бургомистре, что тоже могло быть только в городе.

39

Как и в 19-й истории, мастер велит Уленшпигелю работать ночью, кроме того отказывает ему в свечах. За это Тиль портит хозяйское добро (ср. также ист. 39 и 40).

Цеховые статуты XIV–XV вв. часто грозят штрафами за нарушение запрета работать ночью и в праздники. Запрещалось работать при свечах, что объясняется дороговизной осветительных средств. Но часто все запреты бывали вынуждены требованиями и борьбой самих подмастерьев. Богатый материал к исторической основе этой группы шванков дает работа: W*issel* K. Alten Handwerks Recht und Gewohnheit. B., 1929. Bd. I–IL

40

Граф Ангальтский – речь идет о графе Бернгарде II, который в 1318 г. принял княжеский титул и был вовлечен в различные усобицы.

41

Место действия этой истории – замок *Бернбург*. Во дворе его стоит башня, которой около тысячи лет. Она носит имя Уленшпигеля. Там же хранятся реликвии, будто бы принадлежавшие Уленшпигелю: черный бархатный камзол, осколки стеклянного рожка, плащ и глиняный кувшин.

42

История заимствована из «Попа Каленберга», где герой велит ювелиру отделать свои сапоги золотом.

43

Датский король – предположительно Кристоф II, умерший в 1332 г.

44

Действие этой истории происходит при дворе Казимира II (1333–1370).

45

Шпильманы – бродячие рассказчики, певцы, акробаты, клоуны, хранившие в своем творчестве традиции народного искусства.

46

Древняя статья, закона, записанная в нижненемецком судебнике «Саксонское зерцало».

47

Шиллинг – германская монета, равная 1/20 фунта серебра, тогда как пфенниг равен 1/240 фунта. Уленшпигель дал крестьянину в 12 раз меньше, чем он запросил.

48

Свободный человек пользуется правом убежища на собственной земле, так же как и между своих четырех столбов. Таким образом, эта история варьирует предшествующую. Возможно, след позднейшей переработки.

49

Ландграф – титул некоторых владетельных князей, в Германии в Средние века.

50

27 история заимствована из «Попа Амиса». См. отрывок из «Попа Амиса» (невидимая картина) пер. В. Дынник в кн.: Хрестоматия по зарубежной литературе средних веков. 2-е изд. / Сост. Б. И. Пуришев. М., 1975.

51

Алхимик – так в средние века назывались лица, искавшие способ превращать простые металлы в золото и серебро.

52

Маркграф – в средневековой Германии правитель пограничной области (марки). Прародительницей гессенских ландграфов считалась св. Елизавета Тюрингская (умерла в 1227 г.), она была дочерью венгерского короля Андрея.

53

Вся приведенная родословная вымышлена. Только Людовик Благочестивый, ландграф Тюрингский (умер в 1192 г.), является исторической личностью.

54

Лен – земельное владение в средневековом государстве, пожалованное одному феодалу (вассалу) другим, более крупным (сеньором). За это вассал обязывался нести военную или другую службу. Ленные владения по наследству переходили к детям вассала.

55

Сюжет этой истории заимствован из «Попа Амиса», но часто, помимо этого произведения, встречается в мировой литературе со времен античности.

56

Джон Виклиф (1324–1384) – выдающийся деятель, предшественник реформации в Англии. Его учение проникло в Германию и Богемию, где распространялось Яком Гусом (род. в 1367 г.). Последний был обвинен католической церковью и сожжен как еретик в 1414 г. Современные немецкие филологи считают, что указание на «добрых христиан» может быть понято как ироническое, поскольку вся история представляет собой пародию на схоластическую ученость и вводит народную книгу в русло предреформационной литературы.

57

Коллегия – название некоторых учебных заведений на Западе. Здесь имеется в виду университет.

58

Коллегиаты – студенты.

59

Questiones – вопросы *(лат.).*

60

Solvieren – солъеировать – разрешать, распутывать, от лат. solvere – растворять распускать. Этот и последующий абзац представляет собой сатиру на речь ученых схоластов, уснащенную латинскими, или переделанными из латинских словами. Так, «конкордировано» и «ординированно» – от латинских konkordare – «быть согласным» и ordinäre – «устанавливать, упорядочить» – здесь означает: они все согласились и установили такой порядок…

61

Педель – младший служащий в университете, надзирающий за поведением студентов.

62

Сюжет этой истории заимствован из «Попа Амиса», но широко известен в мировой литературе (Италия, Индия).

63

Деревня *Нигештеттен* – лежит юго-восточнее Зангерхаузена. Ошибочно стоящее в заголовке «в Зангерхаузене» могло быть поставлено издателем или кем-то переработавшим народную книгу.

64

Сюжет этой истории заимствован из «Попа Амиса», но встречается в европейских литературах – английской и итальянской. Особенно блестяще обработан Боккаччо (Декамерон, VI, 10).

65

Ветхий и Новый заветы – две части Библии – книги, содержащей мифы и догматы иудейской и христианской религий (причем Ветхий Завет признается священной книгой обеими религиями, а Новый Завет – лишь христианством).

Ноев ковчег – судно, в котором праведник Ной будто бы спас людей и животных от всемирного потопа. Относится к ветхозаветным легендам, так же как и «манна небесная», будто бы ниспосланная богом евреям, блуждавшим в пустыне. Уленшпигель перемешивает их с Новым Заветом, основой которого является Евангелие – легендарные рассказы о жизни и учении Христа.

66

Св. Брандан – ирландский святой, согласно легенде умер в 577 г. Чудесное путешествие, которое он будто *бы* совершил, описано в «Немецкой народной книге XV в.».

67

Свиной рынок – в Бамберге и по сию пору в этом месте находится рынок, но теперь он называется «Толкучим».

68

… *восточный, стало быть, житель…* – так называли немцев во Франции. В Риме это не соответствует географическому положению, так как Германия расположена севернее.

69

Дукат – с XIII в. венецианская золотая монета, впоследствии распространилась по всей Европе.

70

Canon missae *(лат.)* – часть мессы, которая начинается словами Sanctus domine – «Боже святый» – и кончается молитвой Pater noster – «Отче наш».

71

Уленшпигель именует папу тем прозванием, которым папа сам смиренно себя называет.

72

Мускус – ароматическое вещество.

73

По-видимому, ошибка составителя, поскольку эта история как раз и начинается с того, что Уленшпигель уже вернулся из Рима и дело происходит на ярмарке во Франкфурте.

74

Мессия – обещанный Ветхим заветом спаситель, которого христиане видят в Христе, а верующие евреи дожидаются.

75

Флорин – в XIII в. флорентийская золотая монета, имевшая хождение в странах Западной Европы.

76

Речь идет о монете с изображением св. Стефана которая чеканилась в Хальберштадтском епископстве.

77

Верхний Энгельсхейм – большое приходское село в Брауншвейгском герцогстве, расположенное между Вольфенбюттелем (резиденция герцога) и Хильдесхеймом, где находился женский монастырь.

78

Риссенбрюгге – приходское село на р. Риссе близ Вольфенбюттеля.

79

Ассенбург – ныне опустевший замок на небольшом горном хребте Ассен.

80

Здесь, как и в других историях, рассказчик обнаруживает прекрасное знание места действия и местных обстоятельств. Так, в 1354 г. поместье Ассенбург было заложено Брауншвейгскому магистрату и судебные власти Ассенбурга перешли к нему в подчинение.

81

Здесь, как почти во всех шванках о Тиле-ремесленнике, поводом к злым выходкам Уленшпигеля является приказ хозяина работать в ночное время либо в праздничный день.

82

Этот шванк отличается тем, что в нем прямо указывается на причины конфликта. Интересна и сама аргументация обеих сторон: и мастер и Уленшпигель ссылаются на «обычай».

83

Это объясняет, каким образом Уленшпигель может бросать одно ремесло и заниматься другим, переходить от одного мастера к другому, тогда как срок найма, оплата, продолжительность рабочего дня – все определялось цеховыми статутами. За самовольный уход до истечения срока найма (обычно полгода) работник наказывался штрафом, ему запрещалось поступать к другим мастерам, его могли даже вовсе исключить из данного цеха. Цеховые статуты XIII–XVI вв. говорят о жестокой борьбе между мастерами и подмастерьями – последние требуют права разрывать договор до срока найма.

Такую возможность давал обеим сторонам «испытательный срок», который указан во многих документах. Например, кузнецы городов Любек, Росток, Штральзунд, Люнебург в 1494 г. постановляют: «кто появился в городе впервые, нанимается сначала на 14 дней, если же пожелает далее остаться, нанимается на полгода». Уленшпигель уходит от мастера *до истечения предварительного срока*, и хозяин не может его за это наказать.

84

…он брал уголь или мел и рисовал сову и зеркало и писал сверху: «Hic fuit» – «здесь побывал» *(лат.).* См. также примеч. к 7-й ист.

85

В изданиях 1515 и 1519 гг. здесь пропущена одна история, но издатель, не замечая пробела, нумерует дальше по порядку, так что последняя по счету, 95-я история обозначена как 96-я.

86

См. ист. 88, откуда видно, что она должна была предшествовать 46-й, но ошибочно попала в конец книги.

87

Эйнбек славился своим пивом.

88

Серый крестьянский кафтан за его цвет прозвали «волком». Ср. с 53-й историей, где повторяется та же игра слов.

89

Этот шванк является ярким свидетельством борьбы подмастерий за установление еще одного свободного дня в неделю, кроме воскресенья, так называемый «добрый понедельник», или «голубой понедельник». В XV–XVI вв. с увеличением значения «товариществ» и «братств» – союзов подмастерий – понедельник становится, почти как правило, нерабочим днем, отводится для личных нужд, посещения бани, собраний обществ подмастерий и зачастую называется «Halbsonntag» – полупраздничный день.

90

Стендаль – в средние века славился производством сукон.

91

Мотив этой истории встречается во французской поэме «Даровая еда» (см. примеч. к ист. 6).

92

Развитый здесь мотив встречается как в поэме «Даровая еда», так и у итальянского писателя-гуманиста Поджо в его книге «Фацетии», написанной на латинском языке (1452). *Поджо* – зачинатель жанра фацетий – остроумных рассказов анекдотического и зачастую сатирического характера, отличающихся от новеллы своей краткостью.

93

Поскольку действие предшествующей истории происходит в Эрфурте (Тюрингия), логичнее было бы сказать «из земли Тюрингии», что и находим в позднейших изданиях народной книги. Дальнейшее пояснение, странно звучащее в наши дни, говорит о том, что Богемский лес в те времена был известен более, чем Дрезден.

94

Граф Супленбург – такого исторического лица не было. Немецкие филологи предполагают, что этот шванк приурочен рассказчиком к избранию в 1125 г. римским императором Лотаря II либо под этим именем выведен герцог Люксембургский, ставший королем Чехии, а в 1347 г, – императором Карлом IV.

95

Трирский епископ – возможно, что здесь выведен трирский архиепископ Болдуин (умер в 1354 г.), он был близорук, держал шутов и любил их проделки.

96

Генрих Гаменштеде – священник с таким именем действительно жил в Госларе и в 1496 г. был капелланом.

Возможно, что составитель народной книги об Уленшпигеле был его знакомцем и шутки ради вывел его в этой истории.

97

В заголовке этой истории стоит «в Париже» и говорится, что «один француз вырвал хвост у лошади». Возможно, что заголовок основывается на другой, не дошедшей до нас редакции.

98

Герда́у – большое приходское село к югу от Люнебурга.

99

Оба эти утверждения священника являются вымыслом

100

Эбсдорфский монастырь лежит на пути из Гердау в Люнебург. Пробст – духовник монахинь.

101

Древний мотив мировой литературы, встречается еще в «Панчатантре» – сборнике индийских басен и сказочных историй (VI в.), переведенном на немецкий язык в 1482 г.

102

Ульцен – город, расположенный к югу от Люнебурга, на судоходной в то время р. Ильменау, был местом оживленной торговли. Здесь уже в XIV в. оседали английские торговцы сукном. *Венды* – или винды – так в средние века немцы называли славян.

103

В Рейнской области находились монастыри ирландских монахов-бенедиктинцев.

104

Мотив этой истории часто встречается в средневековых шванках в фаблио.

105

Этот зачин нарушает известный план: «ганноверская» история вклинивается между 69-й и 71-й историями, действие которых происходит в Бремене.

106

Бремен в Нижней Саксонии, как косвенно можно понять из того что оттуда Уленшпигель вскоре приходит в Дитмаршен.

107

В Гамбурге был рынок с таким названием, что упоминается в документах 1353 г.

108

По старинному обычаю домашние праздники устраивались после Мартинова дня (см. примеч. к ист. 5).

109

Мотив этой истории с давних пор распространен в мировой литературе (Египет, античность, Италия).

110

Белый пфенниг – мелкая монета, в которой содержание серебра больше, чем меди (см. примеч. к ист. 17).

111

Эта история почти дословно заимствована из «Фацетий» тюбингенского гуманиста Генриха Бебеля (1472–1518). Три тома веселых, грубовато-сатирических историй, собранных и записанных Бебелем на латинском языке, вышли в 1508–1512 гг. (см. также примеч. к ист. 60)

112

Из следующей истории явствует, что дело происходит в деревне близ Штрассфурта.

113

В оригинале в заголовке ошибочно стоит «Любек».

114

В окрестностях Эйнбека такого населенного пункта нет, но несколько мест носят название Ольдендорф.

115

Мужской монастырь Цистерцианского ордена близ Хельмштетта, основанный в 1148 г.

116

Больница Святого духа…. – такая больница действительно существовала в Мёльне в XIII в

117

Бегинки и бегарды – женские и мужские общества, род низшего монашеского ордена в Германии и Нидерландах XII–XIV вв. Они не давали обета, но жили в монастыре, часто посвящали себя уходу за больными.

118

См. ист. 58.

119

Два различных изложения смерти Уленшпигеля (ист. 88 и 92) и три истории, посвященные его погребению (93, 94 и 95) показывают, что было несколько вариантов предания об Уленшпигеле, которые позднейшие «редакторы» соединили в народной книге.

120

В подлиннике «totenbaum» – буквально «погребальное дерево», а позднее стали называть еще «Stock» – «колода», что представляет собой выдолбленный древесный ствол, к которому плотно прибинтовывали покойника. Впоследствии это название перенесли на дощатый гроб.

121

Это противоречит заключительным шванкам книги (88–94), где говорится, как Уленшпигель заболел, умер и был похоронен в Мёльне (южнее Любека). В городе Мёльне и по сию пору у входа в церковь сохраняется надгробный камень с эмблемой Уленшпигеля, но относится он к XVII в. Если даже это копия старого памятника, раз рушенного во время 30-летней войны, то и он обязан своим появлением интересу, который вызвала народная книга об Уленшпигеле, и появился позднее ее. В XIV в. Северная Германия еще не знала надгробных памятников.

В свою очередь, в Люнебурге, по слухам, до 1880 г. можно было видеть на кладбище Марианской церкви надгробный камень с изображением совы, но зеркала там не было вырезано. Местные хроники ничего не говорят об этом необыкновенном человеке, и первое упоминание о нем относится к 1533 г., когда народная книга о Тиле Уленшпигеле была переведена уже на многие европейские языки.

122

Гете И.-В. Из моей жизни. Поэзия и правда. – Собр. соч.: В 10-ти т. М., 1976 г., т. 3, с. 32–33.

123

Geschichte der deutschen Literatur von den Anfängen bis zm Gegenwart. B., 1978, Bd. VII, S. 511.

124

Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956, с. 344.

125

Там же, с. 346.

126

Там же, с. 348.

127

Там же, с. 349–350.

128

Там же, с. 351.

129

Там же, с. 352.

130

История немецкой литературы: В 5-ти т. М., 1962, т. 1, с. 218.

131

Suchsland P. Einleitung. – In: Deutsche Volksbücher: In 3 Bd Berlin; Weimar: Aufbau-Verlag, 1968, Bd. 1, S. VIII.

132

Михайлов А. Д. Французский рыцарский роман. М., 1976, с. 260 и сл.

133

Либман М. Я Немецкая скульптура, 1350–1550 гг. М., 1980, с. 352.

134

Zoege K. von Manteuffel. Der deutsche Holzschmtt, München, 1921, S. 84–96.

135

Michadov Л. D. Ritterroman und Volksbücher: (Renaissance-Liter atur imd frühbürgeir-liche Revolution), Berlin; Weimar: Aufbau-Verlag, 1976, S. 128.

136

Deutsche Volksbucher: In 3 Bd. Berlin; Weimar: Aufbau-Verlag, 1968, Bd. 2, S. 345

137

Meiners J. Schelm und Dümraling in Erzalungen des deutschen Mittelalters. München, 1967.

138

История немецкой литературы, т. 1, с. 223–224.

139

Шарль де Костер. Легенда об Уленшпигеле и Ламме Гудзаке / Пер. Н. Любимова, вступ, ст. Б. И. Пуришева. М., 1978.

140

Grundposition der deutschen Literatur im 16. Jahrhundert. Weimar, 1976, S. 252–253.

141

Spnewald J. Vom Eulenspiegel zum «Simplizissimus»: Zur Genesis des Realismus in den Anfängen der deutschen Prosaerzählung. B., 1974, S. 28 etc.

142

В настоящем томе воспроизведены ксилографии из «Прекрасной Магелоны» издания Генриха Штейнера, 1535 г; гравюры на дереве (факсимиле) первого издания «Фортуната» (1509 г., Аугсбург), автором которых предположительно является Йорг-Брей Старший, гравюра на дереве (титульный лист) «Тиля Уленшпигеля» (1515 г., Страсбург), а также ксилографии из стихотворной обработки «Тиля Уленшпигеля» И.Фишарта (1573 г.).

143

Dr. *Thomas Murners.* Ulenspiegel Hrsg. von J. M. Lappenberg. Leipzig: T. O. Weigel, 1854. XIV. 470 S.

144

Ain schöner Dialogus und gesprech aim Pfarren und aim Schulthaysz betreffend allen übel Stand *der* gaystlichen. O. J., U. O.

145

Ein kurzweilig Lesen von Dyl Ulenspiegel. Faks. Ausg. von 1515/Hrsg. von E. Schröder. Leipzig; Insel-Verl., 1911. 259 S.

146

Ulenspiegel: Krit. Textausg. von W. Krogmann. Neumünster: Wachholz, 1952. XX. 58 S. (Drucke d. Vereins für Niederdt. Sprachforschung; 11.)

147

Das Volksbuch vom Till Eulenspiegel: Vollst. Tekstausg. d. Volksbuches von 1515 und 1519/Neu hrsg. und mit Anm. u. e. Nachwort vers, von G. Jäckel. Leipzig: Reklam, 1955. 223 S. (Reklams Universal-Bibliothek. 1687–1688 a).

148

Подробнее об этих изданиях см.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века, 1725–1800, т. 2. К. – П. М., 1964, с. 457–459.

149

О польских переделках «Тиля Уленшпигеля» см.: *Badecki K.* Literatura mieszczanska w Polsce XVII wieku: Monografja bibliogr. Lwôw etc., 1925, c 347–373, 498–501.